

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
27 (90)

ИСТОРИЯ
И
ФИЛОЛОГИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Очередной выпуск «Палестинского сборника» знакомит читателей с достижениями советских востоковедов в области древней и средневековой истории и литературы народов Ближнего Востока и сопредельных стран.

Издание рассчитано на специалистов по истории культуры Ближнего Востока.

Редакционная коллегия:

чл.-корр. АН СССР М. Н. БОГОЛЮБОВ, М. А. ДАНДАМАЕВ,
И. М. ДЬЯКОНОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. И. ИВАНЕНКО,
О. В. КОВТУНОВИЧ, Е. Н. МЕЩЕРСКАЯ (ответственный секретарь),
акад. Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ (ответственный редактор),
Е. Д. ПЫРЛИН, чл.-корр. АН СССР З. В. УДАЛЬЦОВА
(зам. ответственного редактора)

ПРОБЛЕМА ПАЛЕСТИНЫ В XX в.: ИСТОКИ, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В XX в., особенно с 40-х годов, резко возросло значение проблемы Палестины. Эта проблема начала оказывать воздействие не только на развитие обстановки в ближневосточном районе, но и на события за его пределами. Можно считать, что в этот период проблема Палестины приобрела новый качественный характер.

Ее содержание стало во многом определяться, во-первых, развитием ближневосточного конфликта, т. е. конфликта между сионизмом, а с конца 40-х годов и государством Израиль, с одной стороны, и арабскими странами и народами — с другой; во-вторых, процессом становления палестинского народа как национальной общности, в-третьих, политикой великих держав в отношении палестинской проблемы.

История возникновения палестинской проблемы

Исторически и логически первопричиной арабо-израильского конфликта был конфликт между сионизмом и арабским народом Палестины.

В 1897 г. на конгрессе в Базеле проявилось стремление сионистского движения основать еврейский национальный очаг в Палестине, населенной тогда почти исключительно арабами. Позже сионистские лидеры охарактеризовали содержание своего движения как стремление «передать народу без страны страну без народа». Эта формула была порочной в обеих ее частях. Лица еврейского происхождения жили во многих государствах мира, и преобладающее большинство считало своей родиной те страны, где проживали не только они сами, но и их отцы, деды, прадеды.

В свою очередь Палестина была отнюдь не «страной без народа». В ее истории насчитываются десятки поколений арабов. Еврейское население Палестины составляло в 1919 г. 57 тыс. человек, т. е. 9.7% всего ее населения; арабов в это время на территории Палестины было 533 тыс., или 90.3%. Только в 30-х годах XX в. начинается активная иммиграция еврейского населения, достигшая максимума после создания государства Израиль и в первые годы его существования.

Иммиграция привела к изменению соотношения между еврейским и арабским населением в Палестине. Однако это происходило не только за счет абсолютного увеличения числа иммигрантов, но также и — следует обратить на это особое внимание — за счет вытеснения коренного палестинского арабского населения.

Еще задолго до создания государства Израиль колонизационные фонды — Еврейский национальный фонд, основанный в 1901 г., и Палестинский учредительный фонд, основанный в 1920 г., — начали скупать землю у арабских собственников, главным образом крупных феодалов. В результате таких сделок с земель сгонялись арендаторы-крестьяне, оставались без работы тысячи батраков. Лишь незначительная часть из

них получала работу у новых поселенцев. В этой связи представляет интерес устав Еврейского агентства, подписанный в Цюрихе 14 августа 1925 г. Статья 3d этого устава гласит, что «земля должна приобретаться как еврейская собственность и записываться на имя Еврейского национального фонда». Статья 3e устава добавляла к этому: «Во всех работах и мероприятиях, проводимых агентством, вопросом принципа будет использование еврейского труда».

В тексте соглашения между фондом и поселенцами, получающими от него кредит, значилось: «Поселенец подтверждает, что в течение означенного периода он будет проводить сельскохозяйственные работы самостоятельно или с помощью своей семьи, и если появится необходимость привлечь другую помощь, то он привлечет только еврейскую рабочую силу».¹ Автор «Доклада об иммиграции, земельных поселениях и развитии в Палестине» сэр Дж. Х. Симпсон писал, что «замена арабского труда еврейским — вполне определенная политика сионистской организации».²

Лишившиеся земли арабы-палестинцы не могли получить постоянную, обеспечивающую их средствами существования работу и в городах.

Сионистские руководители теперь проявляют крайнюю незаинтересованность в освещении этих сторон своей деятельности во времена колонизации Палестины. Однако суть дела от этого не меняется. Для полного представления о повседневной практике тех дней достаточно процитировать лидера «Мапай» Давида Хакохена. В течение долгих лет он был членом израильского парламента — кнессета, возглавляя одну из наиболее важных комиссий — обороны и иностранных дел. Вспоминая о горячих спорах в Лондоне в 20-х годах со своими «социалистическими коллегами» — студентами из Англии, Ирландии, Китая, Индии, Африки, Хакохен через 40 лет, в ноябре 1968 г., с горечью сказал: «Я должен был оправдывать в спорах тот факт, что не принимаю арабов в мой профсоюз Гистадрут; оправдывать проповеди домохозяйкам, чтобы они не покупали в арабских лавках; оправдывать то, что мы выставляли охрану у садов, чтобы арабы не смогли получить там работу. . . оправдывать то, что обливали керосином арабские помидоры, и то, что нападали на еврейских домохозяек на рынке и били яйца, которые они покупали у арабов; возносить до небес Еврейский фонд, который послал Ханкина в Бейрут, чтобы скупить землю у отсутствующих эфенди (помещиков) и выбросить с этой земли феллахов (крестьян) — купить множество дунамов³ у арабов разрешалось, а вот, упаси господь, продать хоть один дунам арабу было категорически запрещено; представлять социалистом Ротшильда, олигетворение капитализма, и называть его благодетелем — все это делать было крайне нелегко».⁴

Начало массовой эмиграции палестинских арабов датируется 1947 г. 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе находившейся под английским мандатом Палестины и образования на ее территории двух государств — еврейского и арабского. Первому государству отводилась территория в 14.1 тыс. кв. км, второму — в 11.1 тыс. кв. км. Но эта резолюция ООН не была реализована. В декабре 1947 г. начались вооруженные столкновения во многих районах Палестины. Британский генерал Джон Багот Глабб — создатель арабского легиона в Трансиордании и затем его командующий — в своих мемуарах вспоминает о разговоре, который состоялся между англичанином — высшим офицером арабского легиона и офицером «Хаганы».⁵

¹ Palestine Report on Immigration, Land Settlement and Development, Sir Hope Simpson, 1930. London, 1930, p. 52.

² Ibid., p. 56.

³ 1 дунам (мера площади) = 1000 квадратных метров.

⁴ Гаарец, 17 II 1969.

⁵ «Хагана» — нерегулярная военная организация сионистского движения, ставшая базой для создания израильской армии.

Англичанин заметил, что население Израиля, как только он будет образован, разделится приблизительно поровну между евреями и арабами и это может породить серьезные трудности. «Трудности преодолимы, — ответил офицер «Хаганы», — несколько запланированных кровопролитий приведут к тому, что мы от них извадимся».⁶

То, что произошло в декабре 1947 г. и продолжалось в 1948 г., напоминало иллюстрацию к этим словам. В январе 1948 г. сионисты произвели взрыв в сквере города Яффа. В результате взрыва погибло 22 араба-палестинца, ранено было много больше. На следующий день сионисты взорвали отель «Семирамис» в Иерусалиме, и еще 22 араба-палестинца было убито. Подобные террористические акты осуществлялись в январе, феврале, марте 1948 г. Наиболее тяжкое преступление было совершено в арабской деревне Дейр-Ясин. В ночь с 9 на 10 апреля экстремисты из банд «Штерн» и «Иргун цвай леуми» — двух террористических сионистских организаций — устроили в этой деревне, находящейся в окрестностях Иерусалима, кровавую бойню. 254 человека — среди них женщины и дети — были убиты. В апреле вооруженные силы сионистов оккупировали Хайфу, Яффу, арабский квартал Катамон в Иерусалиме. В мае были захвачены Сафад, Бейсан и другие города и населенные пункты. До мая 1948 г., т. е. до провозглашения Израиля в качестве государства, с его будущей территории было изгнано около 400 тыс. арабов.

Вытеснение арабов-палестинцев интенсивно продолжалось и после создания государства Израиль, особенно во время вооруженных столкновений между сионистскими отрядами и армиями арабских государств в первой палестинской войне 1948—1949 гг. После окончания этой войны к 400 тыс. палестинцев, вынуждено покинувших свои родные места, добавилось еще 340 тыс. беженцев.

Почему произошла эта массовая эмиграция палестинских арабов? В чем были ее реальные причины?

Позже руководители Израиля будут говорить, что сотни тысяч палестинцев покинули свои родные дома «добровольно», став «жертвами пропаганды арабских правительств», которые якобы прямо призывали их уходить с территории Палестины. Английский публицист Эрскин Чилдерс исследовал архивы Би-Би-Си, содержащие записи радиопередач арабских радиостанций, направленных на Палестину. По его словам, цитируемым многими, в том числе и израильскими авторами либерального толка, он не нашел ни одного заявления арабского лидера, которое можно было бы интерпретировать как призыв к палестинцам покидать свои дома.⁷

Вместе с тем имеются многие доказательства того, что эмиграция палестинцев явилась результатом политики сионистского руководства. Дело было не только в том, что сионистов устраивал такой массовый уход арабов-палестинцев. Они целенаправленно добивались этого. В 1957 г., выступая на научной конференции, генерал Игал Аллон, который во время первой палестинской войны командовал операциями в северном районе, заявил, что в намерения сионистского руководства при планировании захвата арабской части Сафада не входило предотвращение ухода арабского населения. Естественно, что гораздо более определено на этот счет высказывались те, кто не принадлежал к руководящему кругу в сионистском движении. Бывший член израильского парламента Ури Авнери, например, в своей книге «Израиль без сионизма» пишет следующее: «Я уверен, что в течение этой фазы вытеснение арабского гражданского населения стало целью Давида Бен Гуриона и его правительства».⁸ А вот еще одно мнение, которое принадлежит известному английскому историку

⁶ Sir John Glubb. *A Soldier with the Arab*. London, 1957, p. 99.

⁷ Uri Avnery. *Israel without Zionism*. New York, 1971, p. 225.

⁸ Ibid., p. 133.

Арнольду Тойнби: «Палестинские арабы не покинули свои дома добровольно или подчиняясь приказам правительств соседних арабских стран. Они ушли под страхом смерти».⁹ Справедливость данного вывода подтверждается и английским военным историком Э. О'Бэллансом, который так определил содержание сионистской политики: «Израильская политика должна была вынудить арабов покинуть свои дома, и, чтобы заставить их это сделать, интенсивно применялась психологическая война».¹⁰

Расправа над мирным арабским населением в Дейр-Ясине и другие подобные преступления использовались сионистской пропагандой для того, чтобы заставить арабов покидать насиженные места. На арабском языке по радио передавались угрозы: «Если вы не покинете ваши дома, вас ждет участь Дейр-Ясина», «Дорога на Иерихон еще открыта, уходите из Иерусалима, пока вас не убили».

Экспансионистская политика сионизма, направленная в тот период своим острием против арабов-палестинцев, вызвала к жизни их сопротивление. При этом имели место и эксцессы, жертвами которых становились еврейские поселенцы. Речь в данном случае идет не о том, чтобы оправдать любые такие действия, направленные против мирных жителей. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что действия со стороны арабов-палестинцев в то время были в основном стихийным проявлением их несогласия с созданием инационального государства на территории, которую они населяли с незапамятных времен. Что касается террористических акций против арабского населения, то они были не стихийным, а организованным проявлением политики сионистского руководства, направленной на создание однопалестинского государства на территории Палестины. Лидер «Иргуна» Менахем Бегин сказал об этом более чем определенно и совершенно цинично: «Резня была не только оправданна, но вообще не было бы государства Израиль без победы(?) в Дейр-Ясине».¹¹

Большинство палестинских беженцев осело в Трансиордании и в районе Газы, перешедшем под административный контроль Египта, несколько сот тысяч поселилось в Ливане и Сирии, некоторые получили приют в Ираке. Начиная с 1948 г. шла непрерывная борьба за право палестинских беженцев вернуться на территорию, которую они были вынуждены покинуть. Между 1948 и 1967 гг. Генеральной Ассамблеей ООН было принято 19 резолюций, подтверждающих право беженцев на репатриацию или, в случае их нежелания возвращаться, на компенсацию за потерянное имущество. Однако Израиль продолжал отказываться от претворения этих резолюций в жизнь.

Таким образом, до войны 1967 г. арабское население Палестины было разделено на две части. Одна часть — 300—400 тыс. человек — находилась на территории Израиля, другая — около миллиона — в соседних с Израилем арабских странах, проживая в основном компактно в палестинских лагерях.

Положение арабов-палестинцев усугубила «шестидневная война» 1967 г. Сотни тысяч новых беженцев опять были вынуждены оставить свои дома — теперь уже на Западном берегу реки Иордан, в Иерусалиме, в районе Газы, на Голанских высотах, на Синайском полуострове, оккупированных израильскими войсками. Многие стали уже дважды беженцами: они покидали свои лагеря, основанные после 1948 г., и переселялись на восточный берег Иордана в Сирию, некоторые — в Ливан, Ирак. Массовое изгнание арабов-палестинцев продолжалось до 1968 г., когда король Иордании Хусейн закрыл мосты через реку Иордан.

Однако и после этого насильственно изгонялись из своих родных мест сотни, тысячи людей — теперь уже выборочно, главным образом пред-

⁹ The Transformation of Palestine. Essays on the Origin and Development of the Arab-Israeli Conflict, ed. by Ibrahim Abu-Lughod. Evanston, 1971, p. IX.

¹⁰ The Arab-Israeli War, 1948. London, 1956, p. 63.

¹¹ Цит. по: The Jewish Newsletter, 1960, 3 October.

ставители интеллигенции, известные личности, влиятельные люди из бывшей администрации и т. д. «Представители властей приходят в дом человека к полнотчи. Они дают ему полчаса или час, чтобы собрать несколько вещей, препятствуя одновременно тому, чтобы он или члены его семьи могли связаться с кем-нибудь из соседей. Группа таких людей привозится в долину реки Иордан, и с помощью ударов и выстрелов их заставляют переправляться в Иорданию. Большинство высылаемых принадлежит к элите палестинской нации: мэры городов, юристы, инженеры и интеллектуалы. Конечно, официально они ни в чем не обвиняются, и поэтому у них нет никакой возможности открыто себя защищать!»¹² — так описывает механизм «индивидуальной высылки» людей с оккупированных территорий профессор Еврейского института в Иерусалиме, видный химик-органик, председатель Израильской лиги в защиту человеческих и гражданских прав Израэль Шахак.

По данным Агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ (УНРВА), созданного ООН, общее число палестинских беженцев в 1980 г. составило 1.8 млн. человек.

Народ без родины

Итак, палестинцы оказались без родины. Этот вывод относится ко всему палестинскому народу — к тем арабам-палестинцам, которые остались на территории Израиля, к тем, кто проживает на оккупированной территории, и к сотням тысяч беженцев, находящихся в различных арабских странах.

Арабское национальное меньшинство практически лишено гражданских прав в Израиле: оно подвергается дискриминации в отношении работы, образования, длительное время не пользовалось свободой передвижения по стране. Показательно, что арабы, составляющие 13% населения страны, почти не представлены в руководящих государственных органах. В кнессете в 1976 г. из 120 мест лишь шесть занимали арабы. Весьма характерно, что в израильских университетах среди студентов только 3% арабов.

Дискриминационные меры в отношении арабского меньшинства в Израиле являются предметом повседневной практики. Профессор Массачусетского технологического института (США) Ноам Чомский, которого трудно заподозрить в антиизраильской предвзятости (его перу в прошлом принадлежал ряд статей, в которых он восхвалял образ жизни израильтян), в статье, опубликованной в парижском журнале «Жён Африк», в апреле 1976 г. писал следующее: «Помимо дискриминации, существующей в силу духа и буквы закона, почти официальные организации, такие, как Еврейское агентство или Еврейский национальный фонд, несут ответственность за выполнение программ развития с явным намерением создать огромное неравенство между еврейскими и арабскими поселениями. Так, например, 90 тыс. арабских крестьян в Галилее получают такое количество воды, на какое имеет право одна-единственная еврейская деревня, а 60% арабских деревень все еще не имеют электричества. Такие факты представляют собой, естественно, следствие того, что контроль над электрификацией и распределением воды принадлежит организациям, которые в принципе призваны заботиться о благосостоянии лишь еврейских граждан».

Дискриминация арабов существует также в распределении жилья, в области образования (не только высшего) и муниципального обслуживания.

¹² Journal of Palestine Studies (Beirut and Kuwait), vol. IV, № 3, Spring 1975, p. 463.

Многие прогрессивно или либерально настроенные израильтяне неоднократно высказывали свое возмущение существующими в их стране порядками в отношении арабского национального меньшинства. Повседневную борьбу за изменение условий жизни арабов в Израиле, за их равноправие вели и ведут израильские коммунисты. Под воздействием борьбы прогрессивных сил в Израиле и международного движения солидарности с этими силами за ряд лет удалось добиться кое-каких сдвигов. Но они крайне незначительны и никак не могут зачеркнуть тот очевидный факт, что арабы-палестинцы остаются в Израиле на положении угнетенного национального меньшинства, не пользующегося равноправием с еврейской частью населения.

«Мы не отрицаем, что уровень жизни значительной части арабов поднялся, особенно после того, как в стране возросла потребность в рабочих руках, — пишет Сабри Джерис, один из исследователей положения арабов в Израиле. — Однако весь тот прогресс — о нем гордо и громогласно заявляет Израиль — фактически сводится к предоставлению минимума услуг, которые каждое государство обязано предоставить своим подданным, даже если это и делается для сохранения определенного престижа в глазах других. Предоставленные услуги абсолютно нельзя сравнивать с тем, что взято или отнято силой у арабов».¹³

Израильские руководители не помышляли и не помышляют о решении национального вопроса арабского меньшинства, населяющего страну. Напротив, они осуществляют курс на сохранение однопалестинского характера государства. При этом проводится политика, служащая цели либо постепенного вытеснения арабского населения, либо постепенной ликвидации его национальной самобытности.

В этом плане весьма характерна политика израильского руководства по земельному вопросу.

До создания государства проводился четко выраженный курс лишения земли арабской части населения Палестины, что служило средством его выталкивания за пределы, в которых в 1948 г. был создан Израиль.

Линия, направленная на то, чтобы отобрать землю у арабов-палестинцев, была продолжена после создания Израиля. В первые годы существования этого государства правительство создало закрытые зоны, используя статью 125 законодательства, введенного в период мандата (1945 г.) для . . . борьбы с терроризмом сионистских организаций против английской администрации. Арабским землевладельцам, чьи земли были расположены в этих зонах, не разрешили вернуться на свои родные места после войны 1948 г. Характерно, что решение кнессета в мае 1951 г. поручить юридической комиссии в двухнедельный срок разработать закон, аннулирующий прежние указы, «противоречащие демократическим принципам», было тут же предано забвению. Между тем «пустующие» на основе статьи 125 земли начали осваиваться израильтянами.

В октябре 1948 г. был принят закон, разрешающий министерству сельского хозяйства конфисковывать те участки, которые не обрабатывались и не засеивались в течение года, и «передавать их третьим лицам». Затем появился закон об «отсутствующих землевладельцах». Под эту категорию подпали не только те, кто покинул территорию Израиля, но и около 20 тыс. арабов-палестинцев, проживавших в Израиле и имевших израильское удостоверение личности. Их зачислили в категорию «отсутствующих» на основании того, что в период между 29 ноября 1947 г. (дата решения ООН о разделе Палестины) и 1 сентября 1948 г. они находились либо за пределами границ Израиля, либо в районах, контролируемых арабами.

В 1949 г. в законодательном порядке были созданы «зоны безопасности» в Израиле. Министерству обороны разрешалось выселять арабских жи-

¹³ Сабри Джерис. Арабы в Израиле. Бейрут, 1967, ч. 2, с. 160 (на араб. яз.).

телей из населенных пунктов, расположенных в приграничной полосе шириной 10 км. Вначале создавалось впечатление, что закон о «зонах безопасности» не лишал арабских жителей таких зон права собственности — он только препятствовал их доступу к своим землям. Однако в 1953 г. кнессет принял новый закон, на основании которого правительство стало новилось собственником всех земель, которые на 1 апреля 1952 г. фактически не находились в руках их владельцев.

Экспроприировать арабских землевладельцев помогла целая серия и других законов и указов: «О лесах», на основе которого были конфискованы многие леса и рощи, принадлежавшие арабским деревням, «О сроке давности», «О приобретении земель в интересах населения» (использовались для создания городов и населенных пунктов с еврейским населением или их расширения) и т. д.

В результате всех мер по конфискации земель, осуществленных после создания государства Израиль, арабские деревни к середине 70-х годов в общей сложности владеют всего около 50 тыс. га земли. В эту цифру не входит территория пустыни Негев, где бедуины, ведущие оседлый образ жизни, по свидетельству французской газеты «Монд», «фактически оказались лишены израильскими властями своих прав на владение 190 тысячами гектаров земли».¹⁴

Согласно данным обследования положения в арабских деревнях, проведенного министерством сельского хозяйства Израиля, земельное владение одной крестьянской арабской семьи уменьшилось в 3 с лишним раза — с 1.5 га до создания государства Израиль до 0.46 га в 1963 г. По свидетельству корреспондента газеты «Монд» в Иерусалиме А. Капелюка, с тех пор средний размер земельного участка арабской крестьянской семьи в Израиле значительно сократился. Корреспондент в качестве примера приводит самое большое арабское селение в Израиле Умм-аль-Фахем. В 1976 г. жителям этого села принадлежало только 1200 га из 14 тыс. га, которыми они владели до создания государства Израиль, при значительном приросте населения — в среднем 700 новорожденных в год.

Целенаправленная политика перераспределения земли по национальному признаку подкреплялась дискриминацией арабов в арендных отношениях. Арабским земледельцам не разрешают арендовать землю у еврейских общин. Как писала газета «Гаарец» 27 февраля 1976 г., министр сельского хозяйства угрожал лишением воды и конфискацией земли тем еврейским владельцам, которые согласятся сдать землю арабам. Арабы также не могут стать членами киббуца (сельскохозяйственного кооператива) или даже наняться туда на работу.

После создания Израиля в руках государства и еврейских общин постепенно оказалась сосредоточенной преобладающая часть земли. В середине 60-х годов, когда был упразднен институт военных губернаторов в арабских районах Израиля, официальные израильские лица провозгласили «конец эпохи конфискации арабских земель». В середине 70-х годов, однако, была возобновлена конфискация земель арабского национального меньшинства в Израиле.

Газета «Давар» от 2 марта 1976 г. писала, что новые решения об экспроприации арабских земель призваны «положить конец уменьшению доли еврейского населения в Галилее», иными словами, не скрывала связи между официальной политикой в области землевладения и линией властей на создание условий для закрепления однонационального характера государства и дискриминации арабского национального меньшинства. Вместе с тем если до создания Израиля и в первые годы его существования изменение характера землевладения по национальному признаку служило

¹⁴ Le Monde, 1 VI 1976.

вытеснению за пределы этого государства экспроприированных арабских мелких земельных собственников, а также арендаторов-арабов, лишенных возможности арендовать землю, то теперь наряду с этим израильское руководство преследует и другие цели. Одна из них — «перераспределить» население, не дать возможности арабскому меньшинству консолидироваться в отдельных районах Израиля, «разбавить» его еврейскими поселениями. Все это совершенно недвусмысленно направлено против любых форм самоопределения арабского меньшинства в Израиле.

Аналогичным целям служили и политические меры израильских властей, запрещавших создание арабских партий, арабских профсоюзов, спортивных и культурных клубов и т. д.

Таково положение арабского меньшинства. Еще более тяжелым оно стало для арабов-палестинцев на оккупированных Израилем в июне 1967 г. территориях. Эта часть арабского палестинского населения испытала на себе все тяготы оккупационного режима: аресты, террор, преследования, обыски, принудительное выселение, подавление силой демонстраций и забастовок, разрушение домов не только тех, кто принимает участие в движениях сопротивления, но и тех, кто лишь сочувствует его бойцам. С 1967 по 1976 г. израильскими военными властями было разрушено около 20 тыс. домов арабов на Западном берегу р. Иордан и в районе Газы. Тысячи людей брошены в тюрьмы. Условия их содержания в заключении вызывают решительный протест со стороны многих международных демократических организаций.

Вот свидетельство Израэля Шахака, председателя Израильской лиги в защиту человеческих и гражданских прав. Ниже приводятся выдержки из его напечатанной в иностранном журнале статьи, которую он первоначально направил в газету «Гаарец», отказавшуюся ее опубликовать: «Израильский оккупационный режим не только не либеральный, но в действительности один из самых жестоких репрессивных режимов в современный период. . . Возьмем пример разрушения домов и других видов группового наказания. Факты хорошо известны: когда оккупационные власти арестовывают подозреваемого, даже раньше того, как он предстает перед судом, иногда даже раньше, чем ему предъявляется официальное обвинение, издаются приказ о разрушении дома, в котором жил подозреваемый. Подчас это дом, принадлежащий его семье, иногда нет. Все обитатели деревни силой сгоняются на ближайший холм для того, чтобы наблюдать «поучительный спектакль». Нужно подчеркнуть, что такое действие варварское в своей основе. Дети, старики, женщины, больные, калеки — все независимо от погоды выталкиваются на улицу. . .».

Касаясь других способов «группового наказания», используемых израильской администрацией, Шахак пишет: «Кто-то хочет наказать жителей района Хеброна? В момент страды вводится запрет на провоз по дорогам урожая, пока «нотабли» (старосты. — *Е. П.*) не падут на колени перед военным губернатором. Кто-то хочет наказать город Рамаллах? Запрещается продажа овец в городе на два месяца, или муниципалитету запрещается получать те средства, которые переводят для развития городского хозяйства рамаллахцы, находящиеся за рубежом».¹⁵

Особое значение имеет политика создания израильских поселений на оккупированных территориях. Ее цели сводятся к следующему: обеспечение территориальной экспансии; создание форпостов для борьбы с сопротивлением арабов-палестинцев; предотвращение реального самоопределения палестинцев и попытки создать формы квазиавтономии, практически лишающие палестинский народ его неотъемлемых прав; сохранение «контрольных позиций» в руках Израиля в случае, если ему придется согласиться на реализацию палестинцами права на образование государства.

¹⁵ Journal of Palestine Studies, vol. IV, № 3, p. 162—163.

Вопреки протестам арабских жителей и мировой общественности, полностью игнорируя решение ООН и Женевскую конвенцию (даже руководство госдепартамента США в таких условиях вынуждено было выступать против практики создания израильских поселений на Западном берегу Иордана, в районе Газы и на Голанских высотах), израильские власти после войны 1967 г. до середины 1976 г. основали 68 поселений на оккупированных территориях.¹⁶

Эта линия получила свое дальнейшее развитие после прихода к власти правительства ультраправого блока «Ликуд». Общее число поселений на захваченных арабских землях было увеличено к 1980 г. до 122. В конце января 1979 г. министр сельского хозяйства Израиля А. Шарон, которому, по словам американской газеты «Интернэшнл геральд трибюн», «Бегин поручил заниматься острым вопросом о еврейских поселениях», публично изложил планы Израиля на длительную «перспективу». Как сказал Шарон, процесс установления израильского контроля и поглощения Израилем обширных земель Западного берега «займет много лет». Этот период, по его словам, предусматривает создание «поясов израильских поселений на Западном берегу», строительство многочисленных дорог и шоссе, которые свяжут эти поселения и новые израильские города, образование «обширной инфраструктуры с армейскими лагерями, полигонами и районами для учебных стрельб».

«Функцией таких поселений, — пишет профессор И. Шахак, — это ясно для всех, кто посмотрит на карту, — является территориальная экспансия и порабощение палестинского населения оккупированных территорий».¹⁷

Категорическое «нет» законному праву палестинского народа на создание собственного национального государства звучало из уст всех правительств Израиля и до, и после 1973 г. — Меир, Рабина — Переса, Бегина. За такой позицией стоит, ее подкрепляет — вне зависимости от того, умалчивали об этом или говорили открыто, как Бегин, — стремление к аннексии либо к ее скрытой форме — сохранению «прямых связей» Израиля с оккупируемыми землями Западного берега и Газы даже после урегулирования. В этом отношении представляют интерес «план Аллона» и «план Даяна», авторы которых предложили основать «военную границу» Израиля по реке Иордан, создать «пояса безопасности» на Западном берегу и в районе Газы, сохранить за израильтянами военно-контрольные функции и функции безопасности на этих территориях при неопределенных, нефиксированных границах этих территорий с Израилем.

Еще более ярко выраженная аннексионистская направленность характеризует так называемый план «палестинской автономии» Бегина. Его основные положения были зафиксированы в кэмп-дэвидских документах и в приложении к египетско-израильскому сепаратному договору. Детализированный план получил одобрение кнессета 21 мая 1979 г. Он предусматривает политический контроль израильских властей за деятельностью органов «самоуправления палестинцев», контроль над экономической жизнью района «автономии», сохранение израильских вооруженных сил на Западном берегу и в Газе и продолжение строительства израильских поселений.

Преemptивность антипалестинской политики всех правительств Израиля выражается и в неизменной практике, имеющей своей целью интеграцию оккупированного Западного берега и Газы в израильскую экономику. На оккупированные территории распространилась израильская налоговая система. Поощрялось привязывание их сельскохозяйственного производства к израильскому рынку. В погоне за дешевой рабочей силой, особенно в условиях массовой службы израильтян в армии, из-

¹⁶ The New York Times, 12 V 1976.

¹⁷ Journal of Palestine Studies, vol. IV, № 3, p. 164.

раильские предприниматели стали практиковать ввоз арабских рабочих с оккупированного Западного берега и из Газы. Используя сравнительно небольшие расстояния, предприниматели привозят их в грузовых автомашинах обычно на день, а к ночи отвозят обратно. Число таких арабских рабочих достигает нескольких десятков тысяч.

Подобная практика, не имеющая абсолютно ничего общего с филантропией, тем не менее дает заработок определенному числу арабов, и на основе этого израильские и произраильские журналисты провозгласили «эру благоденствия» для жителей оккупированных земель и «идиллический мир» между ними и Израилем. В заслугу себе израильская администрация ставит и проведение на Западном берегу муниципальных выборов, которые представляются чуть ли не как процесс «внедрения демократических принципов» на оккупированной территории. Между тем само проведение выборов в ряде городских и сельских муниципалитетов и в 1972, и в 1976 гг. тоже служило главным образом цели лишить арабов-палестинцев реальных прав на самоопределение. Эти выборы связывались с идеей самоуправления палестинцев на оккупированной территории, которая позже вылилась в предложение, составившее основу израильской платформы по Западному берегу на совещании в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 г. Еще задолго до Кэмп-Дэвида и даже до прихода к власти правительства Бегина — в этом опять проявляется преемственность сионистской линии, направленной на лишение палестинского народа права на реальное самоопределение, — был разработан многоступенчатый проект введения «гражданской администрации» на Западном берегу. При израильской военной администрации, ведающей всеми делами на оккупированной территории, предполагалось создать арабский гражданский аппарат с ограниченными функциями и в весьма ограниченной сфере — в сельскохозяйственном производстве, просвещении, здравоохранении. Затем предполагалось предоставить мэрам городов более широкие полномочия, в том числе власть над близлежащими деревнями. Заключительной стадией является создание более сложной системы, охватывающей мэров городов и арабских чиновников, состоящих при израильской военной администрации. Эту систему предполагалось выдать за «самоуправление» арабов на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы, что и было официально сделано в принятых Садатом предложениях Бегина в Кэмп-Дэвиде.

Далее, общая идея «гражданской администрации» всегда заключалась в создании антипода Организации освобождения Палестины, которая не только признана всеми арабскими странами единственным представителем арабского палестинского народа, но и пользуется широкой поддержкой на оккупированных территориях.

В августе 1977 г. мэры Западного берега и района Газы направили памятную записку государственному секретарю США, в которой говорилось: «Палестинцы занимают единую позицию и не могут быть разделены географически. ООП, руководимая Ясиром Арафатом, — это единственная организация, уполномоченная говорить от их имени».

Нужно сказать, что проект самоуправления палестинцев на оккупированной территории с самого же начала соседствовал, а подчас и стыковался с планами нового вытеснения арабов-палестинцев с части или даже со всех оккупированных в 1967 г. арабских земель.

Израильские «ястребы» призывают к третьему массовому «изгону арабов». Например, не нуждается ни в каких комментариях интервью, которое дал газете Еврейского университета в Иерусалиме бывший командующий израильскими парашютными войсками, а ныне преподаватель университета генерал А. Давиди.

В о п р о с. Как вы предлагаете решить палестинскую проблему?

О т в е т. Наиболее простым и гуманным (!) способом: перевести всех палестинцев с их нынешних мест жительства в арабские страны.

В о п р о с. Они хотят этого?

О т в е т. Они примут это, если у них не будет другой альтернативы». ¹⁸

В рядах тех, кто призывает вновь активизировать «переселение» арабов за пределы Израиля и оккупируемых им ныне территорий, находятся не только «отставники», но и высокопоставленные официальные лица.

Сторонники нового вытеснения арабов приводят такие «аргументы»: естественный прирост арабов происходит значительно быстрее, чем прирост еврейского населения Израиля, таким образом «размывается» сионистский характер государства. Выход из этого — усиление иммиграции, для чего нужны «дополнительные земли», «по крайней мере» арабские территории, захваченные в 1967 г. Следовательно, необходимо их аннексировать. Но эти территории населены, поэтому необходимо вытеснить их коренное население. За этой откровенно расистской теорией стоят не отдельные лица, а целые политические партии, пользующиеся к тому же значительным влиянием в Израиле.

Эта «теория» приобрела практическое воплощение в движении за заселение оккупированных территорий, которое возглавляет крайне националистическая религиозная группа «Гуш эмуним» («Союз верующих»). Начав действовать без формального разрешения правительства, члены группы основывают поселения на Западном берегу с прицелом дальнейшего последовательного расширения захваченных для таких поселений зон. Корреспондент американского журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» в Иерусалиме приводит свой разговор с представителями этой группы: «Израиль, как он обозначен в Библии, простирается от Ирака до реки Нил. Мы вовсе не горстка фанатиков. Находясь здесь, мы охраняем Тель-Авив», — сказал один из них. Его жена добавила: «Это наша земля, и никто этого не изменит». ¹⁹

Правительства, возглавляемые Партией труда, лишь формально отнеживались от действий «Гуш эмуним», однако фактически исподволь ее поддерживали. Отдельные меры, служившие якобы для предотвращения незаконного заселения оккупированных территорий, а на самом деле продиктованные стремлением нейтрализовать бурные протесты с арабской стороны, носили скорее демонстративный характер. Одновременно эти правительства и сами, но тайно осуществляли практику «Гуш эмуним», прибирая к рукам израильского государства арабские земли на оккупированных в 1967 г. территориях.

По оценке того же иерусалимского корреспондента журнала «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт», государственные владения Израиля на Западном берегу неуклонно увеличиваются. По имеющимся данным, израильские власти аннексировали уже более 30% всей территории Западного берега. Крайних экстремистов поощряли и откровенные заявления членов правительства, одно из которых, принадлежавшее бывшему министру обороны Ш. Пересу, приводится ниже: «Создание каждого нового еврейского сельскохозяйственного поселения — будь то в Израиле или в оккупированных районах — укрепляет защиту Израиля». Выразив свое несогласие с методами «Гуш эмуним», Перес тут же подчеркнул, что ее члены «являются ему как отдельные лица». «Меня гораздо больше беспокоит молодежь, которая вступает в израильскую коммунистическую партию», — добавил Перес, отметив, что он «обсуждал этот вопрос с американским руководством, которое выразило понимание». ²⁰⁻²¹

В еще большей степени правых экстремистов поощряет позиция, занятая правительством Бегина: одним из его первых актов было придание «законного характера» трем поселениям «Гуш эмуним» на оккупированной территории.

¹⁸ Ibid., p. 7.

¹⁹ US News and World Report, 7 VI 1976, p. 56.

²⁰⁻²¹ Интервью Ш. Переса органу молодежного отделения Партии труда Израиля журналу «Рамдор» 24 VIII 1976.

Вся последовавшая практика Бегина служила целям дальнейшего создания неограниченного числа израильских поселений на оккупированных территориях.

Характерно, что «Гуш эмуним» и само пытается стать дополнением к правительственной линии на оккупированной территории. «Как мы можем ожидать от мира, что он воспримет идею о правах нашей армии присутствовать на территории, которая, как мы заявляем, не принадлежит нам?»²² В таких словах один из главных финансистов «Гуш эмуним», израильский промышленник Водак, не только отметил «неполную раскрытость» израильских правительственных программ, но и показал, какое место крайне экстремистское израильское течение может занимать и занимает в осуществлении правительственного курса Израиля по палестинскому вопросу.

Этот курс, который пытается «примирить» цели территориального расширения за счет оккупированных территорий с сохранением однонационального состава израильского государства, остается «открытым» для присоединения самых крайних экстремистских израильских групп, что и происходит.

Вместе с тем после войны 1973 г. в Израиле появилась группа лиц, уже не только коммунистов или близких к ним, которые всегда поддерживали право палестинцев на самоопределение, но и представителей либеральной буржуазной интеллигенции, начинающих осознать, что без предоставления палестинцам права создания собственного государства невозможно осуществить урегулирование арабо-израильского конфликта и в конечном счете обеспечить безопасное существование Израиля. Появление этой группы весьма симптоматично, хотя ее представители очень далеки от того, чтобы быть «законодателями мод» по палестинскому вопросу в Израиле. Однако само появление таких взглядов и определенный рост их популярности непосредственно вытекают из краха сионистских расчетов на возможность «длительного мирного существования» оккупационного режима на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы.

В качестве иллюстрации «идиллического положения», якобы существующего на оккупированных территориях, сионистская пропаганда нередко использует факт разрешения тысячам арабов посещать территорию Израиля. Это мероприятие известно под названием «летние визиты». Визитерам-арабам разрешают повидать своих родственников, но если речь идет об объединении семей, то это осуществляется, как правило, лишь на основе выезда родственников из Израиля, а не наоборот.

Апологеты израильской политики на оккупированных территориях ссылаются также на отсутствие массовой вооруженной борьбы арабов-палестинцев на Западном берегу и в районе Газы. Действительно, широкого вооруженного сопротивления оккупационным властям на захваченных Израилем в 1967 г. землях не было. Одно из объяснений этого кроется в политике запугивания, арестов, высылки, жестоких расправ над теми арабами, кто не только примкнул к сопротивлению, но и проявлял к нему сочувствие. Отсутствие широкой партизанской борьбы против оккупантов связано также и с природными условиями территорий, захваченных Израилем в июне 1967 г., — густонаселенное пространство, пустынный ландшафт, нет лесных массивов, труднодоступных горных районов. В то же время лидеры палестинского движения сопротивления сами не раз признавали, что ПДС, особенно в первые годы после «шестидневной войны», игнорировало работу среди населения оккупированных территорий и почти полностью сосредоточилось на укреплении своих позиций в соседних с Израилем арабских странах.

Но все это никоим образом не подкрепляет версию об «удовлетворенном» своей участью населении оккупированных территорий. Весьма ха-

²² The Jerusalem Post, 2 VIII 1976.

рактерно, что волны выступлений против оккупационных властей поднимались каждый раз, когда осуществлялись какие-либо меры в связи с палестинским вопросом либо во внутреннем, либо в международном плане. Так было, например, в ноябре 1974 г. во время дебатов на Генеральной Ассамблее ООН или во время обсуждения ситуации на Ближнем Востоке с участием представителей Организации освобождения Палестины в Совете Безопасности ООН в январе 1976 г. «Пробуждение национального самосознания у жителей Западного берега, — пишет журнал «Жён Африк», — обогатило палестинское движение сопротивления созданием второго фронта, который в конце концов станет главным».²³

Таким образом, израильская политика — и это вполне естественно — не могла предложить решение вопроса о самоопределении арабов-палестинцев, проживающих и в Израиле, и на оккупированных землях. Именно израильская политика, препятствовавшая возвращению палестинцев-беженцев к себе на родину, исключала возможность для решения этого вопроса и в отношении третьей части палестинцев, вынужденно покинувших свои родные места и расселившихся в различных арабских странах.

Все годы с момента своего изгнания значительная часть беженцев проживала в палестинских лагерях. После 1967 г. наряду со старыми лагерями возникли новые. Их общее число, по данным УНРВА, на конец 70-х годов составило 61. Скудность, антисанитария, постоянная жизнь в палатках, холод зимой, болезни детей, отсутствие элементарных удобств — все это стало нормой жизни сотен тысяч палестинцев. Лишь немногие из них в конце концов получили образование, выехали на заработки в богатые нефтью княжества Персидского залива. Особые позиции заняла палестинская буржуазия в Трансиордании, а затем в Иордании, однако около 40 % палестинских беженцев продолжало жить в лагерях.

Израильские политики любят говорить, что палестинцы искусственно задерживались в этих «резервациях». Существует даже такое «объяснение»: стабильный уровень населения в лагерях поддерживался благодаря ежемесячным пособиям, выплачиваемым агентством ООН для помощи палестинским беженцам. При этом, естественно, не упоминается, что пособия мизерные, явно недостаточные для сколько-нибудь нормального существования.

«Почему арабские государства не абсорбировали эти несколько сот тысяч человек?» — часто восклицают израильские лидеры.

Мы тут вплотную подходим к очень важному вопросу, который имеет принципиальное значение для определения характера конфронтации между Израилем и арабским населением Палестины. Кому противостоит Израиль? Идет ли речь о том, что конфликт определяется и ограничивается отношениями между этим государством и сотнями тысяч беженцев? Либо конфликт сложился между сионистским движением и палестинским народом — массой палестинцев, которые консолидировались в определенную историческую общность людей?

Итак, палестинские беженцы или лишенный национальных прав палестинский народ?

Израильское руководство стремится свести дело к проблеме беженцев.²⁴ Жизнь утверждает обратное: речь идет о проблеме исторической общности людей, получившей название арабского палестинского народа.

К такому выводу приходит и значительная часть западных наблюдателей за развитием событий на Ближнем Востоке. Американский «Миддл ист джорнэл» писал: после фазы «палестинцы превращаются в беженцев» наступила фаза «беженцы превращаются в палестинцев».²⁵ А эта цитата

²³ Jeune Afrique, 18 VI 1976, p. 39.

²⁴ The New York Times, 14 I 1976.

²⁵ The Middle East Journal, Summer 1972, p. 253.

взята из статьи, опубликованной в парижской «Нотр републик»: «Наблюдателей, возвращающихся сегодня на Ближний Восток, поражают два относительно новых факта. Первый — это выход на арену самих палестинцев. Речь идет не только о довольно активной деятельности хорошо вооруженных партизан, но и о рождении нации».²⁶ Список подобных высказываний можно было бы при желании значительно расширить.

К выводу о том, что палестинцы являются национальной общностью, пришли даже и некоторые израильские деятели. «Они сами определяют себя как палестинцев, и это дает им сильное чувство общности между собой, — признал бывший генерал израильской армии Е. Харкаби в лекции, прочитанной 18 мая 1968 г. в Тель-Авивском университете. — Преобладающее большинство сохранило свою общность и отношение к Палестине, несмотря на время, тяжелое положение и разочарование, и это действительно было до шестидневной войны. Дети, родившиеся от палестинских родителей в других странах, не идентифицируют себя с населением тех стран, где они родились; скорее, они говорят: «Я из Хайфы» или «Я из Яффы», демонстрируя таким образом свой «палестинский характер» в специфической, конкретной форме».²⁷

«Палестинцы могут быть определены как национальная общность благодаря национальному сознанию, общей протяженности территории, на которой проживает большинство из них, истории многих десятилетий, отмеченной битвами и войнами, диаспоре, которая сохраняет связь с палестинской родиной. В то же время это сознание общей национальной катастрофы, жертв, страданий и героизма. Их объединяют общие мечты и обогащают развивающаяся национальная литература и поэзия», — написал в статье, напечатанной в газете «Давар», А. Элиав.²⁸

«Один факт является наиболее важным: существование палестинского народа признается всем миром, а в настоящее время — даже большинством израильтян»,²⁹ — констатировал председатель Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман.

Следовательно, факт существования палестинцев в виде исторической общности людей, народа, а не рассыпанных по различным арабским странам единиц становится широко признаваемым. В результате активной политики Советского Союза положение об интересах палестинского народа нашло отражение в совместных советско-американских документах, подписанных Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым с президентом США Р. Никсоном в 1973 г. и с президентом США Дж. Фордом в 1974 г.³⁰ Со стороны США такая констатация была зафиксирована в официальном порядке впервые.

Положение об «обеспечении законных прав палестинского народа» содержалось и в совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. Это заявление, открывавшее двери женевской конференции, стало объектом беспрецедентной атаки со стороны американских сионистских кругов, всех антисоветских сил и элементов в США, израильского правительства. Белый дом не выдержал оказанного на него давления и подписал с Израилем «рабочий документ», фактически дезавуировавший заявление по Ближнему Востоку, совместно выработанное с Советским Союзом.

В середине 70-х годов против положения о существовании палестинского народа выступала фактически лишь израильская верхушка, лишь

²⁶ Notre Republique, 10 I 1969.

²⁷ Israel and the Palestinians, ed. by Shlomo Avinery. New York, 1971, p. 1.

²⁸ Ibid., p. 60.

²⁹ Nahum Goldmann. Où va Israël? Paris, 1975, p. 95.

³⁰ См.: Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки (18—25 июля 1973 г.). М., 1973, с. 109; Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне (27 июня—3 июля 1974 г.). М., 1974, с. 71.

сионистское руководство, оказывающее в этом вопросе влияние и на часть израильского населения. При этом оно опиралось на политическую поддержку Соединенных Штатов, которые во время переговоров с Израилем по вопросу о втором разьединении войск на Синае взяли на себя обязательство не признавать Организацию освобождения Палестины и не вступать с ней в официальные контакты. США упорно сопротивлялись включению этой организации в число участников Женевской конференции по урегулированию ближневосточного конфликта.

Нельзя не сказать о том, что, исходя из тактических соображений, американские представители подчас искали и устанавливали контакты с некоторыми представителями ООП, служившие целям укрепления американских позиций на Ближнем Востоке, — случаи такие, равно как и некоторые полуреверансы в сторону палестинцев со стороны США, получили широкую известность. Но не благодарность президента США палестинцам за помощь в эвакуации персонала американского посольства из Ливана в 1976 г., не контакты с палестинцами с целью обеспечить безопасность американского представителя Дина Брауна в Ливане в том же году, не «меморандум Сандерса», бывшего помощника государственного секретаря США, с призывом решить палестинскую проблему и даже не расплывчатое заявление президента Картера в 1977 г. о необходимости «палестинского отечества» определяли реальную позицию США по палестинскому вопросу в конце 70-х годов.

Политика США сохраняла в этот период все жесткие атрибуты линии, направленной на практическое лишение палестинцев их неотъемлемых прав. И именно это создало условия, благоприятствующие тому, что, вопреки жизни, логике, целям мирного урегулирования, да и интересам самого народа Израиля, верхушка этого государства игнорировала и игнорирует существование палестинского народа и его законные права.

Процесс консолидации палестинских арабов в национальную общность имеет свою объективную основу: компактное проживание на одной территории в течение тысячелетий, общий для всех палестинцев диалект арабского литературного языка, единая самобытная культура, психический склад, характерный для палестинцев как для исторически сложившегося народа. В то же время в жизни арабского палестинского народа большую роль играет субъективный фактор — национально-освободительная борьба, которую вели и ведут палестинцы. Огромную роль в консолидации палестинцев как народа сыграло движение сопротивления израильской политике, лишающей их права на самоопределение.

Это движение в различных формах развивалось и до и после создания государства Израиль — образовывались антисионистские группы, организации, происходили стихийные выступления. Однако некоторые из таких групп были известны скорее не своим национально-освободительным характером, а связями с реакционными арабскими элементами и в определенной степени с Англией.

Переход к активной фазе борьбы за освобождение обозначился в конце 50-х годов и полностью проявился после израильской агрессии в июне 1967 г.

Одна из наиболее сильных и авторитетных палестинских организаций — «Фатх» — была создана в 1958 г. Она провела первую военную операцию на израильской территории 31 декабря 1974 г. Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) официально был создан после июня 1967 г. Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) выделился в самостоятельную организацию в 1968 г. «Саика» была образована в 1967 г. К концу 60-х годов относится также создание Народного фронта освобождения Палестины (общее командование), Арабского фронта освобождения Палестины и т. д.

Эти организации — или во всяком случае преобладающее их большинство — возникли на основе политических партий в различных араб-

ских странах. НФОП, например, был основан на базе партии Арабское националистическое движение, действовавшей до 1968 г. в ряде арабских стран, главным образом в Сирии. «Саика» была образована по прямому решению IX съезда сирийской партии ПАСВ, создание Арабского фронта освобождения Палестины связано с решением иракской партии БААС. Все это наложило отпечаток на деятельность указанных организаций. Немалое значение имел и тот факт, что палестинские организации финансировались и финансируются различными арабскими странами.

И все-таки абсолютно не правы те западные исследователи, которые представляют палестинское движение сопротивления в целом, даже до 1967 г. (после «шестидневной войны» для подобных выводов вообще нет никаких оснований), как прямое продолжение политики различных арабских стран. ПДС развивалось под определенным воздействием политических курсов этих стран, но далеко не только в их русле. Причем этот вывод не опровергается и тем фактом, что Организация освобождения Палестины, объединившая большинство палестинских организаций, была образована в 1964 г. по решению совещания глав арабских государств в Александрии, а военное формирование ООП — Армия освобождения Палестины — не только образовалась из офицеров и солдат-палестинцев, служивших в армиях Египта, Сирии и Ирака, но составлявшие ее бригады входили в вооруженные силы этих трех арабских стран.

Вместе с тем в недрах ПДС зрело и мужало чисто палестинское направление, получившее признание как «палестинская революция». Логическим результатом этого была перемена в характере ООП после окончания «шестидневной войны». В декабре 1967 г. со своего поста был смещен бывший руководитель ООП Ахмед Шукейри, известный своим политиканством, безудержно экстремистскими лозунгами и безответственными заявлениями. При Шукейри в организации развился бюрократизм, а также коррупция, источником которой были «взносы» со стороны различных арабских стран. После смещения А. Шукейри основной силой Организации освобождения Палестины стал «Фатх». Председателем Исполкома ООП был избран руководитель «Фатх» Ясир Арафат. С этого момента ПДС начало активную борьбу против Израиля, совершая операции в основном со своих баз, расположенных в пограничных с Израилем арабских странах.

Представление об эволюции ПДС будет неполным, если не остановиться на вопросе об изменении отношения палестинского движения сопротивления к израильским левым силам — от полного отрицания любых элементов или организаций, созданных в Израиле, вне зависимости от их характера до решения Национального совета Палестины в марте 1977 г. о контактах с израильскими левыми силами и первой официальной встречи делегации ООП с делегацией Коммунистической партии Израиля весной 1977 г. Это отражало усиление классового элемента в ПДС и тоже подчеркивало самостоятельный характер этого движения.

Сообщение о первой встрече делегаций ООП и Коммунистической партии Израиля вызвало резкую критику со стороны реакции. Давая отпор этой критике, генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины Наиф Хаватма сказал, что решения 13-й сессии Национального совета Палестины, на основе которых была организована эта встреча, является большой победой демократических сил в палестинском движении сопротивления над разного рода шовинистическими реакционными идеями.

Генеральный секретарь ДФОП отметил, что встреча в Праге подтверждает готовность ООП осуществлять широкие контакты с антиссионистскими силами в Израиле с целью подлинно демократического решения палестинской проблемы. Н. Хаватма решительно опроверг утверждения западной печати и печати некоторых арабских стран о том, что между КПИ и ООП нет и не может быть ничего общего. Он подчеркнул, что КПИ и ООП имеют общую прочную базу для совместной борьбы. Решения 13-й сессии НСП,

добавил Н. Хаватма, свидетельствуют о верности и зрелости нашей идейной и политической линии.

Одной из задач, которую поставила перед собой Организация освобождения Палестины, был выход из сферы непосредственного воздействия противоречий арабского мира и через ликвидацию этого воздействия сплочение ПДС на основе чисто палестинских интересов. Не во всем и в отношении не всех организаций удалось добиться поставленной цели — об этом, в частности, свидетельствовали события в Ливане. Однако в целом ПДС, защищающее интересы палестинского народа, превратилось в самостоятельный фактор арабо-израильского конфликта.

В какой связи находился процесс формирования палестинского народа с тенденцией становления общеарабской нации? Известно, что в течение ряда десятилетий в арабском мире проявляется стремление к единству, консолидация арабов на национальной основе. Эта тенденция будет развиваться и в дальнейшем, так как этому способствует ряд объективных условий. Несомненно, ее развитию будет способствовать и общее полевание в арабском мире, установление новых и укрепление существующих революционно-демократических режимов, в конечном счете победа социализма в арабских странах.

В то же время в арабском мире наряду с тенденцией к складыванию общей арабской нации наблюдаются или уже завершились процессы образования отдельных арабских народов, а в некоторых случаях, возможно, и отдельных арабских наций. Во многом этому способствовало — часто в решающей степени — создание различных арабских государств. Государственный фактор, появление которого в значительной мере явилось результатом империалистической политики раздела арабского мира после первой мировой войны, искусственно препятствовал объединению арабов, их консолидации на общенациональной основе. Вместе с тем обретение государственности объективно значительно активизировало процесс создания тех или иных народов, иногда достаточно отличающихся один от другого. Причем фактор государственности продолжает действовать в этом направлении и в новых условиях — суверенного развития отдельных арабских стран. При отсутствии государственности палестинского народа функцию форсирования процесса национального становления для палестинцев взяло на себя народное палестинское движение сопротивления экспансионистской политике Израиля.

Итак, можно прийти к выводу, что консолидация арабов-палестинцев в палестинский народ — историческая действительность. Следующий, взаимосвязанный с этим вывод — о праве палестинского народа на самоопределение вплоть до создания собственного государства. Как известно, марксизм-ленинизм считает, что этим правом обладают далеко не обязательно только те народы, которые уже консолидировались в нацию. Создание национального государства исторически, как правило, происходит на одной из ранних стадий процесса образования нации и уж во всяком случае не обязательно завершает этот процесс.

Следует подчеркнуть, что право палестинского народа на государственность — далеко не только теоретическая, а в условиях ближневосточного кризиса в еще большей степени политическая проблема. От ее решения зависит общее урегулирование арабо-израильского конфликта, что признается всеми непредубежденными наблюдателями.

Ближневосточное урегулирование и палестинская проблема

Путь к подлинному миру на Ближнем Востоке значительно усложнился в ходе сепаратных египетско-израильских переговоров при посредничестве США. Их непосредственным результатом явилось ужесточение позиции Израиля по всем вопросам, включая палестинскую проблему.

Сразу после начала «миссии Садата» (ноябрь 1977 г.) израильское руководство расставило точки над «и» в своем подходе к палестинской проблеме, громогласно объявив, что не признает права палестинцев на создание собственного государства, возвращение палестинских беженцев на Западный берег и в район Газы, и одновременно провозгласив «право» основывать израильские поселения на этих территориях под охраной израильских войск. Естественно, что декларируемая при этом «автономия палестинцев» — форма аннексии Израилем арабских земель, захваченных во время войны 1967 г.

Такой подход Израиля находит полную поддержку у Соединенных Штатов, «сбалансированная» политика которых явно направлена на то, чтобы обойти главную проблему ближневосточного урегулирования — палестинскую.

Когда в результате сепаратных переговоров с Садатом израильское руководство, как и следовало ожидать, ужесточило свою позицию и почва под ногами Садата стала колебаться, Вашингтон объявил о своем намерении принять прямое участие в переговорах. В сентябре 1978 г. состоялась египетско-израильско-американская встреча на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде.

То ли под прямым нажимом своих партнеров по переговорам, то ли по заранее отработанному сценарию, но Садат *уже* в Кэмп-Дэвиде согласился подписать сепаратный договор, полностью игнорирующий интересы палестинского народа и арабских стран. Его основа содержалась в документе «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». Другой документ — «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку» — служил прикрытием сепаратной египетско-израильской сделки.

Очевидно, одного только этого прикрытия оказалось недостаточно. Особенно это стало ясно после того, как все арабские государства, кроме Египта, в начале ноября 1978 г. на совещании в верхах в Багдаде согласованно отвергли сепаратную египетско-израильскую сделку. Именно после этого Садат, израильские руководители, равно как и американская печать, приступили к новому туру маскировки ее сепаратного характера.

Пропагандистский шум был поднят вокруг «требования» Садата «больше увязать» два документа, принятые в Кэмп-Дэвиде. Садат настаивал на внесении в преамбулу египетско-израильского договора сроков осуществления «палестинского самоуправления» на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы. Такая постановка вопроса создавала видимость того, будто Садат печется об общеарабских делах и не замыкается в двусторонних отношениях с Израилем. Израиль и США вступили в игру, дискутируя вопрос о возможности ограничиться фиксацией связи между двумя документами не в самом тексте египетско-израильского договора, а в письмах, которыми обменялись стороны. Между тем за дискуссией, а подчас даже и словесной перепалкой тщательно скрывалась суть проблемы: *что и с чем* хочет увязать Садат даже чисто формальными связями.

Совершенно очевидно, что согласие в Кэмп-Дэвиде между президентом Египта, премьер-министром Израиля и президентом США о «самоуправлении палестинцев» является не чем иным, как попыткой искусственно ликвидировать палестинскую проблему, создать условия для аннексии территорий, где живет палестинский народ, Израилем.

Что должно представлять собой «самоуправление»?

Во-первых, эта формула предназначена легализовать оккупацию Израилем Западного берега и района Газы. Садат согласился на сохранение израильских войск в стратегически важных районах на этих территориях «в интересах безопасности Израиля».

Во-вторых, это формула, исключаяющая создание палестинского национального государства и, следовательно, перечеркивающая право палестинцев на самоопределение. Ни одному здравомыслящему человеку не

придет в голову выдавать за самоопределение навязывание палестинцам, вопреки их воле, статуса бесправного национального меньшинства в рамках Израиля.

В-третьих, закрепляется политика колонизации Западного берега и района Газы, так как ни в настоящее время, ни в будущем «самоуправление» не предусматривает ликвидацию незаконно созданных или хотя бы запрет на основание новых израильских поселений на этих территориях. Больше того, подразумевается экономическая интеграция Западного берега и Газы с Израилем на правах его сельскохозяйственного придатка и резервуара рабочей силы.

В-четвертых, это попытка оторвать палестинские массы от общепризнанного руководителя палестинского народа — Организации освобождения Палестины (ООП), противопоставить ей палестинцев Западного берега и Газы. Когда (и если) на третий год после «избрания» административного совета начнется обсуждение будущего этих районов, то оно пройдет без участия ООП и речь не пойдет о создании национального палестинского государства.

Можно ли говорить всерьез, что, увязав израильско-египетский мирный договор с расписанием осуществления «самоуправления палестинцев», Садат отводит от себя огонь критики за сепаратные действия?

Об отказе от защиты интересов как палестинского, так и других арабских народов и стран непосредственно свидетельствуют также различные статьи самого египетско-израильского договора, заключенного 26 марта 1979 г. Статья 1-я договора гласит, что «состояние войны между сторонами (Египтом и Израилем. — *Е. П.*) прекратится, и между ними установится мир немедленно после обмена документами о ратификации». Следовательно, договор выводит из конфронтации с Израилем развитую в промышленном и в военном отношении арабскую страну в условиях, когда Израиль, вопреки решениям ООН, призывам широчайших кругов международной общественности, будет продолжать оккупировать арабские земли, захваченные в 1967 г., лишая арабский народ Палестины его законных прав.

Договор исключает пребывание палестинских патриотов на территории Египта. Более того, на основе договора Садат обязуется «привлекать к суду» тех, кто с его территории мог бы попытаться бороться против израильских властей, лишивших палестинский народ его права на национальное самоопределение.

По договору Садат практически передает в руки Израиля Газу, которая до израильской оккупации этой территории в 1967 г. находилась под административным контролем Египта: текст договора свидетельствует, что «постоянная граница Египта с Израилем» — это не линия на 4 июня 1967 г., а «граница между Египтом и бывшей подмандатной Палестиной» «без предопределения вопроса о статусе сектора Газа».

Получив это в условиях категорического несогласия вывести свои войска со всех арабских земель, кроме Синая, и признать права арабского народа Палестины и ООП в качестве партнера для переговоров, Израиль не сделается более сговорчивым при урегулировании всех важных вопросов, оставленных договором для решения «на будущее».

Результатом неизбежно будет осложнение выработки всеобщего урегулирования в интересах всех народов Ближнего Востока.

Перед лицом опасного сговора Организация освобождения Палестины усилила свою сплоченность. Укрепились связи ООП с Сирией. Активизировалась ее деятельность на оккупированных территориях. Все большее значение приобретают политические формы этой деятельности.

Каковы же пути решения палестинской проблемы?

Палестинское движение сопротивления в общем требует создания палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в районе Газы. Такой позиции придерживаются значительная часть Организации осво-

бождения Палестины и некоторые арабские государства. Существуют также планы создания иордано-палестинской или сирийско-иордано-палестинской федерации (конфедерации). Есть идеи возвращения к решениям Генеральной Ассамблеи ООН 1947 г. о границах двух государств на территории Палестины — Израиля и арабско-палестинского. Нужно сказать, что жесткая, бескомпромиссная позиция руководства Израиля в отношении права палестинцев на государственность расширяет круг сторонников реставрации такой карты, предложенной ООН более 30 лет назад. Существуют также идеи со стороны отдельных групп палестинцев, требующих создания двунационального палестинского государства наряду, а вместо Израиля. Их появление и относительная распространенность — не что иное, как прямой результат многолетней политики подавления Израилем национальных прав арабского палестинского народа.

Израильское руководство замалчивает весь этот спектр планов решения вопроса о палестинской государственности. Пытаясь подкрепить свою негативную позицию, оно сводит все идеи создания палестинского государства, распространенные среди палестинцев, в том числе и в ПДС, к линии на ликвидацию Израиля. Однако жизнь срывает эту завесу, камуфлирующую империалистическую позицию Израиля по палестинскому вопросу. Не беря на себя подробный разбор конкретных моделей будущего палестинского государства, в то же время можно констатировать, что:

палестинцы являются самобытным народом;

они обладают законным и неотъемлемым правом на самоопределение; формой этого самоопределения может быть создание национального государства, никто не имеет никаких прав воспрепятствовать этому;

решение палестинской проблемы в середине 70-х годов заключается в предоставлении права палестинскому народу на государственность и далеко не ограничивается при всей самостоятельной важности этого урегулированием вопроса с палестинскими беженцами;

для решения палестинского вопроса необходимо также рассмотрение проблемы палестинских беженцев, так как их крупные массы, например компактная группа палестинских беженцев в Ливане, представляют собой выходцев с территории, на которой в 1948 г. был создан Израиль;

общепризнанным представителем палестинского народа является Организация освобождения Палестины, и полное игнорирование Израилем этого факта, его отказ от привлечения ООП к политическому урегулированию ближневосточного конфликта блокируют поиски справедливого и длительного мира на Ближнем Востоке.

Жизнь поставила в порядок дня решение палестинской проблемы, без чего не может быть урегулирован ближневосточный конфликт, одной из главных причин которого были и остаются позиция и политика Израиля в отношении арабского народа Палестины.

СПИСОК ЖРЕЦОВ 'АММА

Советский археолог С. С. Ширинский, проводивший весной 1972 г. обследование вадии Байхан в Народно-Демократической Республике Йемен, обнаружил и сфотографировал группу надписей, расположенную при впадении в вадии Байхан вадии Уриха (Вариха), на склонах джабал Ганделе. Эти надписи разбросаны на довольно большом пространстве скалы группами или поодиночке и большей частью не связаны друг с другом. Они различаются по времени, характеру и тщательности исполнения, но однотипны по содержанию и формуляру. Это привлекает к ним особое внимание.

Аналогичные памятники, состоящие из большого числа однотипных надписей, различающихся лишь именами авторов, известны из разных государств древней Южной Аравии. Наиболее значительные из них — знаменитый ма'инский «список иеродул»¹ и список сабейских эпонимов из племени Халил.² Этих примеров достаточно, чтобы показать значение надписей, открытых С. С. Ширинским: памятники такого рода отражают важнейшие институты древних южноаравских государств и являются, пожалуй, наиболее ценными источниками, известными в южноаравской эпиграфике.

Новый памятник наиболее лаконичен: все надписи носят коммеморативный характер, т. е. содержат лишь имя и титул (или титулы) авторов. Изредка добавляется финальная инвокация с именами правителей, но не богов. Какие-либо разделы, описывающие деятельность авторов, отсутствуют. Соответственно определение значения памятника и институтов, отраженных в нем, представляет большие трудности. Общим для всех текстов является титул *gšw/ʿm* — «жрец 'Амма». Все надписи можно рассматривать как единый памятник, состоящий из разновременных записей, нанесившихся в определенном месте, видимо, на протяжении нескольких поколений. Предварительно его можно охарактеризовать как список жрецов 'Амма.

Район вадии Байхан, где найден памятник, археологически наиболее исследованный район Южной Аравии. Здесь на протяжении двух сезонов работала американская археологическая экспедиция и проводились тщательные археологические и эпиграфические исследования. Неоднократно посещали его и другие исследователи (Г. Л. Хардинг, Б. Доу, Ж. Пиренн). Поэтому С. С. Ширинский ограничился серией фотографий, не дав подробного описания памятника, и не провел детального обследования. К сожалению, этот материал, как выяснилось в результате исследования, не охватывает памятника целиком и не дает полной картины. По странной случайности джабал Ганделе избежала внимания исследователей: в ли-

¹ Mlaker K. Die Hierodulenlisten von Ma'in nebst Untersuchungen zur altsüdarabischen Rechtsgeschichte und Chronologie. — Sammlung Orientalischen Arbeiten, 15. Leipzig, 1943.

² Lundin A. Eponymenliste von Saba' (aus dem Stamme Ḥalil), SGL. V. — SBAW, 248. Wien, 1965.

тературе нам не удалось обнаружить никаких упоминаний надписей, находящихся в этом районе. Лишь на карте, сопровождающей публикацию результатов работ американской экспедиции, отмечены «хымьаритские граффити» на западном склоне джабал Ганделе,³ однако в тексте они не упоминаются. Отметим, что наскальные надписи, сфотографированные С. С. Ширинским, высечены весьма тщательно и никак не могут быть охарактеризованы как «граффити».

Ввиду чрезвычайно важного значения, которое может приобрести памятник, открытый С. С. Ширинским, автор считает необходимой его предварительную публикацию на основе имеющегося скудного материала. Одна из задач настоящей статьи — привлечь к памятнику внимание исследователей, чтобы получить его подробное описание и полную фотографическую документацию.

Джабал Ганделе представляет собой скальный массив на западном берегу вадии Байхан, крайнюю северную оконечность гор у выхода вадии

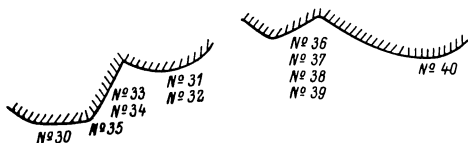

Рис. 1. Расположение надписей на скале джабал Ганделе.

Байхан на равнину, в настоящее время целиком покрытую движущимися песками. От основного горного массива, разделяющего вадии Байхан и вадии Хариб, джабал Ганделе отделено небольшой долиной вадии Вараха. Скалы массива имеют весьма неровную конфигурацию. Вертикальные скальные стенки небольшой высоты перемежаются горизонтальными полками и наклонными участками, испещрены трещинами и расположены под самыми разными углами друг к другу. Надписи разбросаны по стенкам без видимого порядка, на разных уровнях. Минимум четыре текста (№ 33—35, 41) плохо читаются по имеющимся фотографиям; иногда неясно и взаимное расположение надписей.

На крайнем слева участке расположен один текст в две строки (№ 30,⁴ см. рис. 1). Правее отмечены две надписи, помещенные одна под другой (№ 31, 32). Однако на фотографии левее этих текстов находятся еще две надписи, также расположенные одна под другой, но разделенные большим свободным пространством скалы (№ 33, 34). Может быть, это объясняется тем, что скала между текстами очень неровная и рассечена трещинами. На этой же фотографии еще левее виден фрагмент третьей надписи (№ 35).

Правее находится центральная часть памятника, состоящая из четырех текстов (№ 36—39, см. рис. 1), высеченных один под другим. Эта часть высечена наиболее аккуратно, верхняя надпись (№ 36), возможно, даже по заранее подготовленной скале.

Следующие две надписи отделены от надписи № 36 небольшим промежутком. Они явно следуют за этим текстом и по размещению, и по размеру знаков. Надпись № 39 выполнена знаками большего размера и «перепрыгивает» через трещину в скале, разделяющую текст почти пополам по вертикали. Она содержит, в отличие от других надписей, две записи, объединенные в один текст.

³ Bowen R. and Albright F. P. Archaeological discoveries in South Arabia, I. Baltimore, 1958.

⁴ О № 1—29 см.: Лундин А. Г. Новые южноарабские надписи из вадии Хирр. — В кн.: Древняя Аравия (материалы и сообщения). IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. М., 1973, с. 81—89.

Правее центральной части находится еще одна надпись (№ 40, см. рис. 1), высеченная на довольно неудобном участке скалы, рассеченном несколькими трещинами, но выполненная весьма тщательно и аккуратно. Для надписи № 41 расположение относительно других текстов неизвестно.

Последовательность надписей ясна лишь в центральной части памятника, поэтому мы публикуем тексты в той последовательности, как они были обнаружены, и вернемся к хронологии надписей далее.

№ 30. Надпись в две строки, крайняя слева на скале джабал Ганделе (см. рис. 1). Высечена довольно небрежно по неподготовленной скале.

Рис. 2. Надпись № 30. (Фотография С. С. Ширинского).

Первая строка значительно длиннее, ее конец загнут вверх. Вторая строка короче, но начинается правее первой (см. рис. 2).

Знаки неравной высоты, геометрические формы их не всегда выдержаны. Отчетливо видны утолщения стволов знаков. Графический стиль, вероятно, С4—D1.

1. $yhm'l / bn / smhrm / ddr'n / qy$

2. $n / r\bar{s}w / 'mm / b\bar{s}hr / gyl\bar{n}$

Йахам'ил сын Сумхурама зу-Зар'ан, чиновник (и) жрец 'Амма. Во (имя) Шахра Гайлана.

Строка 1. $yhm'l$ — Йахам'ил, довольно частое южноарабское имя, встречающееся в большинстве диалектов (см.: Hard. 662). В катанских надписях оно довольно редко; RES 3566, 34: $yhm'l / ddmrn$; Ja 235, 1: $yhm'l / h\bar{q}rn$; AM 60770: $yhm'l / h\bar{s}yn$; RES 4957, 1. Ср. также родовое имя $dt / yhm'l$ — TC 1030. $smhrm$ — Сумхурам — как личное имя встречается в надписи из ал-Хасы (юго-восточная Аравия) RES 4763, в катанских текстах TC 809 и HI 53+54. В последней надписи Сумхурам назван братом правителя Катана (царя или мукарриба) Замар'алайа Зубйана

Йухаргиба,⁵ ddr'n — зу-Зар'ан — одно из главных катанских племен или родов, неоднократно упоминаемых и в списках свидетелей декретов (RES 3566, 27, 28, 31, 33, 34; RES 3878, 14), и как род эпонимов (RES 3879, 6—7; Ja 2360, 14), и как род авторов весьма крупных и значительных надписей (RES 3858, 4330). В исследуемом памятнике Зар'ан упоминается несколько раз (см. № 37, 2; 38, 1; 40, 1).

С т р о к и 1—2. qyn/ršw/ṣmm — «чиновник (и) жрец 'Амма». Бессоюзное сочетание и глаголов, и существительных довольно часто в катанских надписях. Особенно часто оно встречается при соединении нескольких титулов у одного лица, например в долгой титулатуре катанских мукаррибов и царей (например, Ja 2436 mlk/qtnb. . . bkr/nby. . . qzr/qyn/ršw/ṣmm — царь Катабана. . . первенец 'Анбайа. . . сборщик податей, чиновник (и) жрец 'Амма). Однако до сих пор существуют сомнения в интерпретации этих сочетаний: qyn/ršw — «чиновник (и) жрец» или «чиновник жреца»;⁶ исследуемый памятник позволяет решить эту проблему, так как в нем при обычном сочетании qyn/ršw (№ 30, 34, 39, 4) один раз встречается обратное ršw/qyn (№ 37, 2), что показывает «равноправие» титулов.⁷ Титулы qyn (чиновник) и ršw (жрец) были широко распространены в государствах Южной Аравии. В Катабана они встречаются как по отдельности, так и в сочетании, особенно часто сочетание qzr/qyn/ršw/ — «сборщик податей, чиновник(и) жрец», входящее в долгий титул мукаррибов и царей Катабана.

В исследуемом памятнике оба эти титула наиболее часты; ršw встречается во всех надписях, где сохранилась титулатура, qyn см.: № 34, 2—3; 37, 2; 39, 4. Сочетание этих двух титулов (qyn и ršw) см. также: RES 311, 1—2 и восстановленное HI 3,2.

С т р о к а 2. bšhr/gyln — «во (имя) Шахра Гайлана». Шахр Гайлан — сочетание имени и прозвища, частое среди правителей Катабана, как царей, так и мукаррибов. Известны по крайней мере два таких правителя: Шахр Гайлан сын Йада'аба (ТС А) и Шахр Гайлан сын 'Абшибама (RES 4932 и т. д.). Последний упомянут также в исследуемом списке, в надписи № 36, 1. Кроме того, в ряде надписей упомянут Шахр Гайлан без имени отца: Ja 2437, 5—6; HI 52,2 и, вероятно, ТС 612, 1131. В исследуемом тексте титул отсутствует. Об идентификации см. далее.

Финальная инвокация, содержащая только имя правителя и не упоминающая богов, весьма редка в катанских надписях, см. лишь № 40, 2, Ja 122 и Louvre AO 21.124.

№ 31. Надпись в две строки на скале левее надписи № 30 (см. рис. 1). Нанесена на неподготовленную поверхность скалы довольно аккуратно: строго выдержан размер знаков, совпадают начала строк. Вторая строка значительно короче (см. рис. 3).

Палеографически очень близка к № 30, но утолщения створков знаков выражены гораздо меньше. Определить графический стиль надписи по системе Ж. Пиренн затруднительно, потому что формы знаков точно совпадают с таковыми предыдущего текста, тогда как их орнаментация

⁵ См.: Jammé A. Inscriptions from Hajar bin Humeid («Hajar bin Humeid. Investigations at a Pre-Islamic Site in South Arabia»). Baltimore, 1969, p. 345.

⁶ См.: Höfner M. Die vorislamische Religionen Arabiens. Stuttgart, 1970, S. 348—349.

⁷ См.: Лундин А. Г. Катанская сакральная надпись RES 311. — ВДИ, 1976, № 3, с. 19—32. — Против перевода термина ršw (жрец) решительно возражает Ж. Пиренн (Pirenne J. 1) Ršw, RšwT, FDY, FDYT and the priesthood in Ancient South Arabia. — PSAS, 1976, 6, p. 137—143; 2) La religion des arabes préislamiques d'après trois sites rupestres et leur inscriptions. — Al-Bahit (Studia Instituti Anthropos, v. 28). Fribourg, 1976, p. 176—217. 3) L'inscription de la porte de Timna^c RES 3881—TSb. — CIASA, I, 1977, p. 109—116), однако ее аргументация полностью опровергается новым материалом: надпись YM 547 показывает, что термин ršw обозначает лицо, полномочное принимать или отвергать жертвоприношения (Beeston A. F. L. Decree from the God 'LMQH. — CIASA, I, 1977, p. 15—18), т. е. исполняющее жреческие функции.

явно не соответствует характеристикам графических периодов С и D. По-видимому, упрощенный характер орнаментации знаков может объясняться просто небрежностью исполнения наскального текста.

1. 'lšrh / bn / dr''b / dd

'Илшарах сын Зара' 'аба зу-За-

2. rḥn / ršw / 'mm

рхан, жрец 'Амма.

Строка 1. 'lšrh — 'Илшарах — частое южноарабское имя (см. Hard. 67), но в катабанских надписях встречается довольно редко, см. лишь Ja 243, TC 2279 и AM 60.703. dr''b — Зара''аб — имя впервые встречается в южно-

Рис. 3. Надписи № 31—34. (Фотография С. С. Ширинского).

арабских надписях, хотя оба компонента весьма часты в ономастике. Ср. имена dr''mr, dr'krb, 'ldr', 'mdr' и т. д. (Hard. 251).

Строки 1—2. drḥn — Зархан, хорошо известное катабанское родовое имя, которое носит, в частности, один из четырех «больших родов» Тимна⁸; род катабанского эпонима в RES 3688, 7, 12. По-видимому, drḥn представляет собой ветвь племени Зар'ан: см. RES 3566, 27—28 (zrbm / ddrḥn / wdr'n — «Зарбам зу-Зархан и Зар'ан»). Отметим, что Зарбам является свидетелем декрета. К роду Зархан принадлежали также, вероятно, некоторые правители Катабана, см. Ja 119, 5—7: wb / mr' s / šhr / ygl / yhr gb / bn / hwf'm / yhn'm / mlk / qtb / n / wb / fr'krb / ddrḥn / dd / whwl / šhr — «во (имя) господина его, Шахра Йагула Йухаргиба, сына Хавф'амма Йухан'има, царя Катабана, и во (имя) Фара'кариба зу-Зархана, дяди и правителя Шахра». Таким образом, Зархан — один из знатнейших катабанских родов.

⁸ См.: Jammé A. Pièces épigraphiques de Heid bin 'Aqil, la nécropole de Timna' (Hagr Kohlan). — Bibliothèque du Muséon, 30, 1952, p. 40—62.

№ 32. Надпись в две строки на той же скале, что и надпись № 31, непосредственно под ней. Высечена и распланирована не столь аккуратно, как предыдущая, видимо, потому, что этот участок скалы менее удобен. Палеографически идентична № 31 (см. рис. 3).

1. 'ws'tt / bn / lhy'tt / dgrbm / ršw	'Авс'асат сын Лахай'асата зу-Гарбам,
жрец
2. 'mm	'Амма

Строка 1. 'ws'tt — 'Авс'асат — довольно редкое имя, засвидетельствованное в сабейских надписях (RES 3959, 2; 4752; Ja 558, 2; 705) и лишь один раз в катабанских (Ja 380 — 'ws'tt / ddr'n). Ср. также катабанские имена 'wslt (Ja 2507B) и 'ws'm (см. № 35). lhy'tt — Лахай'асат — хорошо известное южноаравское имя, встречающееся преимущественно в сабейских, но также и в ма'инских и катабанских надписях (Hard. 513). По-видимому, это имя было наиболее распространено в области Радман, пограничной между Катабаном, Саба' и Хымйаром (см. Л25).⁹ grbm — Гарбам — известный катабанский род, один из четырех «больших родов» Тимна¹⁰ (см. Hard. 453).

№ 33. Надпись в три строки на скале левее и выше надписей № 31—32, под углом к скале с этими надписями. Фотография этого участка скалы отсутствует, и он виден только частично на фотографии надписей № 31—32 (рис. 3) и в более полном виде на слайде того же участка, не поддающемся воспроизведению.

Надпись сфотографирована под большим углом, с сильным искажением, вероятно не полностью, и читается с большим трудом.

1. .../г...	...
2. ...'rr/...	...
3. 'm/h...	'Амм (?)...

Строка 1. В левом верхнем углу слайда видны нижние части знаков, вероятно г и словоразделитель. С первого взгляда они кажутся продолжением нижележащей строки, загнутой вверх, но при внимательном рассмотрении над первой частью этой строки видны следы еще каких-то знаков. Видимо, первая строка была длиннее второй и в конце несколько загибалась вниз. Не читается.

Строка 2. Читается очень плохо, различимы только знаки 'гг в середине строки. Вероятно, текст продолжался и дальше, но в левой части строки нельзя различить даже следов знаков.

Строка 3. Отчетливо виден лишь знак h, имеющий архаичную форму. Все три черты «навершая» знака исходят из одной точки, образуя угол. Перед h словоразделитель и следы знаков, в которых, кажется, можно различить слово 'm — по-видимому, конец теофорного имени, так как собственное имя бога луны в исследуемом памятнике пишется 'tm (см. № 30, 31 и т. д.). Однако чтение весьма сомнительно.

№ 34. Надпись в три строки под текстом № 33, с большим промежутком, вызванным неровностями и трещинами в скале. Высечена довольно небрежно, знаки разного размера. Документирована так же плохо, как предыдущая (см. рис. 3). Палеографическая характеристика неясна.

1. wyšhrmlk/b[n...	и Йашхармалик сы[n...
2. ... dhrf/q	зу-Хараф, чи-
3. [y]n/ršw ['mm]	[нов]ник (и) жрец ['Амма].

Строка 1. wyšhrmlk — И Йашхармалик. Неясно, сохранилось ли начало строки; возможно, что союз w просто присоединяет текст к предыдущей записи. Имя ušhrmlk в катабанских надписях не встречается, ср.

⁹ Лундин А. Г. Новые южноаравские надписи. . . , с. 81—83.

¹⁰ J a m m e A. Pièces épigraphiques. . . , p. 79—97.

лишь сабейские CИH 733 и RES 4798A. См. также катабанские имена šhr и šhrm (Hard. 360—361). Ту же форму образования см. в катабанских именах ydmrmlk (см. № 37) и uqhmlk (Ja 2360 и т. д.). Далее, по-видимому, можно различить словоразделитель и правую вертикальную черту знака b; кажется наиболее вероятным восстановление b[n] — «сын» по общей схеме построения надписей списка.

Строка 2. dhrf — зу-Хараф — вероятно, родовое имя. В катабанских надписях встречается впервые. Ср. личное имя hrf в сабейском и названии сооружения в сабейском и ма'инском (Hard. 219). Ср. также название рода dhrf в надписи из музея в Сан'а Ry 608: m'd'l / 'bd / dhrf / bn / whb' tt. Издатель считает надпись сабейской, но имя m'd'l заставляет предположить скорее катабанское происхождение текста (см.: Harding, p. 552).

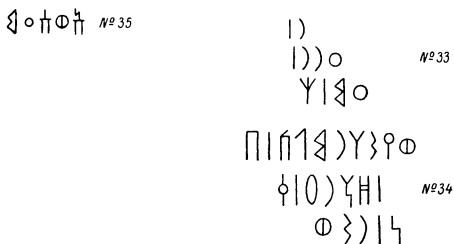

Рис. 4. Надпись № 35. (Прорисовка).

Строки 2—3. q[y]n/ršw [/'mm] — чи[нов]ник (и) жрец ['Амма]. Формулу см. № 30, 1—2. Она с несомненностью показывает, что исследуемая надпись следовала тому же формуляру, что и другие надписи публикуемого памятника. Этот вывод, вероятно, можно распространить и на нечитаемый соседний текст № 33.

№ 35. Надпись на той же скале, что и надписи № 33 и 34, левее их, на том же уровне, что № 33. Знаки гораздо меньшего размера, чем в № 33 и 34, высечены более аккуратно. Текст помещен в левом верхнем углу слайда (см. рис. 4) и, по-видимому, продолжался дальше.

'ws'm 'Авс'амм

Имя 'ws'm известно по катабанским надписям (см. RES 4328, 9; Ry 390, 1; AM 60.814). Ср. также имя 'ws'tt (№ 32, 1).

По-видимому, начало надписи аналогично началу других надписей списка жрецов, но не сфотографированных целиком. Нам кажется маловероятным, чтобы С. С. Ширинский мог пропустить столь четкий, аккуратный и легко заметный текст, как № 35, если бы он достигал сколько-нибудь значительного размера. Поэтому приходится считаться с возможностью, что мы имеем полный текст публикуемой надписи.

№ 36. Надпись в две строки, верхняя — на центральной скале (см. рис. 1). Отделена от следующего текста небольшим промежутком. Выполнена очень тщательно, вероятно на предварительно подготовленной скале. Точно совпадают размеры строк, строго выдержан размер знаков и их четкие геометрические формы. Палеографически относится, вероятно, к началу периода E (см. рис. 5).

1. šhr / gyln / bn / 'bšbm /
2. mlk / qtn / ršw / 'mm

Шахр Гайлан сын 'Абшибама,
царь Катабана (и) жрец 'Амма.

Строка 1. šhr/gyln/bn/'bšbm — Шахр Ғайлан сын 'Абшибама, хорошо известный царь Катабана, см.: RES 3552, 7—8; 3688; 4162, 1; 4932, 1; T. Sa; Ja 2436. В надписи Ja 2436 он носит долгий титул — «царь Катабана и всех детей 'Амма, и 'Авсана, и Каҳада [и Дахасума, и Тубанава, первенец] 'Аябайа и Хавкам, сборщик податей, чиновник (и) жрец 'Амма». Надписи Шахра Ғайлана сына 'Абшибама датируются графическими стилями от E2 (RES 3688) до F1 (RES 3552),¹¹ т. е. концом III — началом II в. до н. э. По-видимому, он не идентичен Шахру

Рис. 5. Надписи № 36—39. (Фотография С. С. Ширинского).

Ғайлану надписи № 30, 2, палеографически значительно более ранней (граница периодов C—D, т. е. начало III в. до н. э.).

Строка 2. Титул gšw/'mt — жрец 'Амма — очень скромнен для царя Шахра Ғайлана, имевшего гораздо более обширную и пышную титулатуру. Но это вряд ли можно рассматривать как указание на какой-то этап в царствовании Шахра, когда он еще довольствовался скромным титулом. Скорее следует предположить, что Шахр просто не называет здесь, как и в ряде других надписей, полного титула, ограничиваясь двумя частями: главной (mlk/qtbn), обязательной для всех надписей, и специфической, которая непосредственно связана с тематикой публикуемого памятника (gšw/'mt).

№ 37. Надпись в две строки под текстом № 36, с небольшим промежутком. Высечена весьма аккуратно, хотя и не столь тщательно, как предыдущая. Строки равной длины, размер знаков выдержан, но апексы вы-

¹¹ Pirenne J. Paléographie des inscriptions sud-arabes, I. Brussel, 1956, p. 224—227.

полнены небрежно и почти незаметны. Палеографически идентична предыдущей (см. рис. 5).

1. ydmrmlk / bn / 'myd' /
2. ddr'n / ršw / qyn / 'mm

Иазмармалик сын 'Аммйада'
зу-Зар'ан, жрец (и) чиновник 'Амма.

Строка 1. Имя ydmrmlk — Иазмармалик — встречается в южно-арабских надписях как имя царя Харама (СН 507, 2—3; 512, 4—5; RES 2740, 12; 2724, 3 и т. д.).¹² Кроме того, оно встречается в кatabанском в надписи RES 3858, сообщающей о войне сабейских царей Йада'ила Баййина, Сумху'алайа Йануфа и Йаса'амара Ватара против Кatabана. Автор надписи, Иазмармалик зу-Зар'ан, несомненно кatabанец и принадлежит к тому же племени Зар'ан, что и Иазмармалик нашего текста.

А. Жамм еще в 1957 г. отмечал, что в надписи из некрополя Тимна' ТС 652 упоминается некий Иазмармалик, отец мукарриба Кatabана Шахра Хилала.¹³ Надпись до сих пор не издана.

'myd' — 'Аммйада' — распространенное кatabанское личное и родовое имя (см. Hard. 443). Ср. также ТС 1342 и № 38, 1.

Строка 2. Название племени dr'n — Зар'ан — см. № 30, 1. Титул ršw/qyn/'mm — жрец (и) чиновник 'Амма — см. также № 30, 2; 34, 2—3; 39, 4. Во всех этих случаях последовательность титулов иная: qyn/ršw.

№ 38. Надпись в две строки под текстом № 37, без всякого промежутка, с тем же размером знаков, лишь начала строк не совпадают (см. рис. 5).

Вторая строка значительно короче и написана под центром первой. Палеографически идентична предыдущей.

1. hwf'm / bn / 'myd' / ddr'n
2. ršw / 'mm

Хавф'амм сын 'Аммйада' зу-Зар'ан, жрец 'Амма

Строка 1. hwf'm — Хавф'амм — весьма частое кatabанское имя; Г. Хардинг насчитывает 21 упоминание в кatabанских надписях (Hard. 630), что, однако, далеко не покрывает всех случаев (например, ТС 832, 1635, 1540 и т. д.). Имя Хавф'амм встречается и как имя правителей Кatabана (RES 3537, 3688 и т. д.; Ja 119, 2361 и т. д.), и как имя частных лиц (Ja 118, 1; 294, 1 и т. д.), однажды даже с эпитетом правителя (ТС 1535 — Хавф'амм Йухан'им из (рода) 'Андам) и, вероятно, как имя брата правителя (Н1 53+54).

Хотя имя 'myd' — 'Аммйада' — и может выступать в кatabанском как родовое имя, в данном контексте это, несомненно, личное имя, и Хавф'амм является братом автора предыдущей надписи Иазмармалика. По-видимому, в связи с этим следует вспомнить надпись Ja 852, авторы которой посвящают своих братьев и сыновей в различные жреческие звания; правда, при этом не упоминается титул ršw, но упоминается звание šhr — «жрец, колдун», очень близкое к нему, и qzr, упоминаемое в нашем списке. См.: Ja 852, 2 — wššhr / 'hysmy / nb't'm / wlhy'm — «И они сделали жрецами (šhr) братьев их двоих Набат'амма и Лахай'амма».¹⁴

Титулы братьев различны (если Иазмармалик назван «жрецом и чиновником», то Хавф'амм — просто «жрецом»), что, вероятно, говорит о различии их функций и положения.

№ 39. Надпись в четыре строки под № 38. Знаки большего размера. Выполнена весьма аккуратно, строго выдержаны начало строк и высота знаков. Концы строк применяются к удобному пространству скалы.

¹² Г. Л. Хардинг разделяет эти упоминания на сабейские и ма'инские (Hard. 665), но все приводимые им надписи, хотя и написаны на разных диалектах, происходят из Харама. В единственной чисто сабейской надписи RES 3945, 17 упомянут тот же Иазмармалик, царь Харама.

¹³ J a m m e A. Paléographie de J. Pirenne. Washington, 1957, p. 171.

¹⁴ См.: J a m m e A. A Qatabanian dedicatory inscription from Hajar bin Humaid. — JAOS, 1955, 75, p. 97—99.

Посредине скала рассечена наклонной трещиной (существовавшей и во время нанесения текста), разделяющей надпись.

Палеографически весьма близка к предыдущей, но апексы отсутствуют (см. рис. 5).

1. $y\acute{t}'krb / bn / 'bd'l / d\acute{s}b'n$

2. $q\acute{z}r / r\acute{s}w / 'mm / 'm'ly / b$

3. $n / 'bd'l / d\acute{s}b'n$

4. $q\acute{y}n / r\acute{s}w / 'mm$

Йаса'кариб сын 'Абд'ила зу-Шаб'ан,
сборщик податей (и) жрец 'Амма.
'Амм'алай

сын 'Абд'ила зу-Шаб'ан,
чиновник (и) жрец 'Амма.

Строка 1. $y\acute{t}'krb$ — Йаса'кариб — известное южноарабское имя (см. Hard. 659), но в катабанских надписях встречается лишь один раз, в списке свидетелей декрета RES 3878, 19. $'bd'l$ — 'Абд'ил — довольно редкое катабанское имя (см. лишь Ja 353, 2; RES 3552, 1; 3553, 1; 3566, 31). См. также в сабейской надписи RES 3984, 1. $\acute{s}b'n$ — Шаб'ан — катабанское имя рода, см. RES 3566, 3; TC 665, 1; 684.

Строка 2. $q\acute{z}r / r\acute{s}w / 'mm$ — сборщик податей (и) жрец 'Амма. Знаки z и g в слове $q\acute{z}r$ высечены несколько необычно. Создается впечатление, что резчик начал высекать слово $q\acute{y}n$ (под влиянием более распространенного титула $q\acute{y}n / r\acute{s}w$), но затем вырезал n , обнаружил свою ошибку и исправил ее, присоединив к y дополнительную черту и исправив n на g . Титул $q\acute{z}r$ — жреческий катабанский титул, обычно входящий в формулу $q\acute{z}r / q\acute{y}n / r\acute{s}w / 'mm$ — «долгой» титулатуры правителей Катабана, как мукаррибов (RES 3880), так и царей (Ja 2436). Однако его могли носить не только правители. Особенно важна надпись Ja 852, показывающая, что титул $q\acute{z}r$ входит в число жреческих званий; ср. также Ja 122, 5, где этот титул ($q\acute{z}rt / 'm$) носит женщина, одновременно с титулом $r\acute{s}wt$ — «жрица», как и в исследуемой надписи. Значение термина исследовалось неоднократно; наиболее точной кажется интерпретация, предложенная А. Бистеном — «сборщик податей»,¹⁵ учитывая, что во всех государствах Южной Аравии подати имели культовый характер.

Строки 2—3. $'m'ly / bn / 'bd'l / d\acute{s}b'n$ — 'Амм'алай сын 'Абд'ила зу-Шаб'ан. $'m'ly$ 'Амм'алай — широко распространенное катабанское имя (см. Hard. 439). 'Амм'алай — брат автора предыдущей записи, но, в отличие от № 37 и 38, здесь записи обоих братьев написаны слитно, образуя единую надпись. Тот же 'Амм'алай упомянут в недавно изданной надписи Graf 6: $dt / byt / 'm'ly / d\acute{s}b'n$ — «из дома 'Амм'алайа зу-Шаб'ана».¹⁶

Строка 4. Титул 'Амм'алайа отличается от титула его брата Йаса'кариба, он более краток, как и в предыдущей паре. Однако в исследуемой надписи авторы занимают более высокое положение, так что титул младшего из них ('Амм'алайа) совпадает с титулом старшего брата предыдущей пары (Йазмармалика).

Это показывает, что в список жрецов вносились лица разных рангов, и памятник имел, вероятно, более сложную структуру, чем, например, ма'инский «список иеродул».

№ 40. Надпись в две строки, крайняя слева на скале (см. рис. 1). Высечена небрежно, строки неровные, хотя размер знаков выдержан до-

¹⁵ Beeston A. F. L. Kingship in Ancient South Arabia. — *Journal of Economic and Social History of the Orient*, v. 15, 1972, p. 266. — Ж. Пиренн предложила новое толкование титула $q\acute{z}r$ — «ведущий денежными приношениями» (Pirenne J. Execution d'offrande par un QZR au nom du roi de Qataban. — *CIAA*, I, p. 125—129). Однако это толкование основывается на позднем значении, засвидетельствованном в эфиопском языке, — «счетчик, счетовод», не учитывая общесемитского $q\acute{z}r$ — «связывать, собирать», откуда «жать, собирать урожай», засвидетельствованное в южноаравийском (см. RES 3854, 2) и далее «собирать подать».

¹⁶ Müller W. W. Die angeblichen «Töchter Gottes» im Licht einer neuen qatabanischen Inschrift. — *Neue Ephemeris für Semitische Epigraphik*, II, 1974, p. 149—154.

вольно строго. Текст рассечен несколькими трещинами, частично появившимися, видимо, уже после нанесения надписи.

Палеографическое определение текста дать трудно из-за небрежности выполнения. Ряд знаков (особенно в конце второй строки) имеет очень четкие апексы на концах стволов, тогда как в первой строке апексы у тех же знаков совершенно незаметны. Формы знаков довольно архаичны: округлое г, геометрически правильное š и даже замкнутое m в конце второй строки,

Рис. 6. Надпись № 40. (Фотография С. С. Ширинского).

но «открытое» m в середине той же строки и в конце первой (см. рис. 6). По-видимому, графический период F.

1. 'lšrh / bn / b'l / ddrhn / qzr / 'm	'Илшарах сын Би'ила зу-Зархан,
сборщик податей 'Амма
2. drbhww / ršw / 'mm / byd''b / dbyn /
yhn'm	зу-Рабахава, жрец 'Амма. Во (имя)
Иада'аба Зубйана Йухан'има.

Строка 1. 'lšrh — 'Илшарах, весьма частое южноарабское имя, см. № 31, 1. Имя его отца b'l — Би'ил, напротив, не встречается в южноарабских надписях. Ср. частое имя того же типа образования — b'ttr (Hard. 109) и более редкое b'm — Би'амм, известное как имя сына царя Катабана (RES 3552, 9).

Строки 1—2. qzr / 'm / drbhww / ršw / 'mm — сборщик податей 'Амма зу-Рабахава, жрец 'Амма. Эпитет 'Амма drbhww встречается лишь в надписи Ja 122, 5, в весьма близкой формуле — qzrt / 'm / drbhww / ršwt / 'm / ddymt — «сборщица податей 'Амма зу-Рабахава, жрица 'Амма зу-Даймата». См. также Louvre AO 21.124, 3—4 и TT1 100, 3;¹⁷ ср. имя рода rbh (RES 3689, 3; 3691, 3; 3692, 2; Ja 347, 1). В исследуемом

¹⁷ J a m m e A. *Miscellanées d'ancien arabe*, IX. Washington, 1979, p. 42—43.

тексте во втором случае эпитет 'Амма не указан, как и в остальных надписях списка жрецов. Таким образом, вряд ли можно связывать памятник с определенной ипостасью 'Амма—зу-Рабахав. Скорее можно предположить, что первый титул 'Илшараха не связан с публикуемым памятником, как первый титул Шахра Гайлана — «царь Катабана» в № 36, 2.

Строка 2. $\text{byd}'\text{b/dbyn/yhn}'\text{m}$ — Во (имя) Йада'аба Зубьяна Йухан'има. Этот правитель упомянут в надписи ТС 995, 3—5 с титулом «царь Катабана» и в RES 3880, где он носит титул мукарриба. Обе надписи, несомненно, относятся к одному лицу.¹⁸ Исследуемая надпись упоминает того же правителя.

К графическим стилям E3-F1 относятся надписи, упоминающие Йада-'аба Зубьяна сына Шахра (RES 3553, 3878, 3550, 3642 и т. д.), также носившего и титул царя (например, RES 3553), и титул мукарриба (например, Ja 2362). Однако, несмотря на палеографическую близость надписей, следует различать двух правителей — Йада'аба Зубьяна и Йада'аба Зубьяна Йухан'има. Правителя, носившего два эпитета, следует считать более поздним.

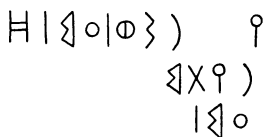

Рис. 7. Надпись № 41. (Прорисовка).

№ 41. Надпись в три строки; местоположение по отношению к другим текстам неизвестно. Фотографии нет, слайд. Верхняя правая часть текста находится в густой тени и не читается (см. рис. 7).

Скала неровная, рассечена трещинами. Надпись выполнена небрежно, строки неровные и разной длины, применяются к поверхности скалы. Палеографическому определению не поддается. Выше, возможно, находится еще одна надпись, совершенно нечитаемая.

1. у... $\text{r}\dot{\text{s}}\text{w}/'\text{m}/\text{d}$
2. $\text{rytm}/\dots$
3. ... $'\text{m} \dots$

... жрец 'Амма зу-
Райтама...
... 'Амм ...

Строка 1. В начале строки можно различить лишь знак у, вероятно, часть имени автора; далее не читаются 5—6 знаков. В конце ясно различаются слова $\text{r}\dot{\text{s}}\text{w}/'\text{m}$ — «жрец 'Амма». Далее следует еще один знак, читающийся с большим трудом, вероятно d .

Строка 2. В начале строки читается слово rytm , но его место в формуляре надписи неясно. Вероятно, эпитет 'Амма — «(зу-)Райтам», не встречающийся в других текстах.

Строка 3. Читаются лишь знаки $'\text{m}$: либо имя божества, либо часть имени лица. Если верно второе предположение, то надпись № 41 включает две разные записи.

Надпись в целом плохо читается и плохо понятна. Единственно, что можно сказать о ней — она, видимо, имела текст, аналогичный другим надписям «списка жрецов».

Исследуемый памятник известен нам во фрагментарном виде; помимо четырех надписей, которые плохо читаются, существуют, видимо, и другие

¹⁸ См.: Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба'. М., 1971, с. 202; Wissmann H. Zur Archäologie und Antiken Geographie von Südarabien. Istanbul, 1968, S. 109.

тексты, оставшиеся нефотографированными. Число их нельзя установить хотя бы приблизительно. Для этого требуется тщательное эпиграфическое обследование всего массива джабал Ганделе. Таким образом, все суждения о списке жрецов как о целом в настоящее время невозможны; речь может идти лишь о доступной исследователям части. Тем не менее уже сейчас можно установить, что памятник охватывал значительный промежуток времени. Так, наиболее ранний из правителей Ҷатабана, упоминаемый в списке, Шахр Ғайлан (№ 30, 2) по палеографии этой надписи может быть датирован границей графических периодов C—D, т. е. началом III в. до н. э.¹⁹ Остается неясным, есть ли в списке жрецов надписи, относящиеся к более ранним графическим стилям (см. № 33).

Этот правитель, вероятно, отличен от Шахра Ғайлана сына 'Абшибама (№ 36), которого можно датировать примерно концом III в. до н. э.²⁰ Иада'аба Зубйана Йухан'има по палеографическим данным следует, видимо, отнести ко II в. до н. э. Возможно, что в списке были и более поздние надписи. Таким образом, даже в нынешнем фрагментарном состоянии список охватывает не менее 150—200 лет, т. е. III—II вв. до н. э. К сожалению, остается неясной периодичность надписей. Ясно лишь, что надписи, упоминающие братьев (№ 37 и 38), принадлежат к одному поколению; может быть, они высекались даже одновременно (см. № 39).

Палеографические данные и последовательность правителей позволяют установить общий порядок нанесения надписей списка — слева направо. Трудно сказать, выдерживалась ли такая последовательность достаточно строго, но крайний левый текст № 30 является, по-видимому, и самым древним из известных, а крайний правый № 40 — наиболее поздним.

Значение памятника и общественное положение лиц, вносившихся в список, остаются неясными. Дело в том, что исследуемый памятник отличается от аналогичных списков лаконичностью формулы надписей, сведенного лишь к упоминанию лица без какой-либо характеристики его функций. Поэтому единственным материалом для характеристики упоминаемых лиц является их ономастика и титулатура. Некоторые из титулов, вероятно, не связаны с исследуемым памятником: авторы надписей называют иногда свой титул, не имеющих отношения к тем функциям, которые обусловили включение их в «список жрецов». Таков, несомненно, титул автора надписи № 36 «царь Ҷатабана».

Общим для всех надписей является лишь один титул — *ṭšw/ṭm* — «жрец 'Амма», однако этот титул слишком широко распространен, чтобы можно было основывать на нем какие-то выводы о специфике исследуемого памятника. Отметим лишь, что титул связывается обычно с именем 'Амма без какого-либо эпитета по храму или по функции (имя бога даже стоит обычно в неопределенном состоянии — *ṭm*). Эпитеты 'Амма *зу-Рабḫав* (№ 40) и, вероятно, *drytm* (№ 41) появляются лишь в поздних надписях; любопытно, что наиболее распространенные в Ҷатабана эпитеты 'Амма (*ḏšqr*, *dry'n*, *ddwnm* и т. п.) в «списке жрецов» отсутствуют.

Ономастика «списка жрецов» позволяет сделать некоторые выводы о положении входящих в него лиц, правда весьма предположительные, так

¹⁹ Хронология и последовательность правителей Ҷатабана в настоящее время совершенно не разработаны. Серьезнейшие изменения во взглядах на хронологию Южной Аравии, высказанные в последние годы на основе сабейских надписей (Ruckmans J. La chronologie des rois de Saba et du-Raydan. Istanbul, 1964; Wissmann H. von. Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien. — SBAW, 246. Wien, 1964), еще не отразились на интерпретации истории Ҷатабана. Автор пользуется здесь палеографическими датировками, разработанными Ж. Пиренн (Pirenne J. Paléographie...), с известными уточнениями, предложенными на основании изучения сабейского эпонимата (Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба, с. 92—135).

²⁰ Ср.: Pirenne J. Paléographie... p. 224—227. Ср. также: Wissmann H. von. Die Geschichte des Sabäerreichs und der Feldzug des Aelius Gallus. — In: Aufstieg und Niedergang der römischen Welt, II, Bd. 9. Hrsg. von H. Temporini und W. Haase. Berlin—New York, 1976, p. 455—458.

как почти в трети надписей имена и названия родов не читаются. Большинство авторов принадлежит к племени Зар'ан, к которому относятся также большинство катабанских эпонимов и много других видных лиц разных рангов. Впрочем, к племени Зар'ан и различным его ветвям принадлежит вообще большинство лиц, известных по надписям из Тимна' — столицы Катабана.²¹ Более важно, по-видимому, упоминание рода Зархан — той ветви Зар'ан, к которой относятся некоторые правители Катабана (см. Ja 119). Этот факт можно сопоставить с тем, что в список жрецов был включен и один из виднейших катабанских правителей Шахр Гайлан сын 'Абшибама. Среди личных имен жрецов значительное место занимают имена «царского рода», т. е. известные как имена правителей (hwf'm — № 38), их отцов (ydmrmlk — № 37) и братьев (smhrm — № 30). По-видимому, это позволяет сделать вывод, что жрецы, входившие в список, происходили из довольно узкого круга знати, может быть, из того же круга, из которого происходили правители Катабана.²²

Как правило, титул gšw не является единственным титулом автора надписи; почти в двух третях случаев к нему присоединяется еще один титул: qun (№ 30, 34, 39, 36), qzr (№ 39, 40) или mlk (№ 35). Сочетание всех этих титулов, как мы уже отмечали, входит в «долгий» титул правителей Катабана. Но для исследуемого памятника характерно сочетание двух титулов, причем к постоянному титулу gšw может присоединяться любой из трех других. Сочетание двух титулов встречается также в двух известных нам катабанских надписях — Ja 122 и RES 311.

Ja 122 — надпись на базе женской статуи, найденной при раскопках «дома Хадас» в Тимна'. Это votивная надпись, обращенная к богине Зат-Химйам и сообщающая о посвящении ей статуи. Автор надписи — некая Бар'ат из «дома» Расад'ила из (рода) Шахаз. К этой стандартной посвячительной надписи добавлена приписка, содержащая титул Бар'ат: qzrt / 'm / drbhw / ršwt / 'm / ddymt — «сборщица податей 'Амма зу-Рабави, жрица 'Амма зу-Даймата» — и финальную инвокацию, обращенную к Варав'илу Гайлану Йухан'иму. Приписка полностью совпадает с надписью «списка жрецов» № 40, автор которой тоже сборщик податей 'Амма зу-Рабави и жрец 'Амма (без эпитета), вплоть до такой специфической детали, как финальная инвокация, обращенная только к правителю. Таким образом, надпись Ja 122 можно рассматривать как соединение двух текстов: стандартной votивной надписи и столь же стандартной коммеморативной надписи «списка жрецов». Следовательно, Бар'ат занимала в государственной и социальной иерархии Катабана то же место, что и авторы надписей «списка жрецов».

Посвячительная надпись не дает сведений об общественном положении ее автора и о функциях, которые выполняла Бар'ат. Однако формула dt/byt позволяет видеть в ней жрицу культов орошения и плодородия, принадлежавшую к «дому» эпонима и тесно связанную с системой эпонимата.²³ Полное совпадение формулы надписей «списка жрецов» и «приписки» в Ja 122, вероятно, свидетельствует, что и авторы надписей исследуемого памятника имели аналогичные функции.

Расад'ил из рода Шахаз, к «дому» которого принадлежала Бар'ат, известен теперь по надписи Louvre AO 21.124.²⁴ Эта надпись показывает,

²¹ Так, к племени Зар'ан принадлежат три из четырех «больших кланов» Тимна' (dr'n, drhn и ugr) и минимум три «вторичных» (hḏrn, qhlwm и ršm), а также ряд «мелких групп»: hrn, šhz, qī'n и т. д.

²² См.: Лундин А. Г. Престолонаследие в Катабана. — СЭ, 1978, № 4, с. 123—130.

²³ См.: Лундин А. Г. 1) Новые материалы о южноарабском эпонимате. — ВДИ, 1974, № 4, с. 98—105; 2) «Дочери бога» в южноарабских надписях и в Коране. — ВДИ, 1975, № 2, с. 124—131.

²⁴ Pirenne J. Execution d'offrande par un QZR..., p. 125—129; Lunding A. G. L'inscription qatabanite du Louvre AO 21. 124. — Raydan, II, 1980, p. 107—119.

что Расад'ил также выполнял жреческие функции «сборщика податей» 'Амма зу-Рабахава. Эти функции, видимо, были действительно связаны со сбором налогов, так как надпись сообщает о посвящении, сделанном в качестве налога с урожая. Наконец, надпись Расад'ила также содержит финальную инвокацию, обращенную к правителю.

Другая надпись, содержащая сочетание двух титулов $qun/r\dot{s}w$ (RES 311), также представляет собой комбинированный текст, состоящий из сочетания стандартной посвяtitельной надписи и сакральной надписи. Фрагмент III 3, обнаруженный при раскопках в Хаджар бин Хумайд, совпадает по формуляру с этим сакральным текстом. Это показывает, что сакральный текст также носит стандартный характер и отражает не какую-то случайную ситуацию, а определенный обычай или институт катанского общества.

Сакральный раздел RES 311 сообщает о действиях автора по обслуживанию оракула 'Амма в различных храмах Катана; автор дает решение оракула ($\dot{s}ru$) и приносит жертвы в соответствии с этим оракулом, и выполняет решения оракула в различных храмах.²⁵ Отметим, что такой же оракул — $\dot{s}ru$ — составляет важную сторону деятельности сабейских эпонимов.²⁶

В надписи RES 311 автор носит титул $qun/r\dot{s}w/^{\circ}mm/w\dot{d}r\dot{s}wts$ — «кайн жрец 'Амма и обладатель жречества его (= 'Амма)». Особенно важен дополнительный раздел титула — $\dot{d}r\dot{s}wts$. Буквально $r\dot{s}wt$ — абстрактное имя «жречество», обозначающее и самый сан жреца, и время (период) выполнения жреческих функций.²⁷ Но в этом последнем значении термин $r\dot{s}wt$ в сабейских надписях CИH 555 и Ja 540, датированных по эпониму, обозначает «эпонимат».²⁸ Несомненно, что то же значение имеет термин $r\dot{s}wt$ и в надписях RES 311 и III 3. Иными словами, в Катана, как и в Саба', эпонимные датировки велись по специальной жреческой должности, а не по должности старейшины-кабира, как в Ма'ине. Тогда получают объяснение и сочетание двух титулов автора RES 311 — $r\dot{s}w/^{\circ}mm$ и $\dot{d}r\dot{s}wt (^{\circ}mm)$: они противопоставляются как постоянный сан жреца и временные функции жреца-эпонима.²⁹

Таким образом, надписи RES 311 и III 3 являются надписями эпонимов Катана, установленными во время их эпонимного срока и рассказывающими об их действиях в качестве эпонимов.³⁰

Все надписи, в том или ином отношении близкие к надписям «списка жрецов», оказываются, таким образом, связанными с катанским эпониматом. Это позволяет сделать вывод, что памятник, открытый С. С. Ширинским, представляет собой список эпонимов Катана. Правда, в нем отсутствует титул $\dot{d}r\dot{s}wt$, однако это можно легко объяснить.

Надписи списка сабейских эпонимов племени Халил составлялись по окончании эпонимного срока, при освобождении от должности эпонима.³¹ Вероятно, так обстояло дело и в Катана. Но при таком положении формула $\dot{d}r\dot{s}wts$, выражающая именно исполнение функций в данный момент, становится невозможной. В то же время основные постоянные титулы $qun/r\dot{s}w/^{\circ}mm$ совпадают и в публикуемых надписях, и в RES 311.

²⁵ См.: Лундин А. Г. Катанская сакральная надпись, с. 19—32.

²⁶ Лундин А. Г. 1) О характере надписей из Джар ал-Лабба. — ВДИ, 1972, № 1, с. 33—34; 2) Государство мукаррибов Саба', с. 143—145.

²⁷ Rhodokanakis N. Die Inschriften an der Mauer von Kohlan-Timna'. Wien, 1924, p. 32—35; J am me A. Inscriptions from Hajar bin Humeid, p. 341—342.

²⁸ Beeston A. F. L. Epigraphic South Arabian calendars and dating. London, 1956, p. 31; Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба', с. 17—19.

²⁹ J am me A. Inscriptions from Hajar bin Humeid, p. 341: $\dot{d}r\dot{s}wt$ — «acting priest».

³⁰ Лундин А. Г. Катанская сакральная надпись, с. 28—32; Лундин А. Г. Le système d'éponymat de Qataban. — PSAS, 1977, 7, p. 101—111.

³¹ См.: Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба', с. 143.

Катабанский эпонимат, как показало исследование А. Бистона, продолжался всего два года,³² поэтому порядок замещения поста эпонима неминуемо должен был отличаться от сабейского. По-видимому, столь частая смена эпонимов должна была иметь в качестве следствия сложные правила занятия этой должности, вероятно, допускавшие известную вариантность кандидатур. В связи с этим трудно установить схему действия катабанского эпонимата и особенно последовательность эпонимов, тем более что в настоящее время нам известен лишь один случай перехода поста эпонима от 'Асбана зу-Хадарана (RES 3566, 7) к 'Амм'алайу зу-Рашаму из (рода) Каф'ан (RES 3566, 22—23).

Публикуемый список эпонимов дает лишь очень скудные данные о схеме действия эпонимата. По-видимому, мы можем говорить о случаях передачи поста эпонима от брата брату (см. № 37 и 38, 39). Создается также впечатление, что пост эпонима часто совмещался с каким-либо другим постом в системе государственного управления, причем эпонимами становились лица разных рангов — от царя Катабана до скромных «жрецов 'Амма» (№ 31, 32). Возможно, что комплекс надписей № 36—39, помещенный на одной скале, сохранил для нас последовательный хронологический перечень пяти эпонимов, но он охватывает всего лишь 10 лет.

Если принять это предположение, можно реконструировать такую последовательность эпонимов:

Надпись	Имя	Род	Титул
№ 36	šhr / gyln / bn / 'bšbm	—	mlk-ršw
№ 37	ydmrmlk / bn / 'myd'	ddr'n	ršw-qyn
№ 38	hwf'm / bn / 'myd'	ddr'n	ršw
№ 39	yt'krb / bn / 'bd'l	dšb'n	qzr-ršw
№ 39	'm'ly / bn / 'bd'l	dšb'n	qyn-ršw

Сопоставление дает некоторые любопытные детали передачи поста эпонима. Прежде всего отметим, что имена Йазмармалик и Хавф'амм принадлежат к именам «царского рода»,³³ тогда как имена Йаса'кариби 'Амм'алай не входят в их число. Можно заметить, что в пределах одного рода пост эпонима передается в порядке старшинства жреческой иерархии, но при переходе к другой родовой группе эта иерархия не соблюдается. К сожалению, пока невозможно установить старшинство родов эпонимов, хотя Зар'ан, видимо, самая крупная (т. е. старшая) из родовых групп.

Возникает предположение, что при передаче поста эпонима применялся тот же принцип «первородства» в поколении (возрастном классе), какой использовался при замещении поста правителя (мукарриба и царя) Катабана.³⁴ За точку отсчета принимался момент вступления на престол нового правителя. Вероятно, правитель, как первенец богов 'Амма и Хавкам, сам занимал пост эпонима (по истечении срока эпонима, уже выполнявшего свои функции). По истечении двухлетнего срока эпонимата новым эпонимом становился следующий по старшинству представитель того же поколения (возрастного класса), затем — следующий по старшинству, и так до истечения срока правления, т. е. поколения. При этом, вероятно, учитывалось и старшинство (знатность) родовых групп, почему некоторые группы и могли поставлять двух эпонимов подряд. Видимо, пост эпонима могла занимать и женщина-жрица (Бар'ат, автор Ja 122), если только она не исполняла свои функции одновременно и параллельно с Расад'илом из Шахаз.

³² См.: Beeston A. F. L. Epigraphic South Arabian calendars and dating, p. 27—28; ср.: Бауер Г. М. Некоторые проблемы эпонимата в древней Южной Аравии. — ВДИ, 1967, № 2, с. 125—126.

³³ Лундин А. Г. Престолонаследие в Катабане, с. 124—128.

³⁴ Там же, с. 128—129; Lundin A. G. Le système d'éponymat de Qataban, p. 106—108.

Однако все это построение основывается лишь на одном гипотетическом примере последовательности эпонимов из пяти эпонимов и останется предположительным до появления нового материала. Остается надеяться, что специальное эпиграфическое обследование джабал Ганделе позволит значительно расширить доступный исследователям материал «списка катабанских эпонимов» и продвинет вперед изучение катабанского эпонимата, а тем самым и всей структуры общественного и социального строя Катабана. Организация такого обследования представляется одной из важнейших и актуальнейших задач изучения древнего Йемена.

A. G. Lundin

LA LISTE DES PRÊTRES DE 'AMM

L'archéologue soviétique S. S. Shirinsky a photographié en 1971 en République Démocratique du Yémen une douzaine des inscriptions rupestres au wadi Wariḥa pres du Timna'. Tous les textes sont du même type: ce sont des inscriptions commémoratives qui nomment une personne avec son titre, sans mention de son activité. Toutes les inscriptions contiennent le titre ršw/'mm — «prêtre de 'Amm». Cela permet de caractériser les inscriptions trouvées comme constituant une liste des prêtres de 'Amm.

Les inscriptions les plus anciennes se rapportent à la période graphique C—D, c'est-à-dire au IIIe s. avant n. é., les inscriptions les plus récentes sont probablement de 100 à 150 ans postérieures.

La plupart des inscriptions de la liste présentent la particularité de jumeler deux titres: qyn/ršw ou qzr/ršw, ou encore mlk... ršw. Cette particularité se retrouve dans deux inscriptions analogues: RES 311 et Ja 122.

La combinaison des titres qyn/ršw dans RES 311 et qzrt... ršwt dans Ja 122 est liée à l'éponymat qatabanite. Par conséquent la liste des prêtres de 'Amm trouvée par Shirinsky doit-être une liste d'éponymes de Qataban.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Вопрос о возникновении государственности на периферийных территориях древней Передней Азии на рубеже II и I тысячелетий до н. э. представляет значительный теоретический интерес. Она возникает здесь на завоеванной территории, в обществе, подчинившем своей власти ряд государственных образований (типа городов-государств). На протяжении длительного времени вместе с формированием классового общества здесь наблюдается постепенный переход от догосударственной родоплеменной организации (союз племен) к государству; несмотря на некоторое чисто внешнее воздействие, выразившееся в заимствовании отдельных форм государственности, она сложилась здесь в результате внутреннего процесса социального и политического развития. В известном смысле речь идет об изменениях, происходивших в недрах «варварского» общества завоевателей, параллельно чему (с учетом, разумеется, своеобразия эпохи и социально-экономических условий) может служить процесс образования варварских государств на территории Римской империи.

Несмотря на всю важность, эта проблема, хотя ей и посвящен ряд исследований,¹ не может считаться всесторонне изученной. До сих пор остается неясным даже такой вопрос, как время возникновения государства. Некоторые исследователи полагают, что уже в период Судей иудейско-израильское общество имело государственную республиканскую организацию.² Другие авторы, отмечая, что кочевая племенная организация давала определенные возможности для отправления государственных по своей природе функций,³ видят начало государственности в возникновении царской власти, которая объединяла под своим контролем все древнеизраильские племена и возникла в связи с необходимостью оказать сопротивление филистимлянам.⁴ Возникновение царской власти ставилось также в связь с утратой Ковчега Завета и крушением представлений о Йахве как о царе древнего Израиля,⁵ что представляет собой лишь позднее осмысление событий под влиянием монотеистических идей. В своем развитом облике иудейско-израильское государство рассматривается обычно как национальное,⁶ причем этапное значение придается таким

¹ Sulzberger M. The polity of the Ancient Hebrews. — JQR, 1912—1913, vol. 3; Galling K. Die israelitische Staatsverfassung in ihrer vorderasiatischen Umwelt, Leipzig, 1929. — Монографии X. Доннера и И. Соггина остались нам недоступными.

² Dus J. Die «Sufeten Israels». — ArOr, 1963, 3, S. 444—469; Buccellati G. Cities and nations of Ancient Syria. Roma, 1967, p. 113.

³ Ср., например: Alt A. Die Staatenbildung der Israeliten in Palästina. — Kleine Schriften, Bd. II, 1959, S. 5; Ehrlich E. L. Der antike jüdische Staat. Hannover, 1964.

⁴ Alt A. Die Staatenbildung..., S. 11—19; Kolhaas A. A. Theocracy in monarchie in Israel. Wageningen, 1957; R. de Vaux. Les institutions de l'Ancien Testament, t. I. Paris, 1958, p. 145.

⁵ Bardtke W. Samuel und Saul. — BiOr, Bd. 25, 1968, S. 289—302.

⁶ Alt A. Die Staatenbildung..., S. 20; Buccellati G. The Cities.

явлениям, как возникновение наемной дружины и династического принципа наследования царской власти.⁷ Однако при всей важности этих лежащих на поверхности явлений нельзя не видеть, что они служат лишь внешним выражением определенных глубинных процессов, в исследовательской литературе не раскрытых.

Как известно, само по себе осуществление распорядительных и военно-организационных функций не свидетельствует о существовании государства. Ф. Энгельс и В. И. Ленин показали, что государство возникает как специфическое учреждение, призванное обеспечить эксплуатацию неимущего класса имущим, господство второго над первым. Его существенные признаки заключаются в наличии территориального деления данной политической структуры и в учреждении такой политической власти, которая не совпадает непосредственно с населением и для содержания которой взыскиваются налоги.⁸ Если исходить из этого, то проблема становления государственности из проблемы становления царской власти превращается в проблему возникновения территориального членения общества и специализированного аппарата управления. Период Судей, когда происходит формирование раннеклассового общества, представляет собой, по-видимому, этап существования древнеизраильского общества как союза племен с общим культом, общими историческими или квазиисторическими традициями (в том числе и о происхождении от одного предка) и наличием общего для всех племен военного и гражданского управления,⁹ когда демократически организованная власть в общем представляет собой народовластие и специализированного аппарата управления не существует; в это время начинаются постепенное становление территориальной организации и превращение родоплеменных органов управления в органы государственной власти.¹⁰ Соответственно встает вопрос об эволюции царской власти, о ее превращении из экстраординарной магистратуры в рамках родоплеменной организации в составной элемент государственного аппарата, высшую власть в государстве.

Согласно одному из вариантов предания о появлении царя в иудейско-израильском обществе, это событие объясняется стремлением древних израильтян коренным образом преобразовать общество по тем образцам, которые наблюдались у других народов (I Сам., 8, 4—5): «И собрались

⁷ Alt A. Das Königtum in den Reichen Israel und Juda. — Kleine Schriften, Bd. II, 1959, S. 116—134.

⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 21, с. 108, 118, 170—181; Ленин В. И. О государстве. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 69, 73.

⁹ Племенную организацию древнего Израйля пытались представить как своеобразную аналогию греческим амфикициям (N o t h M. Das System der zwölf Stämme Israels. Stuttgart, 1930). Против этой концепции были выдвинуты серьезные возражения (см.: F o h r e r. Geschichte Israels. Heidelberg, 1977, S. 74—79, где и основная литература), и «теория амфикиции» считается в настоящее время опровергнутой. Отрицается даже существование древнеизраильского племенного союза (ср.: M a y e s A. D. H. Israel in the Pre-Monarchy period. — Vetus Testamentum, vol. 23, 2, 1973, p. 151—170). Однако дошедшая до нас нарративная традиция определенно изображает древний Израиль как союз племен («колен»), ведущих свое происхождение от общего предка, почитающих общего для всех бога и имеющих общую традицию и общие интересы. О существовании политического организма, именуемого «Израиль», свидетельствует и знаменитая стела Мернептаха. Сомневаться в достоверности такой картины нет достаточных оснований, хотя, разумеется, между отдельными племенами имели место конфликты (ср. Священные войны внутри Дельфийской амфикиции), хотя отдельные племена иногда не принимали участия в совместных предприятиях и внутренняя структура союза могла меняться в связи с изменениями статуса отдельных родоплеменных образований, распадом некоторых племен на более мелкие дочерние объединения и, наоборот, объединением ряда мелких группировок или вхождением мелких образований в более крупные. Ср. также: I s h i d a T. The Leaders of the Tribal League «Israel» in the Pre-Monarchic period. — Revue Biblique, 1973, 4, p. 514—530.

¹⁰ Cp.: K r e i s s i g H. Die Bedeutung der sogenannten Richterzeit bei den Hebräern. — Beiträge zur Entstehung des Staates, Berlin, 1973, S. 82—91.

все старейшины Израиля (ziqnē yiśrā'el), и пришли к Самуилу в Раму. И сказали они ему: „Вот ты состарился, а сыновья твои не идут твоим путем; теперь поставь нам царя (mālāk), чтобы он судил нас, как у всех народов“. И далее (I Сам., 8, 19—20): «... пусть будет царь (mālāk) над нами, и мы будем, как все народы, и будет судить нас царь наш, и будет выходить перед нами и воевать войны наши». Эта концепция, несомненно, связана с хорошо известной характеристикой додарского периода как времени анархии и беспорядка (Суд., 17,6): «В те дни не было царя в Израиле; каждый делал то, что ему нравилось».

Эти указания, однако, находятся в контексте, в котором появление светского царя рассматривается как попытка ликвидировать над Израилем царскую власть Йахве (I Сам., 8,7): «Ибо не тебя они отвергли; ибо Меня они отвергли, чтобы Я не царствовал над ними». Там же находится и знаменитый отрывок о «правах царя», где рассматриваются prerogatives и привилегии царя как носителя верховной власти. К какому бы времени этот отрывок ни относить, считать ли его отражением ханаанейской действительности второй половины II тысячелетия до н. э., на что, возможно, дают право некоторые наблюдения И. Мендельсона,¹¹ видеть ли в нем отражение ситуации, существовавшей в Иудейском и Израильском царствах,¹² в любом случае остается открытым вопрос, мог ли царь уже в тот период, к которому отнесено действие легенды, рассматриваться как носитель суверенитета и верховной власти. Показательно, что и после помазания (I Сам., 10, 1), которое должно было, согласно преданию, выявить божественную инициативу и харизматический характер царской власти, после выборов по жребию (I Сам., 10, 20—24) выборный царь не осуществляет в этом качестве какие-либо правительственные функции (I Сам., 10, 26): «И Саул пошел домой в Гиву»; позднее мы застаем его папущим землю.

В дальнейшем эта же традиция, пытаясь согласовать эпизод спасения Йавеша с предшествующим рассказом, говорит об «обновлении» царства, т. е. о повторном провозглашении Саула царем (I Сам., 11, 14—15): «И сказал Самуил народу: ступайте, пойдем в Гилгал и обновим там царство (unēḥaddeš šām hammēlūkā). И пошел весь народ в Гилгал, и воцарили там Саула пред Йахве в Гилгале, и принесли там жертвы шеламим пред Йахве». Из этого текста могло бы следовать, что в иудейско-израильском обществе существовал обряд «возобновления» царства, иными словами, силы и мощи царя, а также возобновления его prerogatives, аналогичный вавилонскому ежегодному возобновлению царской власти и (по своему значению) египетскому хеб-сед;¹³ как известно, аналогичное предположение о существовании в иудейско-израильском обществе праздника ежегодного восшествия царя на престол, аналогию которому составлял праздник ежегодного воцарения Йахве, было высказано на основе изучения библейских псалмов.¹⁴ Не исключено, что автор интересующего нас текста, пытаясь согласовать эпизод спасения Йавеша с предшествующим рассказом, опирается именно на этот обычай. Тем не менее в эпизоде спасения Йавеша Саул, как увидим далее, действовал как частное лицо, поэтому «обновление» царства в данном случае исключено. Речь может идти только о провозглашении царя.¹⁵ Эти обстоятельства, особенно йахвистическая тенденция рассказа, позволяют говорить о позднем происхождении всего этого отрывка в целом, следовательно, для решения вопроса о происхождении царской власти он не существен. Он показывает лишь, как

¹¹ Mendelsohn I. Samuel's denunciation of Kingship in the light of the Accadian documents from Ugarit. — BASOR, 143, 1956, p. 17—22.

¹² Амусин И. Д. «Народ земли». — ВДИ, 1955, № 2, с. 15.

¹³ Матье М. Э. Хеб-сед. — ВДИ, 1958, № 3, с. 7—28.

¹⁴ Mowinkel S. Psalmenstudien II. Amsterdam, 1971, p. 6—8.

¹⁵ Ср. также: Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909, с. 220.

этот вопрос пытались представить люди, обрабатывавшие иудейско-израильскую традицию с позиций утверждения монотеизма Йахве и концепции его царской власти над Израилем.¹⁶

Если бы предположение о существовании в иудейско-израильской среде обряда «обновления» царской власти подтвердилось, можно было бы думать, что представления о царской власти формировались здесь под влиянием архаических воззрений на ту роль, которую предводитель племени или союза племен играл в их жизни, — воззрений, сложившихся задолго до возникновения государства.

Фактически действующим лицом в общенародном масштабе Саул оказался только начиная с эпизода спасения Йавеша (I Сам., 11, 1—14). В этом рассказе существенно то, что граждане Йавеша обращаются за помощью ко всему древнему Израилю (I Сам., 11, 3: «Мы пошлем послов во все пределы Израиля»). Им не приходит в голову естественная, казалось бы, мысль — обратиться к царю, носителю верховной власти. Саул выступает как организатор похода против аммонитян; но и в этой ситуации он не ссылается, как можно было бы ожидать, на свои полномочия царя. Интересна близость этой ситуации к истории Гидеона. Лишь после победы израильтяне предлагают Гидеону быть их наследственным правителем (Суд., 8, 22: «Правь нами ты, и сын твой, и внук твой, ибо ты спас нас от руки Мидьяна»), однако Гидеон отказался. Речь идет, несомненно, о царской власти.

Последовательность событий в обоих случаях может быть представлена следующим образом: некое частное лицо по собственной инициативе созывает народное ополчение; как предводитель этого ополчения и победитель, он провозглашается царем.

Эта последовательность была, однако, не единственно возможной. Когда Давид после смерти Саула переселился вместе со своею дружиной в Хеврон, политический и культовый центр Иудеи, «туда пришли мужи иудейские (ʾanše yəhūdā) и помазали там Давида царем (lēmālāk) над домом Иуды» (II Сам., 2, 4). Очевидно, Давид был провозглашен царем на народном собрании. По-видимому, аналогичным способом приобрел на короткий срок власть над древним Израилем сын Саула Ишбобет, которого «воцарили» (wayamlikehū) в Маханайме «над Гилеадом, и над Ашером, и над Изреелью, и над Эфраимом, и над Биньямином, и над всем Израилем» (II Сам., 2, 8—9). В дальнейшем воцарение Давида над всем Израилем описывается следующим образом: «И пришли все племена Израиля (kol šibte yiśrāʾel) к Давиду в Хеврон, и сказали следующее: вот, кость твоя и плоть твоя мы. Даже вчера, даже третьего дня, когда Саул был царем над нами, ты был предводителем (mōšī wəhāmēhī) Израиля (т. е. фактически выполнял обязанности царя. — И. Ш.). И сказал Йахве тебе: ты будешь пасти народ Мой, Израиля, и ты будешь вождем (nāgīd) над Израилем. И пришли все старейшины Израиля (kol ziqne yiśrāʾel) к царю в Хеврон, и заключил с ними царь Давид договор в Хевроне, пред Йахве, и помазали они Давида, чтобы он был царем над Израилем». Аналогичный рассказ с некоторыми стилистическими вариациями мы находим и в I Хрон., 11, 1—3.¹⁷

Обращает на себя внимание близость этой ситуации к положению, которое, согласно преданию (Суд., 11, 5—11), существовало при приглашении Ифтахы в вожди племени Гилеад: «И было, когда начали воевать сыны Аммона с Израилем, то пришли старейшины Гилеада (ziqne gilʾad), чтобы взять Ифтаху из страны Тов. И сказали они Ифтаху: идем, и ты станешь

¹⁶ А. Бирам рассматривает проблему прихода к власти Саула с чисто теологических позиций, оставляя в стороне социально-политические аспекты проблемы. См.: Bīram A. 'Aliyyat Ša'ul limeluka umašbar hammeluka. 'Oz le Dawid, Yerušalayim, 5724, p. 211—221.

¹⁷ О договорах между царем и избирающим его народом см.: Fohrer G. Der Vertrag zwischen König und Volk in Israel. — ZAW, Bd. 71, 1959, S. 1—22.

нашим воеводой (qāšīn; ср.: в Септуагинте: εἰς ἀρχηγόν), и мы будем воевать с сынами Аммона. И сказал Ифтах старейшинам Гилеада: ведь вы ненавидели меня и изгнали меня из дома отца моего, так почему же вы пришли ко мне теперь, когда враг напал на вас? И сказали старейшины Гилеада Ифтаху: но вот теперь мы вернулись к тебе, и идем с нами, и мы будем воевать с сынами Аммона, и ты будешь у нас главой (rō'sh) ¹⁸ всех жителей Гилеада. И сказал Ифтах старейшинам Гилеада: если вы возвращаете меня, чтобы воевать с сынами Аммона, и даст Йахве их пред лицо мое, — я буду у вас главой. И сказали старейшины Гилеада Ифтаху: Йахве пусть будет свидетелем (yhw h yihwā šōmēā'), если мы не поступим согласно твоим словам. И пошел Ифтах со старейшинами Гилеада, и поставил его народ над ними главой и воеводой (lērō'sh ulēqāšīn; ср. в Септуагинте: εἰς κεφαλὴν καὶ εἰς ἀρχηγόν). И произнес Ифтах все слова свои перед лицом Йахве в Мицпе.

Приведенный материал показывает, что на первых порах царь представляется экстраординарным магистратом, которому для занятия должности требовалось в той или иной форме предварительное решение совета старейшин и народного собрания.¹⁹ Какая-либо единообразная процедура избрания и провозглашения царем фактически отсутствовала; источниками она во всяком случае не засвидетельствована. Представляется, однако, весьма симптоматичным сходство между обстоятельствами избрания на царство Давида и избрания вождем-воеводой Ифтаха. Царь, как и вождь-воевода, представлял собой одну из возможных (наряду с другими) фигур предводителя; какой именно магистратуре будет оказано предпочтение, зависит от условий места и времени.²⁰ Показательно, что царь титулуется nāgīd — одним из обозначений племенного вождя, и это сразу же вводит его в систему племенных магистратур, подчеркивает его положение среди племенных вождей как первого среди равных.²¹

Материалы о деятельности Саула и на раннем этапе Давида, а также приведенные выше указания источников показывают, что царю на раннем этапе были свойственны прежде всего полководческие функции; в этом качестве он тождествен воеводе (qāšīn).

Борьба за власть между преемниками Давида выявила новый порядок приобретения царской власти: один из претендентов, Адония, сам провозглашает себя царем, вступив в заговор с группой придворных Давида, тогда как другой претендент, Соломон, получает власть по наследству, в результате волеизъявления своего отца (I Цар., 1, 5—10 и 29—40). Ни совет, ни народное собрание здесь участия не принимают, хотя Адония и приглашает своих братьев и всех иудеев на торжественное жертвоприношение-пиршество, а Соломон провозглашается царем несколькими при-

¹⁸ О титулах племенных вождей см.: Bartlett J. R. The use of the word rō'sh as a title in the Old Testament. — VT, vol. 19, 1969, 1, p. 1—10; Speiser E. A. Background and function of the Biblical Nāsi'. — Oriental and Biblical Studies. Philadelphia, 1967, p. 113—122.

¹⁹ А. Маламат полагает, что возобновление договора было необходимо только при появлении новой династии и прекращении преемственности царской власти. Эпизод с Рехав'амом свидетельствует против этой точки зрения. См.: Malamat A. Organs of statecraft in the Israelite Monarchy. — The Biblical Archaeologist, vol. 23, 1965, p. 36.

²⁰ Термином šōrēṭ — «судья» обозначались, как известно, военные предводители и правители, а не судьи в собственном смысле слова (ср.: Ishida T. The leaders. ... p. 514—530), а самый глагол šarāṭ обозначал действия, связанные с выполнением функций управления, в том числе и судебных (Malamat A. Mari and the Bible. Jerusalem, 1973, p. 7). В то же время судья-спаситель, наделенный харизматической силой, был до известной степени независим от племенных организаций (ср.: Malamat A. The Deliverer-Judge. — Publications of the Israel Academy of Sciences and Humanities, 1971, p. 11—25). В этой ситуации царь естественно был преемником судей, воспринявшим их функции, и его власть фактически не отличалась от их власти. Ср.: Eyvin Š. Ša'ul we Dawid. — 'El ha'ayin, 15, 5722, p. 4; Macholz G. Ch. Die Stellung des Königs in der israelitischen Gerichtsverfassung. — ZAW, Bd. 84, 1972, S. 157—182.

²¹ Eyvin Š. Ša'ul we Dawid, p. 13.

дворными и получает помазание при стечении народа — жителей Иерусалима, но вовсе не в результате их волеизъявления.

Этот решительный разрыв с древней традицией невозможно объяснить тем, что она угасла сама собой. Известно, что, задумав свергнуть своего отца Давида, Авшалом под предлогом выполнения сакральных обетов отправился в Хеврон и оттуда обратился ко всем племенам древнего Израиля с просьбой провозгласить его царем в Хевроне, культовом, как сказано, центре Иудеи (II Сам., 15, 7—10). Его домогательства были удовлетворены (ср. II Сам., 19, 24); тем самым власти Авшалома был придан легитимный характер, а Давид оказался в положении человека, стремящегося захватить власть насильственным путем. В дальнейшем мы узнаем, что в совете Авшалома участвовали «все старейшины Израиля» (*kol ziqnē yisrā'el*; II Сам., 17, 1—4) и что «рабы Давида» (*'ahdē dāwīd*) сражались с «народом израильским» (*'am yisrā'el*; II Сам., 18, 6—7). Соответственно этому и разгром Авшалома был тяжелым ударом по суверенитету израильского совета. Правда, традиция говорит, что древние израильтяне, раскаявшись после смерти Авшалома, снова призывают Давида на царство и что последний снова побуждает иудейских старейшин обратиться к нему (II Сам., 19, 10—15), однако эта демонстрация народного волеизъявления, несомненно, должна была придать видимость законности возвращению Давида к власти и нужна она была только потому, что Давид еще не чувствовал себя достаточно сильным.

Его ближайшие преемники полагали, что могут обойтись уже без этой формальности, однако, когда десять израильских племен не признали власти Рехав'ама, они воспользовались своим правом выбрать угодного им царя; в результате выборов на народном собрании (*hā'ēdā*) царем был провозглашен Йаров'ам (I Цар., 19, 22). Показательно, что Рехав'ам должен был направиться в Сихем, «ибо в Сихем пришел весь Израиль, чтобы воцарить его» (I Цар., 12, 1). Здесь же происходят и переговоры между Израилем и Рехав'амом о смягчении налогового бремени. В более позднее время, как показывает Втор. 33, 5, существовала точка зрения, согласно которой единственно законной считалась верховная власть Йахве: «и стал Он в Иешуруне царем в собрании глав народа вместе с племенами Израиля». Утверждая таким образом суверенитет Йахве и традиционных органов власти племенного союза (совета старейшин и народного собрания), можно было поставить под сомнение законность власти правящей династии, призвать вернуться к обычаям и нормам, характерным для периода, когда государственности в строгом смысле слова еще не существовало.

Мы наблюдаем, таким образом, борьбу между двумя принципами наследования царской власти и соответственно между двумя тенденциями — стремлением к выборной власти, с одной стороны, и стремлением к наследственно-династийной системе — с другой. Она отражает конфликт между силами, стремившимися объективно к созданию государства, и силами, противившимися этому. Наследственно-династийный принцип окончательно побеждает только после раскола Иудейско-израильского царства. Не случайно в этой связи и стремление царя территориально размежеваться с советом, и перенесение резиденции в Иерусалим; не случайно и то, что переломным моментом послужил разгром восстания Авшалома.

Разгром восстания Авшалома явился важным этапным событием и в другом отношении. Мы впервые после рассказа об этом событии, повторном воцарении Давида и разгроме восстания Шевы сына Бихри, узнаем о формировании хотя и примитивного, но царского государственного аппарата (II Сам., 20, 23—26).²² «И Иоав был начальником всего войска израильского, и Бенайа сын Йехойада — над критянами и филистимлянами, и

²² Ш. Ейвин указал на отсутствие государственного аппарата как на характерную черту царствования Саула. См.: Euvín Š. Ša'ul we Dawid, p. 6—7.

Адорам над повинностями, и Йехошафат сын Ахилуда секретарем, и Шейа — писцом, и Цадок, и Эвйатар — жрецами. Также и Ира Йаирский был жрецом у Давида». Собственно, уже при дворе Саула имелся «начальник войска его» (*šar šēḇā'ō*) Авинер сын Нера (I Сам., 14, 50; ср. II Сам., 2, 8). Однако только сейчас царю потребовалось не только и не просто облечь некое лицо частью своих полномочий, что и явилось по существу предпосылкой к созданию государственного аппарата, но передать целой группе лиц, зависевших только от него, командные, административные и жресческие функции.

Этот поступок — естественный результат отстранения от власти совета и необходимости по-новому организовать управление.

Эту же политику продолжал и Соломон, бывший совершенно независимым от демократических органов власти (I Цар., 4, 1—6): «И был царь Соломон царем над всем Израилем. И вот вельможи (*haššārīm*), которые у него: Азарйаху сын Цадока — жрец, Элихареф, Ахийа, сыновья Шиша — писцы, Йехошафат сын Ахилуда — секретарь, и Бенайаху сын Йехойада — над войском, и Цадок, и Эвйатар — писцы, и Азарйаху сын Натана — над наместниками (*'al hanniṣṣāḥīm*), и Зевул сын Натана, жрец, друг царя, и Ахишар — над домом, и Адонирам сын Авда — над повинностями». Как видим, Соломон значительно расширил количество ведомств; особый интерес вызывает появление должностного лица, которому были подчинены наместники. Это последнее обстоятельство указывает на прямую связь административной реформы Соломона с введенным им же территориальным делением.

Наша традиция (I Цар., 4, 7—8) указывает, что Соломон назначил двенадцать наместников, в обязанности которых входило обеспечение кормления царского дома в течение месяца (ср. также I Цар., 5, 2—3 и 7); иными словами, они должны были обеспечивать выполнение натуральных повинностей. Та же традиция говорит и о размещении этих наместников (I Цар., 4, 8—20): «И вот имена их: Бен-Хур в горах Эфраима; Бен-Декер в Макац, и в Шаальбим, и в Бет-Шемеше, и в Элоне, Бет-Ханане; Бен-Хесед в Аруббот: у него Сохо и вся страна Хефер; Бен-Авинадаб — вся возвышенность Дора (Тафат, дочь Соломона, была его женой); Баана сын Ахилуда — Таанах, и Мегиддо, и весь Бет-Шеан до Царетаны ниже Изреели, от Бет-Шеана до Авель-Мехолы, до той стороны Йокнеама; Бен-Гевер в Рамот-Гилеаде, у него поселения Иаира сына Менашше, которые в Гилеаде, у него область (*hāḥāl*) Аргов, которая в Башане, — шестьдесят городов с большими стенами и медными затворами; Ахинадав сын Иддо в Маханаиме; Ахимаац в Нафтали (он также взял Басемат, дочь Соломона, в жены); Баана сын Хушайа в Ашере и Алоте; Йехошафат сын Паруаха в Иссахаре; Шим'и сын Элы в Биньямине; Гевер сын Ури в стране Гилеада, в стране Сихона, царя аморейского, и Ога, царя Башана, по одному наместнику в каждой стране».

Оставляя в стороне вопрос о происхождении наместников, заслуживающий, несомненно, специального рассмотрения (обращают на себя внимание имена типа Бен-Хур, Бен-Декер и т. п.; предположение, согласно которому они обозначают выходцев из соответствующих родов и больших семей, кажется, однако, если исходить из параллельного угаритского материала, неоправданным: в Угарите эти имена обычно личные ²³), отметим, что здесь мы наблюдаем смешение нескольких принципов территориального деления: чисто территориального и территориально-племенного, что говорит не только о непоследовательности царского правительства, но и о том, что соответствующие племена образовывали не только этническое, но и территориальное единство.²⁴

²³ Ср.: Eyvin S. Reḥaḥ'am we Yaroḥ'am, Sefer Qornegrin. Tel-Aviv [s. a.], p. 74—79.

²⁴ Ср.: Eyvin Š. Ša'ul we Dawid, p. 13—15.

Обращает на себя внимание направленность этого аппарата. Здесь существуют следующие ведомства: командование войском, руководство наместниками (иными словами, обеспечение натуральных повинностей), обеспечение трудовой повинности и ведение царского «дома», т. е. дворцового хозяйства. Иными словами, по отношению к подданным этот аппарат выступает в роли эксплуататора. Кроме того, как ясно из предыдущей характеристики доцарского времени, предполагалось, что царская власть обеспечивает порядок, т. е. неизбежность существовавших в данный период общественных отношений. Тем самым обеспечивалась эксплуатация рабов рабовладельцами и свободных мелких производителей представителями родовой знати и нарождающейся новой аристократии (царские приближенные и его дружина²⁵), а также непосредственно царем (не случайно поэтому и ведение царского хозяйства являлось одной из функций государственного аппарата), причем особенно существенную роль здесь играло распространение повинностей на свободных единоплеменников. Из сказанного очевидно, какие именно слои были заинтересованы в создании государственного аппарата. Именно эти обстоятельства имеет в виду знаменитая речь о «правах царя».

Формирование государства в иудейско-израильском обществе завершилось, таким образом, в царствование Соломона. Его, разумеется, можно назвать «национальным», но только в том смысле, что оно объединяло в своих рамках всех древних израильтян и иудеев. Однако не только их. Значительно больше оснований, с нашей точки зрения, видеть в ней территориальную монархию типа ассирийской, хотя и меньшую по своим масштабам.

В целом применительно к данному району процесс формирования государства можно себе представить следующим образом: первоначально царь выступает в роли выборного общесоюзного магистрата, который ведет организацией военного дела, руководит оборонительными и наступательными войнами. На этом этапе царь еще не является носителем верховной власти; специализированный аппарат управления отсутствует. Затем, после восстания Авшалома, царь становится носителем верховной власти, не совпадающей непосредственно с населением; на этом этапе создается специализированный аппарат управления, зависимый только от царя и подчиненный непосредственно ему.²⁶

Впрочем, было бы упрощением полагать, что создание государственного аппарата имело своим последствием уничтожение родоплеменной структуры общества.

Традиция (I Хрон., 27, 16—22) сохранила до наших дней список вождей израильских племен (использованы титулы *pāqid* и *šār*, очевидно, равнозначные), которые находились у власти в царствование Давида; перечислены племена Реувен, Шимеон, Леви, Иуда, Иссахар, Зевулун, Нафтали, Эфраим, половина Менаше в Цисйордании, половина Менаше в Гилеаде, Бийамин и Дан. Сколько правдоподобна точка зрения, согласно которой они образовывали на раннем этапе совет при царе,²⁷ трудно сказать; однако несомненно, что они пользовались большим влиянием и властью.

Из I Цар., 8, 1—3 мы узнаем, что совет старейшин Израиля (*ziquē yisrā'el*), вожди племен (*rā'se hammatōt*) и предводители родов (*nēši'e hā'āhōt*) по призыву Соломона участвовали в сакральной церемонии — перенесении Ковчега Завета в построенный Соломоном храм.

²⁵ О структуре и эволюции дружины Давида см.: Mazar B. Haggibborim 'ašer le Dawid, 'Oz le Dawid. Yerusalayim, 5724, p. 248—267; 2) The military elite of king Dawid. — VT, vol. 13, 3, 1963, p. 310—320.

²⁶ Поэтому едва ли может быть принят взгляд, согласно которому монархия не создала новой системы легальной администрации. Ср.: Macholz G. Ch. Die Stellung..., S. 157—182.

²⁷ E y v i n Š. 'Amrakalat..., p. 47—65.

Однако их деятельность не укладывалась исключительно в сакральные рамки.

Как уже говорилось, даже после смерти Соломона в условиях резкого обострения социальных конфликтов народное собрание древнего Израиля воспользовалось своим легитимным правом, отказав в воцарении Рехав'ама и избрав Йаров'ама.²⁸ В условиях военного конфликта, получив послание дамасского царя Бен-Хадада, израильский царь Ахав созывает «всех старейшин страны» (kol ziqnē hā'ārās; I Цар., 20, 7); в выработке ответа принимает участие и «весь народ» (kol hā'am; I Цар., 20, 8). Очевидно, в данном случае действуют народное собрание и совет старейшин, поддержка которых нужна царю для организации наиболее эффективного отпора противнику. Не случайно и то, что раскол Иудейско-израильского царства произошел по родоплеменному признаку.

Племена и в рамках развитого государства сохраняли значительную внутреннюю самостоятельность. I Хрон., 4, 39—43 упоминает о самостоятельных походах симеонитов в Сеир и на восток; еще в правление царя Хизкии они вели самостоятельные войны, сопровождавшиеся территориальными захватами. В политической жизни Израильского царства племена играли исключительно активную роль.²⁹

Все эти обстоятельства значительно усложняли структуру и общественную жизнь этих государственных образований.

I. Schiffmann

THE KINGS POWER AND STATEHOOD

On the early stage of the development of the biblical society the king was not the bearer of statehood in the proper sense of the word. He was one of the highest magistrate of the tribes union and as such commanded the tribal militia. The king was elected if necessary per acclamationem or by allotment. After crushing of the Abshalom revolt appear organs of statecraft. During the rise of the statehood election of the king was replaced by the dynastical principle of the inheritance of the kings power, and the king becomes head of the state.

²⁸ См. подробнее: Malamat A. Organs of statecraft..., p. 34—65. — Нам, однако, представляется неправомерной мысль, будто «старцы», с которыми совещался Рехав'ам, готовя ответ на требования народных масс, — это совет старейшин. В данном случае, как ясно из контекста, речь идет о двух поколениях придворных — «стариках», т. е. придворных Соломона (I Цар., 12, 6) и «молдых» — сверстниках Рехав'ама (I Цар., 12, 8). Ср. также: Euvvin Š. Reḥav'am we Yarob'am, p. 73—79.

²⁹ Ср., в частности: Струве В. В. Ефрем и Манассей. — Еврейская мысль, 1926, с. 130—143.

О ТЕРМИНЕ «МАРЗБАН» В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ

Термин получается в результате сложения двух частей: первая часть — *marz-* — обозначает пограничный вал, границу, а вторая — суффикс *-bān* — придает новым словообразованиям смысловой оттенок «защитник, страж, хранитель».¹ Дословный перевод термина *marzbān* — «защитник (страж) границы».

Первое упоминание о марзбанах встречается в парфянских деловых документах из Нисы. Издатели этих документов И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц в 1960 г. высказали гипотезу о том, что в иерархии местных правителей марзбан стоит над дизпатом (начальником крепости) и сатрапом (начальником округа) и может обозначать правителя более крупной административной единицы — провинции.²

Широкое распространение институт марзбанов получил в раннее средневековье, а точнее — во вторую половину сасанидского периода истории Ирана (V—VII вв. н. э.). Он засвидетельствован не только иранскими, но также арабскими, армянскими, сирийскими, еврейскими источниками, что нашло свое отражение в существующих словарях, в значительной мере учитывавших все возможные значения слова. При всем том словари обнаруживают некоторое расхождение в определениях термина. В словаре-гlossарии к среднеперсидским учебным текстам Г. С. Ньюберга даются два значения слова — «правитель пограничного района», «маркграф»; там же есть указание на заимствование его в армянском языке в тех же значениях.³ В толковом словаре, изданном в Иране, отмечены следующие значения: «начальник границы», «землевладелец», «хранитель»; сообщается и о том, что марзбанами арабы называют главных жрецов у огнепоклонников.⁴ В толковом словаре современного персидского языка Хасана Амида указаны современные значения термина — «пограничник», «офицер пограничной службы»; там же говорится, что при Сасанидах марзбанами называли пограничных правителей.⁵ В арабско-французском словаре середины XIX в. *marzubān* как заимствование из персидского переводится «сатрап, правитель провинции, чаще пограничной».⁶ В словарях сирийского языка К. Броккельмана и Р. Пейн-Смита *marzbānā* — «маркграф», «маркиз», «пограничник» (последнее значение упоминается только у Р. Пейн-Смита).⁷

¹ По той же схеме в новоперсидском языке образованы *bāybān* — «садовник», *riḡhbān* — «хранитель, сторож», *pālzbān* — «огородник», *šuturbān* — «погонщик верблюдов» и др.

² Дьяконов И. М. и Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960, с. 18, 22—23.

³ Nyberg H. S. A manual of Pahlavi, II. Wiesbaden, 1974, p. 127.

⁴ ۱۹۸۷ برهان قاطع، جلد چهارم، تهران، ۱۳۴۵—۱۳۳۵ ص

⁵ فرهنگ عمید تألیف حسن عمید، تهران، ۱۳۴۲ ص ۹۴۲

⁶ Kazimirski B. Dictionnaire arabe-français, t. II. Paris, 1846, p. 1090.

⁷ Thesaurus syriacum... t. II. Ed. R. Payne Smith. Oxonii, 1901, col. 2221; Lexicon syriacum auctore C. Brockelmann. Ed. II. Hallis saxonium, 1928, p. 404.

Наконец, в словаре по библейской литературе *marzābānā* — это «наместник», «префект», «полководец», «маркграф».⁸

Многозначность термина в словарях объясняется тем, что его реальное содержание в каждую эпоху менялось. Для сасанидского периода более точными являются определения, данные в словаре Г. С. Нюберга. В тех же значениях термин фигурирует у исследователей, касавшихся социально-экономической терминологии в общих работах по истории сасанидского Ирана.

Специальной разработки проблемы марзбанства в научной литературе до сих пор нет. В настоящей статье делается попытка раскрыть реальное содержание термина в конкретную историческую эпоху на материале ирано-, арабо- и сироязычных источников. Это тем более важно потому, что во многих случаях словарное значение термина *marzbān* не совпадает с теми, которые предлагает контекст.

У автора IX в. Йа'куби, посвятившего несколько страниц в своей «Истории» разбору административной терминологии иранцев, есть следующее (и первое по времени) определение термина: «Главу страны (провинции) называют марзбаном».⁹ У Йа'куби *bilād* соответствует большой провинции, иранскому шахру, на которые делилась обширная территория Сасанидского государства (Вавилония, Хузистан, Парс, Абаршахр, Керман и др.). Таким образом, если следовать Йа'куби, то термины *šahrdār* (*šahriyār*) — титул правителя области — и *marzbān* равнозначны.

Отрывок из первой главы «Книги деяний Ардашира сына Папака», памятника пехлевийской литературы VI в., указывает на то, что разница между терминами все же существует: *Pāpak marzbān ud šahriyār ī Pārs būd ud az gumārdag ī Ardawān būd*¹⁰ («Папак был марзбаном и шахрияром Парса, и был он из назначенных Ардаваном»). В данном контексте одно и то же лицо выполняло функции марзбана и шахрдары.

У автора X в. Мас'уди марзбаны упоминаются в числе придворных Ардашира Папакана, в одном ряду с правителями областей (*mulūk al-kuwar*) и спахбедами; судя по описанию, это придворные второго ранга: «Его придворные были разделены на три группы. Первую составляли всадники и царевичи; эта группа сидела справа от царя на расстоянии 10 локтей — любимцы царя, его сотрапезники и собеседники из знатных и ученых людей. Вторая группа располагалась на удалении 10 локтей от первой; к ней относились главные марзбаны, правители областей, пребывавшие при дворе Ардашира, и спахбеды, из числа тех, которым в его правление поручалось управление областями. К третьей группе, располагавшейся на расстоянии 10 локтей от второй, принадлежали шутники, любители легкомысленных разговоров и весельчаки, но и в эту группу не включались люди низкого и презренного происхождения...».¹¹

⁸ Levy J. Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim, Bd. III. Berlin und Wien, 1924, S. 247.

⁹ Ibn Wādhīh qui dicitur al-Ja'qūbi. *Historiae, pars prior historiam anteislamicam continens* edidit... M. Th. Houtsma. Lugd.-Bat., 1883, p. 202: *وتسمى رؤيسى البلاد المرزبان*

¹⁰ Ântiâ E. K. *Kârnâmak-i Artakshîr-i Pâpakân*. Bombay, 1900, p. 2; *Histoire des rois des perses par Abou Mansour al-Tha'âlibi*. Ed. H. Zotenberg. Paris, 1900 (далее — Са'алиби), p. 473—474. У Са'алиби Папак — только марзбан Парса:

الفرس تزعم ان بابك كان مرزبان اردوان على فارس — «Персы утверждают, что Папак был марзбаном Ардавана в Фарсе».

¹¹ Mas'udi. *Les prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meinard et Pavet de Courteille, t. II. Paris, 1863, p. 153; Ш м и д т А. Э. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. — Уч. зап. Института востоковедения, т. XVI. М.—Л., 1958, с. 469.

Если сравнить приведенную классификацию придворных у Мас'уди с поименным списком придворных Ардашира Папакана в среднеперсидской надписи Шапура I,¹² то приходится констатировать, что перечисление должностных лиц, родственников царя и других представителей высшей знати в ираноязычном источнике не совпадает с той схемой субординации, которую предлагает автор X в. Кроме того, ни в одной из открытых до настоящего времени надписей III—IV вв. с территории сасанидского Ирана не говорится о марзбанах. Хотя пехлевийский роман об Ардашире I и некоторые арабоязычные авторы (Мас'уди, Са'алиби) связывают деятельность марзбанов с началом сасанидского периода, этот институт, вероятно, утвердился в Иране значительно позже, не ранее V в.: сначала на северных окраинах Сасанидской державы, в Армении, затем в Восточной Грузии (Картли), а в VI в. при Хосрове I Ануширване стал обычным явлением для всего государства Сасанидов.

Подробную информацию о марзбанах в Иране VI — первой половины VII в. содержат мусульманские сочинения, которые в разделе доисламской истории в значительной степени основаны на сведениях несохранившихся более ранних пехлевийских источников. В этой связи уместно рассмотреть контексты, где речь идет о марзбанах.

Автор X в. Хамза Исфাহани в «Хронике царей земли и пророков» дает краткую сводку о шестнадцати иранских марзбанах, в разное время управлявших землями арабов.¹³ Некоторых из них можно считать полуполюгендарными, поскольку неизвестно, от имени каких шаханшахов они управляли подвластными территориями. О других известно несколько больше: Анушбад (Анушзад?) был марзбаном в царствование Хосрова I и Хормузда IV; Хамарз командовал иранским войском в сражении с арабами при Зу-Каре; Дад Пероз, прозванный арабами Мукабиром, был наместником в Бахрейне и Омане, собирая с кочевников налоги и не допуская их до Евфрата. Сбором налогов занимался и легендарный Сасан сын Рузбеха, которому «платили харадж цари Африки и Нубии». Ему наследовал в этой должности сын Рузбех.

Отдельного рассмотрения заслуживает перечень восьми марзбанов Йемена, деятельность которых приходится на последнюю четверть VI — первую треть VII в. Первый в этом списке, Хурзад сын Нарсе, отмеченный почетным титулом «Вахриз» («вепрь»), был послан Хосровом Ануширваном с отрядом иранских всадников в Южную Аравию для изгнания эфиопов и утверждения на царском престоле хымьярита Сайфа б. Зу-Йазана. После гибели Сайфа он был назначен наместником в Йемене, и с тех пор на несколько десятилетий страна прочно вошла в зону сасанидского владычества. Хурзада последовательно сменяли еще семь марзбанов, которые назначались шаханшахом из числа военачальников, отбывавших службу в Йемене.

Иногда должность марзбана передавалась по наследству. Известно, что Марвазана сменил на посту марзбана Йемена его сын Хур (Хурра?) Хосров.¹⁴ После него правил Базан (Бада) сын Сасана, под началом которого были два военачальника — Пероз и Дадуйе. Дадуйе, племянник Бада, сменил своего дядю и был последним марзбаном Йемена. При ха-

¹² Maricq A. Res gestae divi Saporis. — Syria, t. XXXV, fasc. 3/4, 1958, p. 322—325.

¹³ Hamzae Ispahanensis annalium libri X edidit J. M. E. Gottwaldt, t. I, textus arabicus. Petropoli — Lipsiae, 1844, p. 136—139.

¹⁴ Практика передачи должности марзбана от отца к сыну засвидетельствована и на северо-востоке Сасанидского государства. Марзбан Мервруда, обращаясь в 652 г. к арабскому военачальнику с предложением о заключении мира, просит сохранить за собой и членами своего дома право наследования марзбанства, пожалованного его прадеду еще при Хосрове Ануширване. Здесь, правда, есть намек на то, что предки этого марзбана были из числа иранских наместников Йемена, см.: Annales quos scripsit... at-Tabari cum aliis edidit M. J. De Goeje. Prima series. Lugd.-Bat., 1881—1882 (далее — Табари, I), p. 2897—2900.

лифе Абу Бакре он принял ислам, участвовал в подавлении «ридды». Опыт марзбана ему очень пригодился в новой обстановке.

О марзбанах очень часто упоминает арабоязычный автор иранского происхождения Абу Ханифа ад-Динавари в своей «Книге длинных известий». Здесь марзбаны названы своим именем впервые в повествовании о реформах Хосрова I Ануширвана, где говорится о том, что шаханшах освободил от подушной подати родовую знать, марзбанов, всадников, писцов и всех остальных лиц, состоявших на государственной службе.¹⁵ Марзбаны и «благородные» (т. е. азады, всадники) составляют окружение царевича Хосрова, будущего шаханшаха Хосрова Парвиза.¹⁶ Те и другие учтены в «диване войска» и являются по призыву Бахрама Чубина, чтобы отправиться в поход против кагана тюрков.¹⁷ При этом Динавари делает различие между рядовыми марзбанами (marāziba) и «великими из марзбанов» ('uzamā' al-marāziba). Последние наравне с министрами (иногда с «великими государства») имеют свободный доступ к шаханшаху, участвуют вместе с ним в обсуждении государственных дел, выступая в роли советников. К «великим марзбанства» принадлежит армянин Мушег. Его влияние в войске и обществе настолько велико, что он не боится публично высказать свое несогласие с Бахрамом Чубином, когда тот после смерти Хормузда IV и бегства Хосрова II пытается легализовать узурпацию власти. Мушег возглавляет оппозицию легитимистов, вместе с двадцатитысячным отрядом своих единомышленников уходит в Азербайджан и ждет возвращения Хосрова из Византии. На родине Хосрова II встречают Мушег «вместе со своими марзбанами и марзбанами Парса» (персидскими марзбанами?).¹⁸ Марзбаны (очевидно, рядовые) постоянно поддерживают свою военную форму, совершенствуют качества, обязательные для воинского сословия: силу и ловкость, умение владеть оружием. Во время останки Хосрова II в Хулване на пути в летнюю резиденцию в Мидии они устраивают в честь шаханшаха игру в поло.¹⁹ Один из марзбанов, Хормузд Гуррабзин, выступает в роли посла к тюркскому кагану сначала при Хормузде IV, а затем при его сыне Хосрове II.²⁰ Гурдой, сын Бахрама Гушнаспа и родной брат Бахрама Чубина, — один из самых влиятельных советников Хосрова Парвиза.²¹ О выдающейся роли марзбанов сообщает и Са'алиби, современник Динавари, черпавший свои сведения из недошедшей до нас сасанидской «Книги владык»; он отмечает случай, когда шаханшах Йездигерд II (438—457 гг.) передал вопрос о своем наследнике на суд «великих государства» и «главных марзбанов».²²

Динавари и другие историки, кроме обязанностей при дворе, отмечают и еще одну, не менее важную сторону деятельности марзбанов — их активное участие в военных походах иранской армии в качестве полководцев. Известно, например, что Бахрам Чубин до своего назначения на должность командующего армией, посланной против тюрков, уже был марзбаном Рейя.²³ В другое время Хосров II поручает прежнему послу Хормузду Гуррабзину один из трех отрядов, посланных на подавление восстания Бистама.²⁴ «Великие» сасанидских армий и марзбаны разделяют ответственность за поражение Ирана в войне с Византией, и Хосров II Парвиз

¹⁵ Abū Hanifa ad-Dīnawerī. Kitāb al-Aḥbār at-ṭiwāl publié par V. Guirgass. Leide, 1888 (далее — Динавари), p. 73.

¹⁶ Ibid., p. 80.

¹⁷ Ibid., p. 82.

¹⁸ Ibid., p. 94, 96.

¹⁹ Ibid., p. 105.

²⁰ Ibid., p. 83, 102.

²¹ Ibid., p. 109.

²² Са'алиби, с. 573.

²³ Maçoudi. Les prairies d'or, p. 78.

²⁴ Динавари, с. 109.

принимает по отношению к ним крайние меры,²⁵ решив таким образом и свою участь: в результате заговора знати с участием марзбанов он был свергнут и убит.²⁶ Перед казнью, отвечая на обвинения своего сына Шируйе (Кавада II) в жестокости, он просит передать ему следующее: «...этих твоих опекунов я готовил для себя в течение тридцати лет, умножил им подарки и увеличил дары. Все это время я в них не нуждался, кроме того дня, в который они проявили малодушие и побежали. Спроси... законов-едов нашего народа о тех, кто пренебрег в поддержке своего царя и уклонился от боя с его врагом, и тебе скажут, что такие не заслуживают ни прощения, ни милосердия».²⁷ Назначение марзбанства в этом отрывке показано предельно ясно.

В анонимной «Книге деяний Ануширвана», сохранившейся в арабской версии Ибн Мискавейха, царь подчиняет марзбану тюрков, которые перешли на службу в Иран и расселились в пограничных крепостях.²⁸ Наконец, в одном из контекстов «Летописи» Табари марзбаны названы правителями пограничных областей.²⁹

Сирийские источники в своем большинстве отражают ту сторону деятельности марзбанов, которая является следствием пребывания их на посту руководителей военной администрации в оккупированных сасанидскими войсками городах и провинциях с преобладающим христианским населением. Мпихазеха, автор «Истории Адиабенской церкви» (VI в.), касаясь событий, связанных с образованием державы Сасанидов, пишет, что персы «подчинили всех царей стран Востока и поставили на их место правителей и марзбанов» (*mauhrpātē we marzbānē*). Здесь первый и второй термины выступают как синонимы, обозначающие военных администраторов, хотя этимологически форма *mauhrpātē* является иранским заимствованием понятия «магупат, мобед». Далее в тексте наш автор оставляет только *mauhrpātē*, но имеет в виду лишь марзбанов. О том, что речь идет не о религиозном главе общины, а о наместнике, свидетельствуют как использование другого названия для мобеда — *magūšā d'atrā* — «маг страны (провинции)», так и функции должностных лиц, посаженных шаханшахом в Адиабене. Наместник имеет собственный вооруженный отряд, живет в укрепленном замке. Когда он восстает против шаханшаха Варахрана III, тот посылает против него войско, смещает непокорного марзбана и заменяет его другим.³⁰

Иоанн Эфесский в «Церковной истории» подробно описывает деятельность марзбана Адурмаханана в качестве полководца шаханшаха Хосрова I Ануширвана. Во время войны с Византией шаханшах направляет в Апа-мею «великого марзбана» (*marzbānā rabbā*) Адурмаханана (в арабо-персидской передаче Азермахан). Персидское войско предает город огню и мечу, а пленных и добычу направляет в Дару, где находится ставка Хосрова I. В другой раз великий марзбан участвует в переговорах с византийскими посланцами, а затем снова грабит области Дары, Теллы и Телл-бесмы.³¹ Под натиском византийских войск Маврикия и гассанида Мундара персы уходят в свои пределы, разрушая мосты через Евфрат. Впоследствии Адур-

²⁵ Там же, с. 111.

²⁶ Участие марзбанов в дворцовых переворотах становится при последних Сасанидах обычным явлением. Известно, например, об их причастности к свержению Хормузда IV (Динавари, с. 87) и к покушению на узурпатора Шахрбараза (Са'алиби, с. 734).

²⁷ Динавари, с. 114.

²⁸ Grignaschi M. Quelques spécimens de la littérature sassanide. — JA, t. CCLIV, fasc. 1, Paris, 1966, p. 24.

²⁹ Табари, I, с. 1056.

³⁰ Sources syriacques, vol. I par A. Mingana. Leipzig, 1907, p. 31, 36—38.

³¹ Johannis Ephesini Historiae ecclesiasticae, pars tertia. — CSCO, scriptores syri, textus, series III, tomus III, Parisiis, 1935, p. 293, 308.

махан снова вторгается в районы Верхнего Междуречья, производит в них страшное опустошение, с добычей и пленными благополучно возвращается в Иран.³² Этот марзбан был казнен Хормуздом IV вместе с другими вельможами, пользовавшимися особым доверием Хосрова Ануширвана.³³

Марзбаны управляют завоеванными территориями, соблюдая интересы шаханшахской короны: контролируют деятельность местных властей, собирают с покоренного населения дань и налоги, присылают в столицу пленников, вылавливают противников шаханшаха. По сведениям «Несторианской истории» (Хроники Сеерта), марзбан округа Балад, расположенного в семи фарсангах севернее Мосула, пожаловался Хосрову II на местного епископа 'Ишояба за то, что он возражал против обложения налогом виноградики при обители и проявлял излишнюю независимость; в результате епископ был отстранен от должности и до провозглашения «царем царей» Шируйе находился в изгнании.³⁴ В Анонимной хронике 1234 г. говорится о том, что на 18-м году царствования Ираклия (628 г.) марзбан Эдессы получил приказ Хосрова Парвиза о присылке пленников. Марзбан, по словам автора хроники, был человеком милосердным и не желал связываться с хлопотным для него делом, поэтому он распорядился направлять пленников партиями — «кварталами» (или «улицами»).³⁵ Как сообщает сирийский аноним VII в., марзбан Азербайджана выловил Биндою, когда тот, опасаясь царского гнева, бежал к своему брату Бистаму, и вернул беглеца Хосрову Парвизу.³⁶

В разделах мусульманских хроник и «Книг завоеваний» IX—XII вв. (труды Йакуби, Табари, Бал'ами, Балазури, Ибн ал-Асира и др.), повествующих о завоеваниях арабами Ирана, марзбаны отдельных округов и провинций выступают в роли командиров воинских формирований, которые действуют самостоятельно либо в составе большой армии (сражения при Кадисии и при Нехавенде). Они то выходят на единоборство с арабскими витязями, то отступают или переходят на сторону противника, ведут оборону осажденных крепостей, заключают с мусульманами мирные договоры.

Объем привлеченного к исследованию материала позволяет сделать ряд выводов относительно социальной природы термина *marzbān* в позднесасанидскую эпоху. Источники дают нам два основных значения.

1. В широком смысле марзбаны — влиятельная и многочисленная, начиная со времени Хосрова I Ануширвана, часть военного сословия, его высшее и среднее звено. На социальной лестнице они занимают место между «вазургами» («великими», членами сасанидского рода) и «азадами» («свободными», всадниками, в некоторых контекстах — «благородными»). «Великие марзбаны» (марзбаны Азербайджана, Парса и других шахров, больших провинций) по социальному положению приравняются к «вазургам». В свите придворных Хосрова Ануширвана они находятся на одной ступени.³⁷ Рядовые марзбаны (марзбаны округов или малых провинций — Оболлы, Вавилона, Анбара, Хиры, Дербенда) ближе к «азадам». Очевидно, в среде марзбанов существовало более дробное деление, но источники не дают прямых указаний на этот счет. Ряды марзбанов могли попол-

³² Ibid., p. 313.

³³ Са'алиби, с. 638—640.

³⁴ Histoire nestorienne (Chronique de Séert), seconde partie, publiée et traduite par Addai Scher... — Patrologia orientalis, t. XIII. Paris, 1919, p. 554—555.

³⁵ Chronicon ad an. Chr. 1234. pertinens edidit I. B. Chabot. — CSCO, scriptores syri, series III, t. XIV, textus (1920), p. 231.

³⁶ CSCO, scriptores syri, series III, t. IV, textus, p. 17—18; Nöldеke Th. Die von Guidi herausgegebene syrische Chronik uebersetzt und commentiert (1893), S. 8.

³⁷ The Farsnama of Ibnu'l-Balkhi edited by G. Le Strange and R. A. Nicholson. — «E. J. W. Gibb Memorial» Series, New Series, vol. I. London, 1921, p. 97.

няться за счет азадов: имена марзбанов Хиры — Азадбеха и Азадмарда (первый — отец, второй — сын) — не исключают такой возможности.³⁸ В основном ряды марзбанов комплектовались из представителей родовитой знати, более древней по знатности, чем Сасаниды. Многие из марзбанов — выходцы из Рейя и Нехавенда, родины Михранидов, около десятка марзбанов носят личное или родовое имя Михран.³⁹ Встречаются среди них и Карениды. Как представители именитой родовой знати, в значительной степени ослабленной маздакитским движением, васпухры («сыны рода») были обязаны своим возрождением Хосрову Ануширвану и наряду с азадами стали опорой сасанидской монархии. Они не только имели доступ ко двору шаханшаха, но и проходили там специальную подготовку, прежде чем получить ответственный пост в армии или при дворе. Пехлевийское сочинение «Хосров сын Кавада и паж» представляет собой рассказ об испытании молодого человека по имени Васпухр из знатного, но обедневшего рода; в ходе испытаний обнаруживаются недюжинные умственные и физические способности юноши, после чего он становится приближенным шаханшаха и получает высокий пост.⁴⁰ Во время военных действий марзбаны составляют командное ядро иранского войска.

2. В более узком смысле марзбаны — главы военной администрации (или оккупационных властей) на завоеванных территориях или во «внутренних» округах и провинциях Сасанидской державы. Установление института марзбанов в захваченных провинциях соседних стран не упразднило местного самоуправления, как это видно на примере Грузии, где полномочия царя были переданы марзбану, но для сохранения централизованной власти из среды знати избирался глава государства — эрисмтавар.⁴¹ Примерно так же Сасаниды обошлись с покоренной Хирой. По сведениям, которые приводит Табари, Азадмард (марзбан Хиры) поручил грамотному арабу выполнять обязанности низложенного Хосровом Парвизом вассального царя Ну'мана: держать в узде племена бакритов, приближая одни из них и удаляя другие в угоду шаханшаху.⁴² В областях Верхнего Междуречья с преобладающим христианским населением сохраняли свои административные функции несторианские и монофизитские епископы. В собственно иранских провинциях, кроме марзбанов как ставленников шаханшаха и обладателей военной власти, существовала местная крупная и мелкая знать, которая выполняла свои функции в округах и провинциях. Марзбаны были посредниками между местной знатью и шаханшахом; как представители «царя царей» они были высшими должностными лицами в подведомственных больших и малых провинциях и имели чрезвычайные полномочия: обеспечивали своевременное поступление налогов в государственную казну,⁴³ поддерживали спокойствие среди подданных и охрану границ. «Великим марзбанам» шаханшах жаловал титул шаха.⁴⁴ У «великих из марзбанов» был штат рядовых марзбанов (Шахрака, марзбана Парса, следует отнести к первым, а марзбана Бишапура, о котором нам

³⁸ Табари, I, с. 2019, 2037, 2226, 2233; Бал'ами, рукопись «D-182» ЛО ИВАН СССР, л. 3366; Zotenberg H. Chronique de ... Tabari traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohammed Bel'ami, t. III, p. 338; Ibn el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur ed. C. J. Tornberg. Lugd.-Bat., 1868, vol. II, p. 340.

³⁹ Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 214—215; см. также сочинения Табари, Балазури, Бал'ами, Динавари.

⁴⁰ Unvala J. M. The pahlavi text «King Husrav and his Boy...». Paris, s. a.; Са'алиби, с. 705—711. — В арабизированном варианте Са'алиби действие переносится в царствование Хосрова II Парвиза, а имя пажа — Хушарз.

⁴¹ Цоцелия М. В. Восточная Грузия (Картли) в III—VII вв. и ее связи с державой Сасанидов (по памятникам материальной культуры). Автореф. канд. дисс., Л., 1975, с. 6.

⁴² Табари, I, с. 2226.

⁴³ Как сообщает Са'алиби (с. 744), марзбан Мерва Махуйе отвечал за сбор налогов в провинциях Мерв, Мервруд, Талекан, Гогаан.

⁴⁴ Darmesteter J. Lettre de Tansar au roi de Tabaristan. — JA, sér. IX, t. III, Paris, 1894, p. 210, 513.

известно из среднеперсидской надписи в Эклиде,⁴⁵ — ко вторым). В восточных пределах Сасанидской державы марзбаны отдельных провинций сохраняли также титул канаранг, что очень хорошо показано у Са'алиби.⁴⁶ Как правило, марзбанами были иранцы зороастрийцы. В Армении, как свидетельствуют источники, марзбаны иногда назначались из представителей местного феодального класса.

A. I. Kolesnikov

TO THE MEANING OF THE TERM «MARZBĀN» IN SASANIAN IRAN

The article deals with the social meaning of the term «marzbān». The analyses of iranian, arabian and syriac sources gives the author a possibility to conclude that the literal and well known meanings of the term in question («a defender of a border», «a markgraf») in many cases are not acceptable in a context. For example, in most sources related to the history of the late sasanian period, the term «marzbān» may be interpreted according to a context only in one of two following ways.

1. In a large meaning of the word, marzbans are the most active part of the warriors social group and compose a commanding stock in sasanian army; on a social scale they take place between āzāds and vazurgs. Marzbans take part in court ceremonies of the sasanian king of kings.

2. In a narrow meaning, marzbans compose the war administration appointed by a king of kings of Iran in internal provinces, on limitrophs of the kingdom and in conquered territories. They may be regarded as mediators between shāhānshāh and a local administration.

⁴⁵ G r o p p G. Einige neuentdeckte Inschriften aus sasanidischer Zeit. — In: H i n z Walter. Altiranische Funde und Forschungen. Berlin, 1969, S. 240—241. — Имя марзбана Парса в форме *سهرک* || *شهرک* встречается у мусульманских историков Табари, Балазури, Динавари, у автора «Фарс-намэ» в повествованиях о завоевании Парса арабами.

⁴⁶ Са'алиби, с. 743: *وكره مرزبانها كمنارنك دخوله* (о том, как марзбан Туса, опасаясь арабов и тюрок, отказал в убежище Йездигерду III и его свите).

ФРАГМЕНТЫ «ПЛАЧА» ИЗ 4-й ПЕЩЕРЫ
ХИРБЕТ-КУМРАНА (4Q 179)

Среди остатков сочинений есеейской общины Хирбет-Кумрана, обнаруженных в 4-й пещере и опубликованных Дж. М. Аллегро,¹ содержится отрывок, озаглавленный издателем «Lamentations» — «Плач» в русской трактовке сочинения. Аллегро издал его в сопровождении английского перевода, с небольшим количеством филологических примечаний.

Простота содержания, отсутствие загадочных лиц и явлений, отсутствие связей с эсхатологией вполне объясняют малый интерес к этому памятнику. Однако систематическое исследование истории кумранской литературы, ее связей с иудейской литературой в целом не должно обходиться его своим вниманием, в этом отношении он может оказаться бесполезным.

В 1973 г. М. П. Хорган снова опубликовал эти фрагменты в латинской транслитерации с английским переводом, введением и примечаниями к нему.² Он указывает на итальянский перевод сочинения, включенный в сборник: L. Moraldi. *Manoscritti de Qumran*. Torino, 1971.³

Текст, опубликованный Аллегро, дополняется поправками и примечаниями Дж. Стрэгнела.⁴

От свитка, на котором помещалось сочинение, сохранилось 5 фрагментов. Три из них настолько незначительны, что на каждом нельзя прочесть ни одного слова, лишь отдельные буквы. Значение для исследователя имеют фрагменты 1—2. Фрагмент 1 заполнен остатками двух колонок, фрагмент 2 сохранил остатки 10 строк одной колонки, но наиболее полные строки (5—9), несмотря на то что имеют лакуны посередине, все же показывают первоначальную ширину столбца текста.

Остатки двух колонок текста 1-го фрагмента сохранили всего 28 строк: 15 строк в I колонке и 13 — во II. Уцелели средние части каждого столбца, в I колонке погибли начала строк, во II — их окончания, так что связность текста постоянно нарушается. Тем не менее связь этих непритязательных строк с той книгой Библии, от которой сочинение получило свое название, с легкостью устанавливается на основе содержания, лексики и фразеологии уцелевших частей сочинения. Содержание сохранившихся столбцов следует содержанию I и IV глав (частей) библейской книги 'Eukāh (Threni), или «Плач Иеремии», как она обычно называется в русском переводе. В масоретской версии она входит в состав раздела агиогра-

¹ Allegro J. M. (With collaboration of A. A. Anderson). *Qumrān Cave 4. — In: Discoveries in the Judaean Desert of Jordan*, V. Oxford, 1968 (далее — DJD, V), p. 75—77 (pl. XXVI).

² Horgan M. P. A Lament over Jerusalem. ('4Q 179'), — JSS, 1973, XVIII, № 2, p. 222—234.

³ См.: Horgan M. P. A Lament over Jerusalem, p. 222 n. 1. — Мы не имели возможности ознакомиться с итальянским изданием.

⁴ Strugnell J. Notes en marge du volume V des «Discoveries in the Judaean Desert of Jordan». — RQ, 1970, № 26, p. 163—276 (Notes sur le № 179 = p. 250—252).

фов (keṭubīm). Сходство между образом и подражанием достаточно близко, по первому впечатлению кажется, что дело имеешь с парафразой или цитатником типа флорилегия.

При более внимательном взгляде обнаруживается, что кумранский текст уточняет и развивает те черты описания бедствий, которые его библейский предшественник и образец оставил без подробностей, рисуя общую картину гибели и лишений. И здесь бедствие обрушилось на Иерусалим, название города сохранилось (I, 8). И здесь оно затронуло всю страну, о чем свидетельствует сохранившееся слово 'āgēu («города. .»), определением к которому должен быть географический термин — «Иудея» или «страна» (в том же смысле). И здесь храм находится в бедственном положении, отчего в нем прекратилось богослужение. Текст привлекает внимание именно в связи с последним пунктом.

Ни одна из пяти глав (частей), составляющих книгу «Плача Иеремии», не выдвигает описания разрушений, постигших храм, на передний план в общей картине. Храм упоминается наряду с дворцами, чертогами знати, жилищами богатых и простых людей. Мать-Иудея одинаково оплакивает все погибшее и разрушенное. Несмотря на плохую сохранность кумранского «Плача», видно, что описание опустошений храма помещено в начале текста (I, 4—7) и отличается подробностями, отсутствующими в Библии. Запустение священных дворов (I, 7) означает отсутствие жрецов и левитов, как и стад жертвенных животных, толпящихся там в обычное время. Раздел явно перечислял виды жертв (I, 6), лишение которых знаменует печальную для храма пору. Свидетельствует об этом в строке I, 6 термин *ṣūḥāh* (ṣūḥāh), употребленный здесь как самостоятельное понятие, а не как прилагательное — определение к существительному *ṣūḥāh* («запах»), как это наблюдается в Библии и в тексте «Храмового Свитка». Термин «приятный (букв. «успокоительный») аромат» может означать запах сжигаемой жертвы вообще, но употребляется также применительно к воскурениям ароматических веществ, упоминание о которых следует в описании ритуала после жертвы животным и хлебным приношением (*zeḇaḥ* и *minḥāh*). Более существенные виды жертв, как жертва всесожжения (*'ōlāh*), суботные и искупительные жертвы, в таком случае должны были быть упомянуты в предшествующей, но не сохранившейся части «Плача». Возможно, что определение *ṣūḥāh* относилось именно к одному из видов жертвоприношений, прекращение которых автор здесь оплакивает; лишь описав судьбу храма, автор переходит к сетованиям о городе и народе. Согласно своему литературному образцу, он оплакивает превратности рока и лютость врага, превративших знатных и богатых в нищих. Он также оплакивает судьбу матерей и страдания их детей, которые олицетворяют судьбу и страдание Матери-Города,⁵ затем уже переходит к участи изнеженных и избалованных дев Сиона. В этом месте текст обрывается.

Самое сочувствие этим группам населения показывает, что наш «Плач» возник в период, предшествующий сложению кумранской организации с разработанными идеологическими принципами. Здесь, как в сборнике молитв «Слова Светильные» (4Q Dīb Ham),⁶ относящемся, по нашему мнению, к тому же времени, мы не видим выделения группы праведников из среды остальных иудеев, прямо отождествляемых с грешниками, нечестивцами. Как и в 4Q Dīb Ham, речь идет от 1-го л. множ. числа — «мы», т. е. весь народ, настигнутый общим несчастьем. Бедствие это означает справедливое наказание за собственные грехи поколения и грехи его предков, тут уже почва общая с кумранской литературой в ее специфическом развитии, достаточно вспомнить начало «Дамасского Документа» и «Устава» (CD, I; 1QS, I). «Плач» также имеет в виду не просто порчу нравов, а именно

⁵ Ср. III книгу Еадры, 9—10, особенно 10:27, 44.

⁶ Baillet M. Un recueil liturgique de Qumran Grotte 4: Les Paroles des Luminaires (4Q Dīb Ham). — RB, 1961, 68, № 2, p. 195—250.

нарушение «Его Завета» (I, 4). В этой связи не случайно отступление автора от канонического образца, в котором жалобы исходят из уст участника — наблюдателя событий или от матери, оплакивающей своих детей, — персонификации страны и города. Выражение заимствовано у Threni 4 : 3, с отклонением (MT-le-'akzār), объясняемым, возможно, другой редакцией того же самого стиха в цитировании автора 4Q 179. Но если в Библии речь идет о матери, ожесточившейся от голода, бросившей на произвол судьбы детей, которых нечем кормить, то в нашем контексте «жестокая дочь народа моего» знаменует тех, кто вызвал бедствие и торжествует теперь над теми, кто его терпит. Это, несомненно, эллинизированная часть иудеев, отколовшаяся от основной части народа, союзник гонителей, принимающий участие в гонениях (I Макк., 1 : 43—52).

Текст легко поддается датировке, хотя не содержит ни дат, ни собственных имен исторических лиц. Будучи подражанием, перепевом библейского сборника плачей на разрушение Иерусалима Навуходоносором, он не может принадлежать той же самой эпохе. Он не может быть откликом на катастрофу 70-го года н. э., ибо в это время библиотеку уже скрывали в пещерах. Тогда остается ситуация времени Антиоха Эпифана и маккавейского восстания, т. е. примерно десятилетие от разгара преследования (нарушения порядка храмовой службы и разорения Иерусалима военными действиями внутри и вне его) и до занятия его войсками Маккавеев и учреждения праздника Ханукка (161—160 гг. до н. э.; I Макк., 3 : 45; 4 : 36—61).

К этому же времени на тех же основаниях относит памятник М. П. Хорган.⁷ Произведение сложилось в хасидейской среде, близкой жреческим кругам. В этой среде уже создавались послышки для выделения группировок, добывающихся «обновления Завета» и создающих литературные произведения, должныствующие выразить эту идею. Положение храма еще интересует эту группировку как свое кровное дело. Быстрый отклик на бурные и грозные события при самой, казалось бы, неблагоприятной для литературной деятельности обстановке возможен потому, что под рукой существуют готовые, наизусть усвоенные высокоавторитетные художественные произведения, образцами которых всегда может воспользоваться сочинитель, желающий откликнуться в том же жанре на нужды переживаемого им времени. То, что текст ориентируется на 1-ю главу Threni, видно не только из общего содержания, но и из парафразы или цитаты с характерным выражением ba'ēu mō'ed — «пришедшие соборне» (I, 11 — жалобы Threni 1 : 4). Речь явно идет о жалобе на прекращение потока пилигримов, обязательное посещавших храм трижды в году по главным праздникам иудейского календаря.

ПЕРЕВОД

Фрагмент 1

I

1.
2. . . .¹ все наши преступления, и нет поддержки нам у Бога, ибо не слушали м[ы]. . . .
3. . . [взыскание],² чтоб постигло нас все это³ за зло. . . .
4. . . Его Завета. Увы нам. . .⁴
5. . . .стал для сожжения огнем, и превратилась⁵
6. . . красы нашей, и приятного (аромата) нет в нем
7. . . наши священные дворы⁶ стали. . . .
8. . . Иерусалим, град. . . .

⁷ Horgan M. P. A Lament over Jerusalem, p. 222—223.

9. . . . лежи]ще зверей и нет. . . площади его⁷ . . .
10. Увы! все чертоги его опустели. . .
11. . . приходивших соборне,⁸ нет у них никаких городов. . .
12. Наследие наше⁹ стало, как пустыня, земля не . . .
13. . . . веселья¹⁰ нет в ней, и посетитель. . .
14. боль язвам нашим, и враги наши. . .¹¹
15. . . . [ви]ны наши . . . и грехи наши . . .

II

1. Увы нам! Даже Бог против [нас]¹² . . .
2. Мы должны оскверняться мертвецами. . .
3. как от недруга своего . . .¹³
4. для поднявшихся (на) них, и дочь народа моего, жестокая. . .
5. . . . ее юности молчаливы, сыны . . .¹⁴
6. пред зимней порой слабостью своих рук . . .
7. Навозные кучи — очаг [их] дома¹⁵ . . .
8. просили воды, но никто не нальет . . .¹⁶
9. равноценные. . .¹⁷
10. и спроса нет на него.¹⁸ Воспитанные на пурпу[ре]
11. и доброе литое золото носящие украшением своим наде[ли] . . .¹⁹
12. и пурпурным шелком и парчей о[детые]²⁰ . . .
13. Дочери Сиона нежные,²¹ избалованные²² . . .

Фрагмент 2

1.
2.
3. в Твоем шатре
4. [Как сидит] одиноко город²³
5. госпожа всех племен безмолвна, как покинутая, и все [доче]ри
ее поки[нуты] . . .²⁴
6. [как] женщина бездетная,²⁵ как опечаленная и как покинутая
[своим му]ж[ем].²⁶ Все дворцы ее и все сте[ны] ее²⁷
7. как бесплодная, и как запутавшая свои пу[т]и²⁸ огорчен-
ная женщина.
8. Все дочери ее, как оплакивающие своих мужей . . . , как лишенные
9. своих детей. Плачем плачет Иерусалим. . . [слезы льются] по щекам его
о сынах его²⁹
10. и вздыхает. . . .

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

¹ Первая строка разрушена. Слово, открывающее вторую строку, повреждено. Отчетливо виден последний знак — geš. Аллегро читает ušř, оставляя без перевода. Стрэнгел предполагает [kr]g или [msp]r — «очистил», «искупил» или «число», «счет» (наших грехов). Хорган предлагает чтение [wuz]kwg — «и вспомнил» (все наши преступления).

² Часть букв первого слова повреждена. Аллегро читает [yh]wdh — «Иудея». Хорган: wu[r]dh lqytnw — «и спустилось (обрушилось) на наш город» (букв. «нашему городу»). Стрэнгел предполагает [hpq]wdh — «взыскание», «посещение» (в смысле «кара»). Первые 3 буквы во всяком случае неразборчивы.

³ lqytnw. Аллегро вместо uod читает waw:lqytnw — «чтобы постигнуть (= поразить) наш город, нашему городу». Waw и uod в этом почерке практически неразличимы.

⁴ Пробел в середине строки после слов «Его Завет» означает начало нового периода, абзаца. Ср. начало II колонки.

⁵ whrkh. Или «и опрокинулась», «перевернулась».

⁶ ḥṣrwṭ qwdšnw hyw — букв. «дворы нашей святости (святыни) стали», дворы храма.

⁷ lḥyḥ. Перед этим словом отчетливо виден конечный šadē. Стрэгнел предложил убедительное восстановление marbēš, согласно Софонии 2:15, где речь идет об опустошении города (Ниневии) и превращении его в обиталище диких зверей и птиц.

⁸ b'y mw'd (Threni, 1:4) — приходящие в назначенный для торжественных собраний срок; богомольцы, посещающие храм в дни трех главных праздников (Пасха, Пятидесятница, Купи).

⁹ nḥltw- — удел наших предков, полученный от Бога при условии соблюдения Завета с ним (особенно подчеркивает это условие Второзаконие).

¹⁰ Перед словом šmḥh — «веселье» (жен. род) Стрэгнел восстанавливает [qwl] — «голос», «глас», обычно это слово согласуется в муж. роде, здесь явно nišme'ah — жен. род, т. е. согласовано с šmḥh. На фотографии lamed не виден.

¹¹ В начале строки ясно читается l[·]nwš-l[·]nwš, далее текст исправлен: в написанном первоначально lmk'bnw — «по страданию нашему» (Jeg. 30:15) — зачеркнуты 'alef и bet, а сверху приписаны taw и yod: lmktynw — «по болезненности (для) язв наших» (Mich. 1:9). Далее мы держимся чтения Аллегро: kwl 'wybunw — «все враги наши». Стрэгнел и Хорган читают ḥwbunw. Однако первая буква второго слова не похожа на ḥet, как отмечает и Стрэгнел. Буква более всего напоминает размытый 'alef. ḥōb — «грудь» (Hi. 31:33) и ḥōb — «долг» (Ez. 18:7) встречаются в Библии по одному разу. В средние века употребительны формы ḥōbah — pl. ḥōbōt — «долг», «обязательство». Враги, их торжество упоминаются здесь по смыслу заурядно. Лексика вычурностью не отличается.

¹² Или «поднялся», третья буква после 'ayin и lamed разрушена, 'af — также «гнев», так переводят Аллегро и Хорган: «гнев Бога поднялся. . .».

¹³ kmšwn'h. Аллегро переводит: «like a hated (wife)» — причастие жен. рода ru'al.

¹⁴ Стрэгнел и Хорган читают после 'bnw 'ayin — начало слова 'ammī — «народ мой», «сыны народа моего». На фотографии видна ничтожная часть буквы, восстановление может быть лишь предположительным.

¹⁵ Т. е. они греются теплом навозных куч, теплом, исходящим от перепрелого навоза, заменяющего им очаг (в Библии жен. род — medūrah). Или же: навозные кучи — очаг (сосредоточие дома), они живут в хлевах вместо обычного жилья, которое разрушено, сожжено, Стрэгнел byt[h] читает как bitāh — «ночлег» (в Библии не встречается). Навозные кучи — место для ночлега.

¹⁶ Букв. «и нет наливающего. . .».

¹⁷ Ясно читается msl'ym, от последующего слова сохранились лишь кусочки букв. Скорее всего здесь соответствие Threni 4:2: жителей Иерусалима нельзя было оценить даже на вес чистого золота. В этом случае ожидалось бы причастие ru'al msw'ym (Hi. 28:16, 19). Pi 'ēl глагола-омонима «попирать», «повергать» (slh) встречается в Threni 1:15, но к контексту здесь не подходит. Предположительно здесь или дефектное написание, или парафраза с употреблением формы породы pi'ēl (действительный залог).

¹⁸ Букв. «желания», «восхищения».

¹⁹ Последнее слово строки не закончено: hlbw(y)[š. .]. Аллегро читает halebū[š] — «одежда»; Хорган — ha-lebū[šim] — «одежды». Остаток буквы показывает короткую линию yod (?). Мы читаем hilbišū — «одевали» или с внутренним каузативом — «надевали».

²⁰ Текст был прочитан Аллегро неверно (ymšw), см.: Strugnell. Notes sur le № 179, p. 251. После mim, на котором обрывается текст строки, виден остаток waw: mw[lbšym?] — причастие hof'al — «одетые».

²¹ В слове «дочери» (bnwt) taw приписан сверху. В связи с первоначальным чтением bny («сыны») писец написал вслед hyqrum («драгоценные», «дорогие» — муж. род), затем исправил текст, зачеркнув слово и приписав нужное определенное сверху.

²² Слово после rkwt (rakkōt — «нежные»), неразборчиво, отчетливо виден лишь 'ayin и gimel. Аллегро читал под сомнением 'mm — «с ними», Стрэгнел — bm'gl — «на пути», «на поприще» (?). Мы предполагаем, что первоначальное написание имело в виду h'nwgtw — «изнеженные, избалованные» (Jes. 48:1; Deut. 28:54, 56).

²³ Строки 1—2 разрушены совсем; в 3-й сохранилось одно слово. Начало 4-й строки отсутствует, но первые сохранившиеся слова настолько характерны (Threni 1:1), что в данном случае восстановление не вызывает сомнений.

²⁴ šty bmdynwt — «госпожа над областями»; šmḥh, šmt — о человеке переносно: быть в отчаянии, быть безмолвным от горестных впечатлений, быть подавленным (ср. Threni 1:4). Прямое значение о земле — быть опустошенной, бесплодной, пустынной. «Дочери ее» — города, ей подвластные; города провинции (жен. род).

²⁵ От слова сохранились начальный 'ayin и правая сторона следующей буквы. Аллегро восстанавливает 'z[wbh] — «покинутая», но тогда это слово употреблено в строке 6 дважды. Стрэгнел предлагает читать 't[uryh] — «бездетная», «лишенная потомства». В Библии встречается лишь в муж. роде (Gen. 15:2; Lev.

20:20—24; Jer. 22:30). Кажется, сохранилось *taw* на конце: 'arirīt (см.: Strugnell. Notes sur le № 179, p. 251—252). Хорган восстанавливает 'r[m]h — «нагая» (stripped). Дефектные написания в текстах Кумрана встречаются много реже, чем в Библии, но лакуна не дает возможности твердо определить форму слова.

²⁸ После ясно видимых слов *k'zwbṭ* («как покинутая») следует лакуна, над которой в конце видно бледное очертание верхушки *lamed* (?) — остаток слова *b'l* — *ba'al* — «хозяин», «муж». Хорган восстанавливает [rwh] — «как покинутые духом».

²⁷ *whw*... — начало слова, которое Аллегро читает как *whw[mwtyh]* — «и стены ее» (города — жен. род в оригинале). Хорган: *whw[šwtyh]* — «и улицы ее». Существенного расхождения нет.

²⁸ *Kmskkh* — производное от *skk* — «сплетаться», «запутываться», «образовать чащу». Здесь активная форма — *pi'el*. Аллегро переводит: «and all her paths are like a woman shut away»; Хорган: «and like a woman shut away all [her]paths», сопоставляя это место с *Threni 1:4* (ср. Jer. 2:23).

²⁹ Парафраз *Threni 1:2*. Последнее видимое слово *whgth* (жен. род), подлежащее — Иерусалим, его персонификация в образе женщины.

C. Starkova

TWO FRAGMENTS OF THE LAMENTATIONS OVER JERUSALEM FROM THE QUMRAN CAVE 4 (4Q 179)

The paper offers a russian traduction of two little fragments of so-called «Lamentations» from Qumran Cave 4. The traduction is presented with introduction and notes. The Qumran Lamentations are considered to take their origin in the Chassidaean crisis next before to the commence of the Maccabean Revolt (ca. 160—161 B. C).

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ» ПО РУССКОМУ СПИСКУ XVI в. В ПЕРЕВОДЕ С ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО ОРИГИНАЛА

Итоги изучения дореволюционной наукой еврейско-русских литературных контактов в древнерусский период были подведены в 1926 г. В. Н. Перетцем. Эти итоги сводились к следующему: в течение последней трети XV в. и начальных лет XVI в. в древнерусской письменности появилось несколько переводов непосредственно с древнееврейских оригиналов — «Псалтыри» Феодора-жидовина, Логик, Трепетника, Шестокрыла, Аристотелевых врат, Виленского сборника с несколькими книгами Ветхого завета, а также ряда мелких статей.¹ Язык всех этих переводов в большей или меньшей степени характеризуется западнорусскими чертами, что указывает на место их происхождения и позволяет связывать эти переводы с протестантско-реформационными религиозными движениями в Литве.

Новый вклад в изучение еврейско-русских литературных связей был сделан Н. А. Мещерским. Ему удалось увеличить список древнерусских переводов с древнееврейского указанием на обследованные им кн. Есфири, Еноха, отрывки из кн. Иосиппон и некоторые древнерусские апокрифы, а также установить, что эти тексты были переведены не в конце XV — начале XVI в., а еще в Киевский период.² Тем самым вопрос о еврейско-русских литературных контактах получил историческую перспективу, в которой различаются по крайней мере два этапа. Изучение древнейшего из этих этапов — Киевского — обогащает наши знания о развитии и истории письменности Древней Руси, соединяя древнерусскую культуру еще одной прочной связью с ее средиземноморскими истоками.³ С другой стороны, установление взаимосвязи двух этапов открыло бы неизвестный доселе источник религиозно-реформационных движений на северо-западе России XV—начала XVI в.

В связи с этими вопросами интерес представляет вновь обнаруженный текст «Песни песней», отличающийся от традиционных славяно-греческих версий этого произведения как по своему составу, так и по языку. Текст находится в сборнике ГБЛ, Муз. № 8222 (далее — Муз.). Этот бумажный сборник состоит из 260 листов, в четверку, относится по водяным знакам ко второй половине XVI в., писан полууставом, содержит, кроме «Песни песней», лицевой толковый Апокалипсис; часть листов в сборнике находится не на своих местах.⁴ Сборник, как кажется, писан одним почерком,

¹ Перетц В. Н. К вопросу о еврейско-русском литературном общении. — *Slavia*, t. V, 1926, p. 268—269.

² Мещерский Н. А. 1) К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — Уч. зап. Карело-Финского пед. ин-та, т. II, вып. 1, 1956; 2) К истории текста славянской кн. Еноха. — *Визант. временник*, т. XXIV, 1964; 3) К вопросу о составе и источниках Академического хронографа. — В кн.: *Летописи и хроники*. М., 1974.

³ Ср.: Мещерский Н. А. К вопросу о культурно-исторической общности литературно-письменных языков. — *Вестн. ЛГУ*, 1973, № 14, с. 102—110.

⁴ Сведения приведены по машинописному описанию Музейного собрания ГБЛ (т. IV, М., 1969, № 8222, поступления 1927—1937 гг.).

густыми чернилами, с редкими киноварными вставками. Орфография всего сборника едина и с исключительной устойчивостью отражает черты II южнославянского влияния в написании плавных с редуцированными (*тлѣкъ* и т. п.), употреблении большого юса, преимущественном использовании во всех случаях еря. Текст «Песни песней» занимает л. 238 об. — 253 об., 258—258 об. Текст не полон: видимо, утерян лист, содержащий гл. V, стихи 15 (конец) — 17 и гл. VI, стихи 1—8 (начало), а также выпущены ст. III. 2 и начало ст. VII. 1. В тексте встречаются описки (*влас* вместо *глас*, *слава* вместо *глава* и т. п.).

Между тем список, содержащий перевод (или переделку) «Песни песней» с древнееврейского оригинала, известен в науке уже давно: это Виленский сборник № 262 XVI в., впервые описанный Ф. Н. Добрянским, который ошибочно поставил часть текстов сборника в зависимость от изданий Фр. Скорины.⁵ На эту ошибку указал П. В. Владимиров⁶ и привел в своей книге о Фр. Скорине образцы некоторых текстов из этого сборника, в том числе две первые главы «Песни песней». И. Е. Евсеев издал кн. Даниила из этого сборника, причем показал, что некоторые главы переведены были заново, тогда как другие были подвергнуты правке или даже оставлены без изменений, т. е. для них использовалась традиционная славяно-греческая версия.⁷ В. Н. Перетц обращался к Вил. неоднократно: он издал из состава сборника кн. Руфь, кн. Есфирь и Плач Иеремии, при этом в результате исследования он пришел к выводу, что тексты сборника представлены в переводе с древнееврейских оригиналов при частичном использовании традиционных славянских версий, что сборник представляет собою не оригинал, а копию, а оригинал возник в первые годы XVI в., что язык сборника западнорусский, с некоторыми малорусскими чертами.⁸

Поскольку текст «Песни песней» по Вил. специально не изучался, а, судя по обследованным частям, зависимость его от еврейского оригинала может быть большей или меньшей, поскольку неясно отношение «Песни песней» Муз. к «Песни песней» Вил., возникает необходимость сопоставительного изучения обоих списков.

Признаки еврейского оригинала проявляются следующими чертами в обоих списках: 1) в транскрипции собственных имен; 2) некоторыми синтаксическими особенностями славянского текста; 3) составом ряда чтений.⁹

1. Транскрипция ряда собственных имен отличается от принятой в греко-славянской традиции и с очевидностью указывает на древнееврейский источник. В соответствии с написанием שְׁנִיר שֶׁרְמוֹן оба списка дают *Снир*, *Хермон* IV. 8, ср. *Санир*, *Ермон* ОБ в соответствии

⁵ Добрянский Ф. Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки. Вильна, 1882, с. 441—447. — В настоящее время сборник принадлежит Библиотеке АН Лит. ССР, шифр F 19—262 (далее — Вил.). Приносим благодарность сотрудникам Отдела рукописей БАН Лит. ССР, любезно предоставившим в наше распоряжение микрофильм л. 83—86 с текстом «Песни песней».

⁶ Владимиров П. В. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888, с. 239.

⁷ Евсеев И. Е. Кн. пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI века. — ЧОИДР, 1902, кн. III, с. 130—131.

⁸ Перетц В. Н. 1) Книга Руфь в белорусском переводе XV века. 1908 (отд. оттиск); 2) Новые труды о «жидовствующих» XV в. и их литературе. Киев, 1908 (оттиск из Университетских известий); 3) До історії перекладу Біблії в Західній Русі. — В кн.: Філологічний збірник пам'яті К. Михальчука. Київ, 1915. См. также резюме итогового доклада о Вил. 262, сделанного В. Н. Перетцем на заседании Библейской комиссии 21 апреля 1915 г. (Богословские труды, т. XIV. М., 1975, с. 206—207).

⁹ К. Б. Старковой мы обязаны как знакомством с древнееврейским оригиналом «Песни песней», так и многими полезными советами в ходе работы.

с *Σανίρ*, *Ἐρμών* LXX.¹⁰ Ср. также: *Хежбон* VII. 4 Муз., Вил., *חֶשְׁבֹן* МТ, *Есевон* ОБ, *Ἐσέρβων* LXX; *Енкгеди* I. 13 Вил., *עֵין גֶּדִי* МТ, в *винограде гаддове* ОБ, *Ἐνγαδδί* LXX;¹¹ на *лице Дамасекъ* VII. 4 Муз., *דַּמָּשֶׁק* МТ; в *Балгамоне* VIII. 11 Муз., *בַּעַל הַמֶּן* МТ, в *Вееламоне* ОБ, *Βεελαμών* LXX.

К этому добавим, что в заглавии Муз. дана транскрипция еврейского названия текста с последующим переводом: «Ширь гашим аширли шломо. Рекше песни песнем, иже к Соломону». И транскрипция, и перевод вполне верны, если не считать того, что в передаче формы «гаширим» выпал, видимо в результате небрежности, слог, который мог быть написан на выноске. Стоит обратить внимание, что в переводе, как во всех других случаях в обоих списках, имя Соломона передается в согласии со славяно-греческой традицией.

2. Синтаксическое воздействие еврейского подлинника отчетливо и нередко наблюдается в Муз., тогда как в Вил. такие случаи единичны.

Весьма многочисленны в Муз. случаи передачи славянским предлогом к еврейского *כ*. Ср.: *любовникъ мои к мне* I. 12, 13, *встани к мне* II. 10, 13, *отиде к себе* II. 11, *любовникъ мои к мне и азъ к нему* II. 17, *азъ к любовнику моему и к мне хотение его* VII. 10, *тысяща к тебе, Соломоне* VIII. 12 и др.

Тремя случаями в Муз. представлен буквальный перевод еврейского оборота со значением принадлежности, состоящего из *nota relationis* и предлога *כ*: *постеля его, иже к Соломону* III. 7, *виноград мои, еже к мне* VIII. 12 (третий случай в заглавии приведен выше).

Буквально переведен предлог *ב* в инструментальном значении: *осердила мя в едином очию твоею* IV. 9 Муз. В другом случае буквальный перевод этого предлога создал темное чтение и повел к порче текста под пером переписчика: *узрите... в церкви Соломоне* III. 11 Муз. В МТ здесь буквально «смотрите на царя Соломона», при этом глагол *רָא* «смотреть»

осуществляет свое управление дополнением через предлог *ב* — «в». Первоначально, видимо, было *в цари*, что переписчики исправили на более естественное *в церкви*.¹² Подобный же случай имеется в Вил.: *видети в овоцех потоков* VI. 10.

В Муз. есть случаи смещения предлогов *כ* и *ב*, имеющих сходное рукописное начертание. Так возникло чтение: *прѣси твои в ветвех винограда* VII. 8. Здесь должно быть сравнение, передаваемое союзом *כ* *яко*, в LXX *ὥς*.

Довольно часто встречается передача союзом *иже* еврейского изъяснительного слова *וְ* или союза *כִּי*: *не погредете мною, иже аз черна* I. 5 Муз. Аналогично в Вил.: *иже чем бых была яко выкинута* I. 6, ср. в Муз.: *и се чему буду, яко же...*; *иже а се зима прошла* II. 11 Вил.; *яко се...* Муз.

Отразилось в Муз. и характерное для еврейского языка служебное использование некоторых полнозначных слов, ср.: *на лице Дамасекъ* VII. 4, т. е. «на Дамаск», *мужъ* VIII. 11 в значении «каждый».

Таким образом, транскрипция собственных имен и некоторые синтаксические явления списков свидетельствуют, что оригиналом здесь послужил

¹⁰ В работе приняты следующие сокращения: ОБ — Острожская библия 1580—1581 гг.; ГБ — Геннадиевская библия 1499 г.; LXX — Септуагинта, греческий текст Ветхого завета; МТ — Масоретская традиция, древнееврейский текст Ветхого завета.

¹¹ Как видно, славянские переводчики осмыслили первую часть топонима в греческом как предлог *ἐν*.

¹² Между прочим, переводчик LXX допустил тот же буквализм: *ἐν τῷ βασιλεῖ, видите в цари* ОБ.

именно еврейский текст. Из обзора синтаксических гебраизмов видно, что они обильнее представлены в Муз., нежели в Вил.¹³ Это различие двух списков должно говорить о том, что они не слишком тесно связаны друг с другом. Сравни два параллельных отрывка (V.10—13):

Муз.

Любовьник мой чист и чер-
лень, остояжень тмами. Глава его от
чистаго злата, власы его кудрявы,
черньны яко врань. Очи его яко го-
лубине на силных водах, умы-
вается на млеце, сидит на наплъ-
нении. Ланите его якоже ряды
хитра измирника...

Вил.

Милостник мой бел и румян,
ухоругвен над тмами. Голова его
арабского золота, а космы его куд-
рявы, чернь яко ворон. Очи его якоже
голубячий на силнах водах, умы-
ваются молоком, седяче на полности.
Челюсти его якоже гряды зелен-
ныи...

Возникает впечатление, что это два независимых перевода одного оригинала. Следующий далее разбор некоторых чтений вместе с новыми доказательствами того, что оригиналом для обоих списков послужил текст МТ, подтвердит также предварительный вывод о двух независимых переводах, представленных в Муз. и Вил.

3. Поскольку между традиционным текстом МТ и традиционным текстом LXX существует известное различие, постольку оно нашло отражение в некоторых чтениях Муз. и Вил. Следует обратить внимание на особенности проявления в переводе лексико-семантической структуры еврейского слова, а также на ошибки перевода.

I. 9 ланите твои в горлицах Муз., челюсти твои в рясах Вил. Слово **תָּוֹר** МТ имеет два значения: 1) горлица, 2) нанизь, нить жемчуга. Как видно, переводчик Муз. выбрал первое (очевидно, что это ошибочный перевод), переводчик Вил. выбрал второе значение (ср. в «Материалах» Срезневского: *ряса* — «бахрома»). В LXX та же ошибка, что и в Муз.: *σταύρους σου ὡς τριγύρος*, ланиты твои яко горлицы ОБ.

I. 10 горнице златыя створим тебе Муз. Как видно, ошибка переводчика повела к дальнейшему искажению неудовлетворительного текста: из *горлицы* переписчик сделал *горницу*. Ср.: *рясы золоты* Вил. Перевод LXX здесь удовлетворителен: *ὀροῖσφата χρυσίου*, подобие злата ОБ.

I. 11 царь в окружении его Муз., царь в поседении своем Вил. Слово **מִסָּב** МТ обозначает круг и как следствие круглое сидение. Переводчики выбрали разные семантические возможности. Ср.: *царь на восклонении его* ОБ, *ἀνάκλις* LXX.

II. 5 скружил мя в цолтах Муз., подоприте мя кубкы Вил., **סִבְכִּי בַּאֲשִׁישֹׁתַי** МТ — «подкрепите меня сушеным виноградом (изюмом, пастилой

и т. п.)). Если чтение Вил. можно понять как результат толкования, основанного на метонимическом переносе (сушеный виноград → вино → кубок?), то в Муз. трудности представляют западнорусские (или западнославянские) лексические элементы. В польских текстах XIV—XVI вв. отмечено *sołt*, *sołta*, *sołtek* — «хлеб или булка продолговатой формы»,¹⁴ что можно признать более или менее удачной передачей экзотической пастилы. Что же касается глагола, то он, возможно, представляет собой искажение *скрушити*. Ср. польск. *skruszyć się* — «раскаться, уми-

¹³ Из последнего можно привести еще несколько случаев употребления *Dativus ethicus*, идущих от оригинала: *не ведаешь себе, выиди себе, встань себе, поиди себе, пошол себе*.

¹⁴ *Słownik staropolski*, t. 1. Warszawa, 1953, s. v.

литься, облегчить себя». ¹⁵ Греко-славянский текст здесь сильно отличается: *утвердите мя в мирех* ОБ.

II. 12 година славим достигла Муз., час жатвы приспел Вил. Чтение МТ עַתְּ הַזֶּה מִיָּר (понижается одними толкователями как «время пения

птиц», другими — как «время собирания винограда». ¹⁶ Можно полагать, что неясная форма *славим* в Муз. представляет собой искажение *славши*, т. е. «соловьев». ¹⁷ Ср.: *время отрезания приспе* ОБ.

II. 15 изымаша нам лисице и лисице малы Муз., имайте нам лисицы, лисенята Вил., имете нам лиси малыа ОБ. Соответствие слову *лисице* есть лишь в МТ, во всех греческих и славянских списках это слово отсутствует.

III. 9 въсходы сътворил к нему царь Соломонь Муз., палаць учинил собе царь Соломон Вил. Выражение אֶפְרַיִן МТ, как видно, затруднило обоим переводчикам, оно обозначает носильный одр, балдахин. Ср.: *носилник* ОБ, φορεῖον LXX. Отметим также синтаксическую кальку к нему Муз., ожидалось бы «себе».

III. 10 колесница его багрова Муз., поклет багрянны Вил., въсхожде-ние же его багряно ОБ. Чтение Муз. показывает, что вместо מָרָבָּב МТ — «сидение, седло» переводчик читал מָרָבָּבָה — «колесница». Отношение Вил. к МТ и LXX не представляется ясным, ср.: ἐπιβατικὸς LXX.

V. 11 глава его от чистаго злата Муз., голова его арабского золота Вил. Выражение כֶּתֶם פָּז МТ довольно трудно для перевода: его первая часть означает «сверкающее, блестящее золото», а вторая — «самородное, чистое золото». Перевод Муз. можно признать удовлетворительным, версия Вил. основана, видимо, на каком-то толковании. ¹⁸ В LXX это место переведено частично: κεφαλὴ αὐτοῦ χρυσοῦν κεφαλῆ, *глава его злата кефаць* ОБ.

¹⁵ Słownik języka polskiego przez S. B. Linde, t. V. Lwów, 1856 (далее — Линде), s. v.

¹⁶ Штейнберг О. Н. Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого завета. Вильна, 1878, с. 124.

¹⁷ Другое возможное предположение, что здесь род. падеж существительного **славима* — «песня», нельзя принять, поскольку все образования с суф. -им(а) обозначают одушевленных лиц. См.: Соболевский А. И. Лингвистические и археологические наблюдения, вып. 2. Варшава, 1912, с. 21—22.

¹⁸ Н. А. Мещерский обратил наше внимание на псалом 71, имеющий надписание «О Содомене», стих 15 которого читается по-славянски: «И живъ боудеть и дасться емоу от злата авраинска» (цит. по: Архим. Амфилохий. Древнеславянская псалтырь Симеоновская до 1280 г. М., 1880), что является точным переводом LXX. В соответствующем месте МТ стоит שָׁבַב, слово это обозначает области

Южной Аравии. Вероятно, в тексте Вил. могло сказаться влияние традиционного чтения славянской Псалтыри, поскольку выражение этого стиха относится непосредственно к Соломону, притом что исконное чтение «Песни песней» могло представляться и непонятным, и неудовлетворительным.

Соблазнительно было бы поставить в связь с этим чтением Вил. цитату из «Песни песней» в «Молении» Даниила Заточника: «Руцѣ твои исполнены яко от злата авраинска», тогда как в традиционной греко-славянской версии здесь остался непереведенный гебраизм: «Руцѣ твои круглы златѣ наплъненѣ фарсиса» (V. 15, текст ГБ), где תַּרְשִׁישִׁי — «драгоценный камень» (хризолит, топаз).

Вероятнее, однако, что и тут чтение Пс. 71.15 оказало непосредственное воздействие на Даниила Заточника, тем более что в пассаже, содержащем 10 цитат из «Песни песней» (имеется в виду текст по рукописи XVII в. из собрания Д. Н. Толстого), встречается еще одна аллюзия к Псалтыри: «слава твоя превозносит главу мою» (ср. Пс. 3. 4). К тому же в разночтениях по спискам имеется «от злата фарсиска» (см.: Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их череделкам. Подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932, с. 55).

VI. 11 *положиша мя в колесници люди князя Муз., положила мя в колымазах князя людей моих Вил.* В силу случайного обстоятельства выражение עַמִּי נָדִיב MT — «вельможи моего народа» не было переведено в LXX и осталось в форме Ἀμιναδάβ, на колесницы Аминодаваи ОБ.

VII. 2 *пупок твои лоханя чистаа Муз., пупок твои круг месячи Вил.* Оба чтения основаны на различном понимании оригинала: שִׁרְדָּךְ אֵינָן הֶסְרָךְ — «живот твой круглая чаша», либо «живот твой чаша полу-месяца». Традиционным является первое понимание, ср.: *пуп твои яко чаша источена* ОБ.¹⁹

II. 5 *вежа слона Муз., вежа зубовая Вил.* Слово שֵׁן значит и «зуб», и «слоновая кость». Ср.: *столп слонов* ОБ.

VII. 5 *Слава [ошибочно вм. глава] твоя на тебе яко гаи Муз., Голова твоя на тебе яко ядро Вил.* Слово כֶּרְמֶל MT имеет значение «сад», реализованное в Муз., но также и «огородное зерно», использованное в Вил. Переводчики LXX поняли это слово как топоним, название горы Кармил, и это понимание наиболее верное. Ср.: *глава твоя на тебе яко Кармил* ГВ.

VII. 5 *царь связанъ в коритех Муз., царь инятми у приристанъех Вил.* Слово רֶהַט MT имеет два значения: «корыто», «струйчатые кудри, локоны». Второе (очень редкое) значение, встречающееся, как кажется, только здесь, не было известно ни тому, ни другому переводчику. Вил. делает здесь заимствование из традиционной славянской версии: *в приристаниих* ОБ.²⁰

Разбор этих четырнадцати мест по двум спискам показывает 1) зависимость обоих переводов от MT, а не LXX; 2) независимость их друг от друга, а также намекает на некоторые возможности использования переводчиками традиционного славянского текста (ср. I. 9 для Муз. и VII. 5 для Вил.).

Сравнивая переводческую технику в обоих списках, следует еще раз отметить почти полное отсутствие буквализмов в Вил. и заметное их количество в Муз. Отдельные ошибки или неудачные переводы встречаются и в том, и в другом списках. Ср.: VII. 5 אֶרְנָמִן — «багряница» переведено правильно *багор* Вил. и неудачно *всекия цветы* Муз.; VI. 10 *видети мокроту потока* Муз., *видети в овощах потоков* Вил., в MT — «видеть свежесть потока». Ошибка Вил. основана на смешении омонимов אֵץ — 1) «свежесть», 2) «плод».

Некоторые отступления от принятого текста могут быть, вероятно, объяснены особенностями оригинала, который — по крайней мере для переводчика Муз. — мог быть рукописный (ср. то, что говорилось выше о смешении אֵץ и אֵץ).²¹ Ср. I. 8 *конем и колесницам* Муз., *комоници мои е ездокох* Вил., в MT буквально стоит «кобылице моей в колесницах (уподобил тебя)». Чтение Муз. возможно при небольшом преобразовании текста MT. Ср. также I. 16 *тены домовъ* Муз., *стены домов* Вил., в MT

¹⁹ Оба эти понимания возможны, см.: Barr J. Comparative philology and the text of the Old Testament. Oxford, 1968, p. 107.

²⁰ В LXX, видимо, имеются в виду галереи, где происходили ристания, состязания в беге. См.: Юнгеров П. Книги Екклесиаст и Песнь песней в русском переводе с греческого текста LXX. Казань, 1916, с. 64.

²¹ Первое печатное издание, в состав которого входит «Песнь несней», вышло в Неаполе в 1486—1487 гг.; издание полного текста MT — Сонцино, 1488 г.; второе издание — Неаполь, 1491—1493 гг.; третье издание — Брешиа, 1494 г.

буквально «балки домов». Чтение *стены* объясняется легко из-за близости соответствующих написаний: «балка» — קִרְרָה или קִרְרָה, «стена» — קִרְרָה или קִרְרָה. Воздействие древнееврейского оригинала заметно в Вил. и на членении текста: двоеточие (:) разделяет здесь стихи, причем разбивка текста точно соответствует принятой печатными изданиями МТ.

Общей особенностью обоих переводов оказывается стремление содержательно осмыслить и переводить собственные имена, оба переводчика делают это независимо друг от друга.

I. 4 *шатры полския* Муз., *шатры Кедарские* Вил., *села Кедарска* ОБ. В еврейском языке קִרְרָה, произведенное от глагола קִרְרָה — «темнеть, становиться темным», служило обозначением бедуинов, а в средневековье — вообще арабов. Ср. толкование в сочинении Евсевия об ономастике Священного писания: Κηδάρ... ἔστι δὲ χώρα Σαρακητῶν, аналогично у блаж. Иеронима: Cedar... est autem regio in heremo Saracenoꝝ.²² Таким образом, *польский* может отражать «пустыню сарацин» из толкования Иеронима. Еще более удовлетворительное объяснение такого перевода дает христианское толкование на «Песнь песней» Филона Карпафийского: «Кидарь тълкоуетъ земень» (ГБЛ, ф. 205, № 171, л. 29, XIII в.).

VI. 12 *навратися полнаа* Муз., *навратися умирена* Вил., *обратися Суламитыно* ОБ. Имя Суламифи допускало толкование и Муз., и Вил., ср. глагол שָׁלַם — «оставаться спокойным, мирить», «быть полным».

В хорватских католических текстах чтение этого места аналогично: *врати се свершена кротка*,²³ vrati se krotka.²⁴ Последний случай И. Хамм объясняет ошибкой славянина в латыни: переводчик спутал Solamitis и solamen — «успокоение, совершение».²⁵ Вероятно, подобная интерпретация МТ уже содержалась в латинских текстах. Во всяком случае в переводе Акилы находим именно такую интерпретацию МТ: ἐπιστρέφε, εἰρηγεύσα.

VII. 4 *на вратех многих* Муз., *на воротех дочкы велебных* Вил., *в вратах дщери многих* ОБ. В МТ буквально следующее: «На воротах Бат-раббим». Топоним можно действительно понимать как «дочь многих», что отразилось и в LXX, и в ОБ.

VIII. 11 (виноград) *в Балгамоне* Муз., *в на роде* Вил., *в Вееламоне* ОБ. Топоним בעל הַמֶּן, что можно было бы перевести «господин сонма

(или шума)», прочтен переводчиком Вил. как ב על ה מון (слово מון или מין значит «род, вид»). Понятно, что это произвольная интерпретация.

I. 13 *в винограде моем урочища несть* Муз., *в виницох Енкгеди* Вил., *в винограде Гаддове* ОБ. Перевод топонима עֵין גִּדְדִי (букв. «источник козленка»), данный в Муз., невозможно осмыслить, если исходить из традиционного текста МТ и Муз.

Наконец, во всех случаях в Муз. имя собственное לָבָנוֹן «Ливан» переведено существительным *лѣсъ* или прилагательным *лѣсными* (III. 9, IV. 8, 11, 15, V. 15, VII. 4). Эту особенность текста можно сравнить с известной по болгарским переводам X в. передачей топонима Λιβανος нари-

²² P. de Lagarde. Onomastica sacra. Göttingen, 1887, S. 273, 111.

²³ Berčić I. Ulomci svetoga pisma obojega uvjeta staroslovanskim jezikom, II. Praha, 1864.

²⁴ Ham m J. Starohrvatski prijevod «Pjesme nad pjesmama». — Slovo, 1957, n. 6/8, s. 225.

²⁵ Ibid., p. 201.

цательным именем *джбрава* (см. в «Материалах» Срезневского). Действительно, греч. *λίβανος* обладает недвусмысленной полисемией: 1) гора на Ближнем Востоке, 2) ливанский кедр. В данном случае слово *лбсѣ* в Муз. выступает синонимом слову *джбрава* древнеболгарских переводов. Однако

едва ли тут можно думать о греческом посредстве при переводе לִבְנוֹן? словом *лбсѣ*. Дело в том, что как раз в отмеченных местах текста аналогичным образом древнеевр. לִבְנוֹן? в среднеперсидских иудейских переводах V—VII вв. передается персидским *byšst'n* — «лес»,²⁶ тогда как все другие топонимы текста в этих переводах сохраняются.

Между тем ряд палестинских топонимов передан в обоих славянских переводах верно, без попытки их этимологического истолкования (ср. *от горы Гелад, в Хежбоне* и т. п.) даже в тех случаях, когда это было нетрудно сделать (ср. приведенный выше топоним *Енкгеди*, который легко понимается на почве древнеевр. языка как «глаз козленка»). Следовательно, можно допустить, что истолкование собственных имен зиждется в конце концов на недостаточной осведомленности переводчиков в ближневосточной географии и топонимике.

Независимость переводов Муз. и Вил., достаточно ясно видная из предшествующего изложения, не означает, однако, независимости этих текстов. Некоторые совпадения чтений показывают, что связь между ними существует, хотя природа этой связи не поддается легкой расшифровке.

Прежде всего поразительное совпадение дает стих I. 16: *тены домов наших кедровы, латы наше нискусови* Муз., *стены домов наших кедровы, латы наши нискусовы* Вил. Относительно перевода «стены» вместо «балки» (как дано в переводе Фр. Скорины) было сказано выше; слово *латы* со значением «доски, перекладки» — западнорусизм, ср. белор. *лата* — «длинная решетина»,²⁷ чешск. *lat* — «доска»;²⁸ последнее слово стиха является искажением греч. *πίθος* — «самшит». Ср. в Лексиконе Памвы Берынды: «Пикс: Бук». Случайное совпадение переводов в данном случае исключено, поскольку оно не вызвано оригиналом: в МТ כִּיפָּרִיס — «кипарис» в LXX *κίπάρισσος*, *столя кипарисная* ОБ.²⁹

V.12 *на сильных водах* Муз., *на силах водах* Вил. Глагол אָפַק, от которого образовано определение, значит «стремиться, истекать», а также «одолевать, удерживать; сделать усилие», т. е. перевод исходит здесь из второго значения глагола, тогда как естественным кажется перевести это место «на текущих водах». Совпадение обоих списков в довольно неудовлетворительном чтении не должно быть случайностью, ср. в *наполнении вод* ОБ.

Ср. также следующий ряд совпадающих чтений: I.4 *запоны соломоновы* Муз., Вил., *кожа Соломон* ОБ; II.4 *и хоругвь его на мя любима* Муз., *а хоругвь его на мене любя* Вил., *въчините на мя любовь* ОБ; IV.5 *паствятся в рожаях* Муз., Вил., *пасомии в цветех* ОБ; IV.6 *побегнут стены* Муз., *побегнутъ тни* Вил., *подвигнутся сени* ОБ; IV.13 *овощи сладкими* Муз., *овощи солодкими* Вил., *плодом* ОБ; IV.15 *потокъ оградныхъ, кладязь вод живыхъ* Муз., *потокъ огородныхъ, колодезь вод живыхъ* Вил., *источникъ ограды и кладязь воды живы* ОБ; V.2 *азъ сплю и сердце мое чуе* Муз., *я сонна, а сердце мое чуе* Вил., *азъ сплю и сердце мое бдит* ОБ; V.2 *глава моя наплънися росы и власы моя краплями ношными* Муз., *голова моя на-*

²⁶ Asmussen J. P. and Paper H. H. The Song of Songs in Judeo-Persian. Introduction. Texts. Glossary. København, 1977, p. 112.

²⁷ Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

²⁸ Gebauer J. Slovník staročeský. Praha, 1970 (далее — Гебауэр), s. v.

²⁹ Перевод можно признать удачным, ибо так называемый букс представляет собой большое дерево, действительно родственное кипарису.

полнилася росы, а кудри мои краплями ночными Вил.; V.15 голени его на пенках чистого золота Муз., голени его на пенках чистого золота Вил.,³⁰ VII.1 прививание коленъ твоихъ якоже ретези дела рукъ мастера Муз., завивание коленъ твоихъ якоже ретязи дело рукъ мастера Вил.; VII.4 очи твои ставы в Хезбоне Муз., Вил.; VIII.3 девица его под главою мою Муз. (левица Вил.);³¹ VIII.6 положи мя яко печать на сердци твоём и яко печать на мышци твоём Муз., Вил.

К перечисленным местам нужно добавить слова *афиолы* — «мандрагоры» и *марграм* (в Вил. иногда *маркграм*) — «гранатовое яблоко», употребляемые обоими текстами в одних и тех же стихах. О первом из них см. далее, второе употреблено в стихах IV.3, 13; VI.10; VII.12; VIII.2 (в Вил. также VI.6) и соответствует слову *רמון* MT, в LXX соответствие

רבה. В несколько иной форме оно встречается в хорватских текстах — *молгран*; известно оно чешскому и польскому языкам: *marhan* и *malogranat* соответственно.³²

Для определения направления этого воздействия кое-что дает, как кажется, следующее место: V.9 *что тако заклинавши нас Муз., што так заклинавши нас Вил.* Этот одинаково составленный в обоих списках вопрос относится к предыдущему стиху, но подходит к Муз. и не подходит к Вил.: V.8 *заклинаю вас Муз., записягаю вас Вил.* Между тем в MT стоит один и тот же глагол в обоих стихах. Этот случай позволяет предполагать, что совпадение списков в V.9 произошло благодаря воздействию, шедшему от Муз. к Вил., а скорее от протографа Муз. к протографу Вил., и аналогично объяснять все другие совпадения.³³

Возможно, такое же свидетельство дает один случай употребления слова *любовник* в Вил. II. 8 при 22 случаях употребления слова *милостник* для передачи евр. *חַיִּיב*, тогда как Муз. известно только слово *любовник*.

Наконец, возникает вопрос о времени появления того и другого перевода. В то время как датировка В. Н. Перетца текста в Вил. началом XVI в. не вызывает серьезных сомнений, датировка текста в Муз. затруднена в связи с присутствием нескольких разнородных пластов в его языке.

Сборник Муз. по своему происхождению великорусский, между тем текст «Песни песней» в нем содержит совершенно очевидный западно-русский элемент в своей лексике. Кроме уже названных слов (см. выше *скружити*, *цолты*, *гаи*, *лата*, *на пенках*, *марграм*), назовем следующие: *голенки* VI.12 — «почки деревьев», ср. польск. *golanka* (Линде); *кафры* IV.13 — чешск. *kafr* — «камфора» (Гебауэр); *красница* II.13 — чешск. *krásniče* — «красавица» (Гебауэр); *любость* I.1 встречается в западно-русских текстах XVI в.,³⁴ ср. чешск. *lúbost* (Гебауэр); *мушкат* I.11 — *мошкат* употребляет Афанасий Никитин (см. в «Материалах» Срезневского), чешск. *muškat* (Гебауэр); *навертиса* VI.12 употреблено в Библии Скорины, в литовских летописях XV—XVI вв.;³⁵ *постав* VII.7 — «стан,

³⁰ Ср. в Библии Скорины «на пенках златых» (издание «Песни песней», Прага, 1518). Ср. польск. *piępiek* — «пенек», употребляемое и в значении «опора».

³¹ Писец Муз., видимо, не знал слова *левица*. Ср. II. 6 *девица его под главою мою Муз., левица его под голову мою Вил.*

³² Естественное, что источником слова в тексте являются западнославянские языки. Происходит оно от лат. *malum granatum* (puniceum). Ср. также формы, встречающиеся в старобелорусских текстах: *помокгранатъ* (Булыка А. М. Ботаничная лексика грека-латинского происхождения у старобелорусской мовы. — Белорусская лингвистика, 1976, № 9, с. 33) и *малиогранатъ* (Булыка А. М. Даўнія запазычаныя беларускай мовы. Мінск, 1972, с. 196).

³³ К сожалению, нельзя отвергнуть возможности влияния традиционных славянских текстов на Вил. в этом месте. Ср.: *закляхъ вы* ОБ.

³⁴ Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1967, с. 339.

³⁵ Владимирцов П. В. Доктор Фр. Скорина, с. 237; Карский Е. Ф. Труды..., с. 247.

торс», чешск. *postawa*;³⁶ *рожа* II.1 — ранний полонизм в русском языке; *став* VII.4 — укр. *став* — «пруд», ср. «став — сонм водный».³⁷

Более широкое распространение, но все же с тяготением в основном к западнорусскому ареалу имеют некоторые другие слова Муз.: *жедати*, *завой* — «покрывало», *изволяти*, *крапля* — «капля», *мастер*. Наконец, в Муз. имеются три случая *hарах* *legomena*: *афиолы*, *поментник*, *ви́рох*.

Словом *афиолы* VII. 13 передается форма *אִפְיֹלִים* MT, обычно понимаемая как обозначение мандрагор или беладонны (в LXX *οἱ μανδραγόρας*). Правда, в тексте «Аристотелевых врат», представляющем собой перевод с еврейского оригинала, выполненный в конце XV—начале XVI в. в Западной России, встречается обозначение какого-то сходного растения — *афион*.³⁸ Исследовавший этот памятник М. Н. Сперанский пришел к выводу, что славянский текст не слишком точно воспроизводит свой оригинал, это обстоятельство затрудняет поиски еврейского соответствия. Однако едва ли будет слишком рискованно заключить, что *афион* представляет собою грецизм и передает греческое название плода груши *τὸ ἄπιον*. Вполне вероятно, что это слово могло быть применено к передаче экзотического мандрагора, а финаль *-л* (*-ль*) легко могла явиться под влиянием таких форм, как слов., сербск. *fiola*, польск. *fiolek*, чеш. *fiala*, нем. *die Viole*, передающих лат. *viola* — «фиалка» и известных западнорусской языковой среде.³⁹

Слово *ви́рох* встречается в двух стихах (IV. 4, 14) Муз. как перевод евр. *לָבָנָה* — «ладан, фимиам» (в Вил. соответственно *ладанъ*, в LXX *Λιβανός*). Можно предположить, что слово является западославянским образованием с приставкой *вы-* от germ. корня *Rauch*, древневерхненем. *gouch*, глагол *rieschen* — «пахнуть, нюхать».

Слово *поментник* (III. 6) переводит евр. *רֶבֶל* — «торговец», в LXX *μυρεφός* — «торговец или изготовитель благовоний», представляя собою, может быть, образование от слав. *мача* — «мята», ср. чеш. *ramětníček* — «чернобыл».⁴⁰

Однако при столь очевидном и значительном числе лексических западнорусизмов все же нельзя признать, что перевод этот был сделан в Юго-Западной Руси. Признать этого нельзя, во-первых, потому, что западнорусский элемент в фонетике и морфологии списка представлен чрезвычайно слабо, а именно: написаниями *хотение*, *болезна* через *e* вместо *ѣ*, два невыразительных случая смешения *e* и *я* — *упишися*, *зачела*, форму *млодый* едва ли можно без оговорок рассматривать как полонизм на фоне таких написаний, как *мая*, *паля* вм. *моя*, *поля* (род. п., ед. ч.). Единственный морфологический западнорусизм проявился в образовании условного наклонения *сѣтворили быхмо* примножестве случаев правильной церковнославянской формы. Если бы текст был создан в Юго-Западной Руси, западнорусские черты фонетики и морфологии проявились бы гораздо полнее в довольно небрежном русском списке, каков Муз.

Напротив, в Муз. замечательно выдержаны орфография II южнославянского влияния, а также церковнославянская морфология в своем

³⁶ Ср.: *Postawa twa podobna gest k palmye* (Лесковецкая библия). См.: Куас VI. *První český překlad bible*. Praha, 1971, s. 65.

³⁷ См.: Синонима славенорусская (по изданию: Киев, 1964).

³⁸ Сперанский М. Н. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата, или Тайная тайных. 1908 (= ОЛДП, № 171) с. 208.

³⁹ См.: Булыка А. М. Даўнія заапычаны, с. 337. — Однако палеографические особенности л. 85 об. в Вил. никак не позволяют читать здесь слово *фиолы*, отделяя *a-*, вероятно, в качестве союза, как это делает А. М. Булыка.

⁴⁰ Нужно заметить, что распределение западнорусских элементов не следует ни одной из четырех редакций Чешской библии, как они с полной очевидностью представлены в исследовании Вл. Куаса (см. прим. 36).

русском варианте. В склонении можно отметить двойственное число (*руцѣ, ланитѣ, очи голубинѣ*, ср., однако, *ногы*), древние формы род. и вин. падежей (*глас горлица, из пустыня* и т. п., *дом матери, изымаша лисицѣ*), из прилагательных заслуживает внимания форма *градстии*, а также атрибутивное использование кратких форм: *стѣлны сребрны, постеля злата, колесница багрова, очи голубинѣ*. Среди глагольных времен преобладает аорист, имеются два-три имперфекта (*отвещаваше, держашу*). В списке отражено также грамматическое подновление текста под пером переписчиков. Так, в двух случаях аорист 3-го л. был осмыслен как повелительное наклонение: II.9 *уподобися любовниче мои из уподоби ся любовник мои* (в МТ «подобен возлюбленный мой»); I.3 *приведи мя царю из приведе мя царь (привел мя царь Вил.)*. Аорист вытесняется также perfetto без связи, и следы такого вытеснения можно обнаружить в тексте. Ср.: IV.9 *осердичи мя, сестро моя, невесто, осердила мя*. Значение глагола לָבַד — «пленить сердце» было передано переводчиком с помощью неоло-

гизма *осердѣчити*, переписчики сохранили первый аорист, но второй заменили формой perfetto от знакомого глагола. И все же, несмотря на многие поновления, дошедший текст показывает у его автора хорошее знание церковнославянской грамматики. Между тем известно, что знание церковнославянского языка в Юго-Западной Руси XIV—XVI вв. было «крайне слабо». ⁴¹

Вторая причина, по которой текст не мог быть создан в Юго-Западной Руси, — некоторые, хотя и немногие, лексико-семантические особенности его. Так, необычное употребление находим в стихе IV.5: *две прѣси твоя яко же два молодых ловича близнци серны, иже паствятся в рожак*. Кажется странным употребление слова *ловичь* в этом стихе. Объяснение может состоять в том, что оно заменило собой древнеславянское, болгарское по преимуществу, *пѣтищѣ* — «детеныш», ⁴² когда последнее устарело, приобрело некоторую экзотичность и стало восприниматься как обозначение прежде всего львенка (ср. *птищѣ львов* из Палеи XIV в.). Такая замена могла быть сделана в одном из списков, расположенных между протографом и Муз.

Интересную особенность представляет также чтение стиха VIII. 6: *сила якоже съмръть любовь и жестока в рову ревности*. Во-первых, обращает на себя внимание ошибка в переводе, состоящая в смешении букв Ѣ и Ъ, так что вместо сравнения «как ров» читается «в рову». Во-вторых, употребление слова *ров* для обозначения ада, ⁴³ несомненно, связано со словоупотреблением Псалтыри, где такое обозначение встречается около 10 раз, в частности в 87-м псалме, звучащем ежедневно на утрени в составе шестопсалмия: «Положиша мя в рове преисподнем» (по изданию архим. Амфилохия). Правда, לַחֲסֹדֹם обычно передается ἄδης в LXX и *ад* в славянском тексте Псалтыри, тогда как слову *ров* соответствует *λάχος* в LXX и *בֹּרַחַ* в МТ, однако синонимичность этих двух способов обозначения преисподней очевидна. Ср. в толковании к Толстовской псалтыри XIII в.: «ад — ров». ⁴⁴

Заманчиво было бы связать со словоупотреблением славянской Псалтыри некоторые другие случаи в Муз. Ср.: I.10 *с блещанием сребра*, Пс. 67.14 *в блещании злата*, при этом в других текстах читается *с пестротами сребра* ГБ, ОБ, *шмалцом серебру* Вил. Упомянутое выше чтение

⁴¹ Это на обширном материале показывает А. И. Соболевский в своей рецензии на книгу П. В. Владимирова «Доктор Фр. Скорина» (ЖМНП, 1888, № 10, с. 325—326).

⁴² Ср.: «яко два птища близнѣца срънѣ» (ГПБ, Ф. I. 461, л. 367).

⁴³ Ср.: *жстока яко ад ревност* Вил., *жестока яко ад лавист* ОБ.

⁴⁴ Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 28.

1.8 конем и колесницею фараоновым при расхождении с чтением МТ «кобылице моей в колеснице» сближается с Псалтырью: *сии на колесницах, и сии на конех* 19.8.

К древним лексико-семантическим особенностям относятся и следующие случаи: *ветвь* — «плод, гроздь винограда», *гривна* — «украшение», *сад* — «растение, φυτόν», *негование*.⁴⁵

Наконец, в тексте Муз. употреблены грецизмы. Один из них уже назван — прилагательное *пиксусов*, другой известен лишь Муз.: *тавли кедровы* VIII. 9, ср. *дошка цедрова* Вил., *дъска кедрова* ОБ. Слово *тавла* представляет собой заимствование из греч. τὰβλα или τὰβλα, которое явилось в ранневизантийскую эпоху из лат. tabulis, tabula.⁴⁶ Употребление слова *тавла* не вызвано греческим влиянием, поскольку в соответствующем месте LXX употреблено σίνις.

Приведенные факты говорят о древности перевода. Однако нет достаточных оснований предполагать его южнославянское происхождение, несмотря на некоторые южнославянские черты в орфографии (*благосази-ние* — «благославление», *всѣкия*, *присмотрѣя*) и следы слова *пѣтищь*. Поскольку ничего не известно о переводах с древнееврейских оригиналов у южных славян даже, например, в эпоху болгарских иудействующих XIV в.,⁴⁷ поскольку без особых натяжек можно допустить возникновение этих явлений на восточнославянской почве (лексико-семантических — в результате древнего южнославянского влияния, орфографических — в результате II южнославянского влияния), постольку можно говорить о древнем восточнославянском происхождении перевода.

К другим восточнославянским чертам с большой долей вероятности может быть отнесено субстантивированное прилагательное *лютый* в значении «лев»: IV.8 *от жилищ лютых* Муз., *от оград львовых* ОБ.⁴⁸ Кроме того, можно назвать ряд более или менее обычных и достоверных восточнославянских слов: *меньшица* — «наложница», *вежа* — «башня», *ретежи* — «цепи», *мастер*, *лохань*, *корыто*, *шатер*, *лавка*, все эти слова А. И. Соболевский называл среди особенностей русских переводов домонгольского периода.⁴⁹ Многие из них встречаются в текстах Скорины, однако в данном случае рядом с чертами лексико-семантической древности и грамматической корректности, несвойственной Юго-Западной Руси, их присутствие лишний раз говорит в пользу древнего и восточнославянского происхождения перевода «Песни песней» в Муз.

Следовательно, рассмотрение языка Муз. приводит нас к таким выводам: этот перевод «Песни песней» мог быть сделан тогда же и там же, где

⁴⁵ К признакам древности относят эти случаи А. В. Горский и К. И. Невоструев (Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел второй. М., 1857, с. 199, 224, 238, 254).

⁴⁶ См.: Thesaurus graecae linguae, т. VII; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973. — Это слово известно лишь восточнославянским текстам. В ГБ оно выступает как соответствие греч. πλάξ (см.: Описание. . . т. I. М., 1855, с. 18). Ср. в житии Илариона Великого «примаяй блѹтую тавлю» (Великие минеи четьи, 21 окт.), в Вил. «напиши ихъ на тавлѣ срѣца своего» (л. 94. Притчи Соломоновы).

⁴⁷ См.: Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I. СПб., 1899, с. 266—274.

⁴⁸ Относительно *лютого зверя* впервые В. Ф. Миллер высказал предположение, что это типично восточнославянское выражение. Позже его поддержали Н. В. Шарлемань, И. Э. Клейнберг, особенно Х. Ф. Грэхем. Критический разбор обширной литературы вопроса дан в диссертации О. П. Лихачевой «Стефанит и Ихнилат (археологическое, текстологическое, лексикологическое изучение)». ЛГУ, 1973, с. 152—57, 166 (машинописе).

⁴⁹ Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — СОРЯС, т. LXXXVIII, 1910, с. 162—174. — М. Г. Долобоко указывал, что из перечисленных слово *корыто* — общеславянское (Труды А. И. Соболевского в области старославянского языка и письменности. — В кн.: Академик А. И. Соболевский. Некроlogy и очерки научной деятельности. JL, 1930, с. 53). Это, однако, не значит, чтобы оно или какое другое слово не могло обладать преимущественной сферой распространения.

была переведена кн. Есфирь, т. е. в Киевский период. В дальнейшем текст попал в Юго-Западную Русь, где была проведена его редакция, во время которой в него проникло большое число лексических западнорусизмов, но почти не была затронута грамматика.⁵⁰ Отредактированный текст и был знаком переводчику Вил. Муз. представляет собою не очень удачную великорусскую копию этой западнорусской редакции.

Таким образом, судьба «Песни песней» оказывается чрезвычайно сходной с судьбой кн. Есфирь: первоначальный перевод Киевской эпохи дошел до нас с некоторыми западнорусскими чертами,⁵¹ этот перевод в какой-то степени использовался при новом переводе,⁵² сделанном в Юго-Западной Руси и сохранившемся в составе Виленского сборника.⁵³

Наконец, в заключение нужно коснуться вопроса об идеологическом значении и назначении этого перевода в Муз. То, что он не связан с так называемой ересью жидовствующих, видно 1) из времени его возникновения, 2) из традиционной передачи в тексте имени Соломона и названия Иерусалима,⁵⁴ 3) из состава Муз. сборника, содержащего наряду с «Песней песней» текст Апокалипсиса с христианскими толкованиями. Последнее обстоятельство представляет собой косвенное свидетельство, оно говорит о восприятии текста православным писцом XVI в., но свидетельство это обладает серьезным значением. Важно отметить приписку, сопровождающую в Муз. сборнике текст «Песни песней»: «Конец книги Песни песней. И паки от тоя же книги иными словы изложено сиа стихи. Лобжи мя от лобзания уст твоих, яко блага съска твоя паче вина. Черна есмь и добра, дъшери Иерусалимския. Села Кидрьска» (запись обрывается). Таким образом, кончив «Песнь песней» в переводе с еврейского, писец сделал выписки из толкового вида традиционной славяно-греческой версии.

Переводчик и западнорусский редактор «Песни песней» по Муз. были славянами, которым еврейский текст не был понятен во всем его объеме, как не были известны топонимические тонкости Ближнего Востока. Напротив, на протяжении всего текста видно безупречное владение славянскими языковыми средствами.

Это положение справедливо и в применении к тексту Вил., хотя состав его и некоторые детали в переводе кн. Даниила позволяли И. Е. Евсееву относить весь сборник к деятельности жидовствующих. Нужно заметить, что доводы И. Е. Евсева не убедили ни А. И. Соболевского, ни В. Н. Перетца.⁵⁵ Последний в параллель к Вил., содержащему ряд библейских книг в переводе с древнееврейского, указывал на более позднюю практику протестантов, переводивших с древнееврейских оригиналов через голову Вульгаты и LXX.⁵⁶ Это соображение В. Н. Перетца хорошо объясняет

⁵⁰ Можно думать, что надписание текста «Ширь гашим аширли шломо» принадлежит западнорусскому редактору. Действительно, в самом тексте имя Соломона передается согласно славяно-греческой традиции. Здесь встречается также топоним *Снир*, в составе которого буква «шин» передана буквой *с*: как заметил Н. А. Мецкерский (К вопросу об изучении..., с. 209), в древних переводах «шин» передавалась буквой *с*, а начиная с XV в. — буквой *ш*.

⁵¹ Мецкерский Н. А. К вопросу об изучении..., с. 212—213.

⁵² Евсеев И. Е. Кн. пророка Даниила..., с. 132.

⁵³ Между прочим, в составе Вил. дошли два перевода Притч Соломоновых, один из них современен сборнику и сделан с еврейского оригинала, тогда как другой сохраняет черты значительной древности и опирается на текст Вульгаты. См.: Altbauer M. Ze studiów nad przekładami wschodniosłowiańskimi Biblii. (O dwóch przekładach biblijnego akrostihu o zacnej niewieście). — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, VII. Warszawa, 1967, s. 179.

⁵⁴ Аналогичную оценку традиционного написания собственных имен в одном из библейских текстов сделал А. И. Соболевский (Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 198).

⁵⁵ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. М., 1903, с. 399—400; Перетц В. Н. Новые труды..., с. 23—25.

⁵⁶ Перетц В. Н. Новые труды..., с. 26. — Вообще новые переводы Библии в средневековой Европе, в частности в Восточной Европе, были отражением широ-

тот интерес, который был проявлен в западнорусских землях к библейским переводам с еврейских оригиналов, изготовленным в предшествующую, Киевскую, эпоху. Именно благодаря этому интересу в западнорусских списках и редакциях и дошли до нас эти древнейшие переводы.⁵⁷

Приложение

Текст «Песни песней» публикуется по списку ГБЛ, ф. 178 (Музейное собрание), № 8222.

л. 238 Ширь *гаширим*^а аширли шломо. Рекше: Пѣсни
об. пѣснем, иже к Соломону.

л. 238 I. 1 Любжи мя от лобзання усть твоих, яко благи любви твоа паче вина. 2. Благовонию змирнь твоих благых — и змирна преочищена имя твоё, тѣмже дѣвици любят тя. 3. Пойду по тебѣ и побѣгу. Приведи мя, царю, к чрътогом твоим. Възрадуемся и възвеселимся о тебѣ, въспомни нем любви // твоа паче вина. Праведныя любят тя. 4. Черна азъ и красна въ дщерах иерусалимскихъ, якоже шатры полскыя и якоже запоны Соломоновы. 5. Не погрѣдите мною, иже азъ черна, яко съжже мя слнце. Сынове матере моея *уничижиша*^б мя: положиша мя хранити виноград, и винограда моего не хранила есмь. 6. Скажи мнѣ, еже любит душа моя, како паствишися, како скытаешися въ полудне? И се чему буду якоже уготовлена подѣти стад дру//говъ твоих? 7. Егда не свѣси в себѣ, яко красна в женах, изыиди к мнѣ в слѣд овец и пастви кѣзелци твои на опочивании пастуховъ. 8. Конем и колесницамъ фараоновымъ уподобихъ тя, подрука моа. 9. Красны ланитѣ твои в горлицахъ и выя твоа в монистохъ. 10. *Горлицѣ*^в златыя сътворимъ тебѣ с блещаниемъ сребра. 11. И се яко царь в окружении его, и мушкат мой пушаетъ благоволение его. 12. Вязокъ мѣкуса любовникъ л. 241 мой // к мнѣ, межи грѣсми моими обитоваетъ. 13. Вѣтви винограда любовник мой к мнѣ. И в виноградѣ моемъ урочища нѣсть. 14. Се ты красна, подруго моа, и се красны очи твои голубинѣ. 15. И се ты красны, любовникъ мой, паки красны. Паки постеля наша густа. 16. Тѣны домовъ нашихъ кедровы, латы нашѣ *никсусовы*.^г

л. 241 II. 1 Азъ летѣя полскаа а рожа болонскаа. 2. Якожа рожа межи трѣ-
об. ние, тако // подруго моа межи дщери. 3. Якоже яблонь в древѣхъ лѣса, тако любовник мой межи сыньми. В стѣн его жадала есмь и сѣдала есмь, и оwoщъ его сладокъ гортани *моему*.^д 4. Привелъ мя к *дому*^е вина, и хоругвь его на мя любима. 5. Скружилъ мя в цолтахъ и обослалъ мя яблоки, яко болѣзньна любовию азъ. 6. *Лѣвица*^ж его под главою моею и десница его объяла мя. 7. Заклинаю васъ дщери Иерусалимскыи в сернахъ или // л. 242 в оленехъ поля, ега възбудитесь, еда осваритесь за любовь, дондеже будетъ изволена. 8. *Глас*^з любовника моего. И нынѣ сеи пришелъ, скачетъ на горы и прескачетъ на холми. 9. Уподобися, любовниче мой, серну или лани оленевъ. И се ти сеи стоитъ за стѣною нашею, преглядаа оконцемъ и пре-

ких реформационныхъ движений. В большинстве случаевъ при этомъ существо дела могло состоять в томъ, не с *какого* языка переводили, а *на какой*, т. е. дело шло о приобретении народною речью статуса литературного языка. См. также: Флоровский А. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела). — *Sborník filologický*, sv. XII. V Praze, 1940—1946, s. 158—159.

⁵⁷ Тогда же и тамъ же, т. е. в концѣ XV в. в Юго-Западной Руси, была проведена правка традиционного славянского текста Пятикнижия по МТ. См.: Горский А. В. О славянскомъ переводе Пятикнижия Моисеева, исправленномъ в XV веке, по еврейскому тексту. — В кн.: Прибавления к творениямъ свв. отцев, ч. XIX. М. 1860, с. 134—168.

^а Испр.; в ркп. гашим. ^б Испр.; в ркп. уничижиши. ^в Испр.; в ркп. горницѣ. ^г Испр.; в ркп. никсусовы. ^д Испр.; в ркп. муму. ^е Испр.; в ркп. домовъ. ^ж Испр.; в ркп. Дѣвица. ^з Испр.; в ркп. Влас.

смотря от разсѣлинь. 10. Отвѣщеваль любовникъ мой и рекль к мнѣ: вѣстани к мнѣ, подруго моя и краснице моя, поиди к мнѣ. 11. Яко се ти // зима преминула и дѣждь измѣнился и отиде к себѣ. 12. Цвѣты видѣны в земли, и година славим достигла, и глас горлица слышан в земли нашей. 13. И смоква процвите цвѣты ея, и винограды здръюще пушают благоухание. Вѣстани к мнѣ, подруго моя и краснице моя, поиди к мнѣ. 14. Голубице моя в разсѣлинах стѣны, ^в застѣнии ^{въсход},^н покажи ми зракъ твой и огласи мя гласом твоим, яко глас твой сладокъ и образъ // твой красень. 15. Изымаша нам лисицѣ и лисицѣ малы — затворяют винограды, а винограды наша не здръпа. 16. Любовникъ мой к мнѣ и азъ к нему, иже ^{паствится} в рожках. 17. Дондеже съгрѣется днь и побѣгнут стѣны, окружися и уподобляися в себѣ, любовниче мои, к сериѣ или к лании оленевъ на горах различных.

III. 1. На ложи моем в нощех възысках, еже любит душа моя. Възысках его и не обрѣтох его. 3. Обрѣтоша мене стражи, иже ходят // в градѣ. 4. Яко же мало преминух от них, дондеже обрѣтох его, еже любит душа моя. И ях его и не ослабѣхъ ему, дондеже приведох его во дом матери моея и в чертог прадѣх моих. 5. Заклинаю вас дѣщерми Иерусалимскими в сернох или в ланях ^{поля},^н еда възбудитесь, еда осваритесь за любовь, дондеже будет изволена. 6. Кто сеи исходи от пустыня, якоже стлѣзь дымныи кадиллом мскуса, // темианом бѣлым от всего праху поментника? 7. И се постеля его, иже к Соломону,^н 60 храбрыхъ окрестъ ея от храбрыхъ Израиля. 8. Все они держаху мечи и научени к воинѣ, и коегождо мечъ его на колѣнѣхъ его от страха в нощех. 9. Въсходы сътворил к нему царь Соломонъ от древа лѣснаго. 10. Стлѣпы его сътворилъ сребрьныи и постеля его злата, и колесница его багрова, и послѣдъ ея блестящъ за любовь дѣщерей Иерусалимскихъ. 11. Изыидѣте // и узрите в дѣщеряхъ Сионъ в ^{цари} Соломонѣ в вѣнцѣ, иже вѣнчаала мати его в днь брака его и в днь веселиа срдца его.

IV. 1. И се ты красна, подруго моя, и красны очи твои ^{голубинѣ}^н от тылу к завою твоему. И власи твои якоже стада козъ, иже исходят от горы Геллад. 2. Зубы твоя якоже стада овец, иже исходят ото иизмывания. И вси тии оны плъны и изврѣженое нѣсть в них. 3. Якоже нит червчата уста твоя, // глаголаніе твое красно. Якоже половины маргама косици твоя от тылу к завою твоему. 4. Якоже вежа Давида выа твоя, сътворена к зубом. 1000 щитовъ повѣшена на ней и вси оружия храбрыхъ. 5. Двѣ прѣси твоя якоже два млодыхъ лвовича, близници серны, иже паствятся в рожках. 6. Дондеже иже проснаетъ ^{днь}^р и побѣгнут стѣны, поиди к мнѣ к горѣ мскуса и к хльму вирахъ. // 7. Вся ты красна, подруго моя, и порока нѣсть в тебѣ. 8. С мною от лѣса, невѣсто, с мною от лѣса приидеши. Посмотри от врѣху Амана и от врѣху Снирь и Хермон, от жилища лютыхъ и от гор пардусовъ. 9. Осердичи мя, сестро моя невѣсто, осердила мя в едином очю твоею, в единой гривнѣ от выа твоея. 10. Кто красень любовникъ твои, сестро моя невѣсто, что блага любовники твоя паче вина, и благово//ние мастей твоихъ от всѣхъ измирнѣ. 11. Сладость каплют уста твоя, мед и млеко под языком твоим, и воня ризъ твоихъ якоже воня лѣса. 12. Оградъ заключеныи, сестро моя невѣсто, и врата заключенаа, потокъ запечатлѣнныи. 13. Сладость оградовъ и маргаромовъ, якоже кафри с мушкаты и с овощы сладкими. 14. Мушкат и шафран, и тростка и корица с всѣми древы вирахъ, мскусь и прочии // зеліа и с всѣми врѣхы благовонными. 15. Потокъ оградный, кладязь водъ живыхъ, и текут от лѣса. 16. Възбудися в полнощи и прииди в полдне. Дѣхнеть виноград мой и потекут измирны его.

V.1. Прииди, любовниче мои, к ограду моему и снѣжь овощъ сладости его. Приидохъ к ограду моему, сестро моя невѣсто, и събирахъ измирну

^н Испр.; в ркп. вѣ.

^н Испр.; в ркп. въсход.

^н Испр.; в ркп. пастви тя.

^н Испр.; в ркп. паля.

^н Испр.; в ркп. Соломону.

^о Испр.; в ркп. прѣвки.

^н Испр.; в ркп. губинѣ.

^р Испр.; в ркп. дъны.

мою с благояхнами моими, и ядох тростку мою с медом моим, и пих вино
 л. 245 мое // с млеком моим. Ядоша друзи и пиша, и унишеса любовници. 2. Азь
 сплю и сердце мое чуе. И глас любовника^с моего толчет: отврѣзи мнѣ,
 сестро моя и подруго моя, голубице моя, полная моя, яко глава моя наплѣ-
 ния росы и власы моя краплями пощными. 3. Съвлекох срачицу мою —
 и како облекуся? Измых ноги моя — и како оскверню их? 4. Любовникъ
 л. 245 мой простере руку его от дѣры и чрева моя, раз//горѣшася в мнѣ. 5. Въ-
 об. стала азь отврѣсти любовнику моему, и рудѣ мой облианѣ измирною,
 и прѣсты моя мскусом промѣненных на лавках замка. 6. Отврѣзох азь любов-
 нику моему, и любовник мой потаивъся проминул. Душа моя^т изыиде
 в глаголаніе его. И възысках его и не обрѣтох его. Възысках его^у и не
 отвѣщаваше мнѣ. 7. Изобрѣтоша мя стражеве, иже обходят в градѣ.
 л. 248 И биша мя и щипаша мя, и отняша гривны моя от // мене стражеве градстни.
 8. Заклинаю вас, дѣщеря Иерусалимская, еда изобрѣщете любовника
 моего, что повѣдите к нему? Что болезнь любовию азь! 9. Что любовник
 твои от любовника, что, краснице в женах? Что любовник твои от любов-
 ника, что тако заклінаеши нас? 10. Любовники мои чисты и черлены,
 остяжены тмами. 11. Глава его от чистаго злата, власы его кудрявы, черны
 л. 248 яко врань. 12. Очи его яко голубинѣ // на сильных водах. Умывается
 об. на млеци, сидит на наплѣнении. 13. Ланитѣ его якоже ряды хитра измир-
 ника, чертоги^ф измирниковъ. Уста его рожамі каплют мскусъ проми-
 нуе. 14. Рудѣ его перевиваны златом полны, якоже драгыи камень.
 Чрево его — толща слонова, перевивано яхонты. 15. Голени его — столпы
 драгаго камени, уединены на пенках чистаго злата. Зракъ его — якоже
 лѣсъ, избранъ якоже. . .

л. 251 VI. 8. . . матери ея, чиста она к родителници ея. Видѣша ю дѣщери
 и хвалиша ю, и царици и меншици похвалиша ю. 9. Кто сия зрится якоже
 зоря, и красная она якоже луна, и чиста якоже слнце, страшна якоже
 хоругви? 10. К ограду орѣховому възыхдох видѣти мокроту потока и
 видѣти, еда процвите виноград, и аще оцвитоша марграмы. 11. Не вѣдах
 л. 251 души моея, иже положиша мя в колесници // люди князя. 12. Навратися,
 об. навратися, полная, и навратися и навратися и примемся в полную.

VII. 1. Что красны ступени твоя в сапозѣх, дщере царева? Прививание
 колѣнь твоих якоже ретези, дѣла рукъ мастера. 2. Пупокъ твои — лоханы
 чистаа, и не умалится наливач. Чрева твоя^х — врах пшеници, ограженъ
 в рожках. 3. Двѣ прѣси твои якоже два молодых еленичи, близници серны.
 л. 253 4. Вья твоя якоже вежа слона, и очи твои — ставы в Жежбонѣ, на вра//тѣх
 многих. И ноздри твои якоже вежа лѣсна, посматривающі на лице Дамас-
 секъ. 5. Глава^н твоя на тебѣ яко гай, и приборъ главы твоея якоже всѣкыя
 цвѣты. Царь связанъ в коритѣх. 6. Что красныи и что лѣпыи, любовнице,
 в нѣгованиих? 7. Се поставь твои подобень саду и прѣси твои вѣтвем.
 8. Рекох: възыху в сад и приим за присады его, и будут нынѣ прѣси
 твои в вѣтвех винограда и благовоение ноздрей твоих якоже яблока. 9. Гор-
 л. 253 тань // твои якоже вино благое, ходящя к любовнику моему искренни
 об. в движении устъ спящих. 10. Азь к любовнику моему и к мнѣ хотение его.
 11. Ходим, любовнице мои, и изыидем на поле, и обитуем межи селы.
 12. Рано изыидем ко виноградом и узрим, аще процвите виноград и аще
 отворишася голенки и аще оцвитоша марграмы. Тамо дам любви^и мои
 тебѣ. 13. Афиолы пушают благовоение. И на деревех наших вси сладости
 л. 252 новыи и паки ветхыи, любовнице мои, съхран//их тебѣ.

VIII. 1. Кто бы даль ты якоже брата мнѣ и съсаль^м бы еси прѣси матери
 моея? Изобрѣла бых ты в улици и цѣловала бых ты, да паки не глумилися
 быша мнѣ. 2. Поведу ты и приведу в дом матери моея, и учиши мя. И напою
 ты вином благовонным и сладости марграму моего. 3. Лѣвица^м его под гла-

^с Испр.; в ркп. любовника.

^т Испр.; в ркп. мая.

^у Испр.; в ркп. аго.

^ф Испр.; в ркп. ртоги.

^х Испр.; в ркп. твоего и.

^ц Испр.; в ркп. Слава.

^н Испр.; в ркп. любовнице.

^м Испр.; в ркп. съсаль.

^м Испр.; в ркп.

Дѣвица.

вою моею и десница его обнимает мя. 4. Заклинаю вас, дщери Иерусалимския, что побужаетеся и что *сваритеся*³ за любовь, дондеже что изволяет? 5. Кто сия изыи // дет от пустыня и придружается к любовнику ея? л. 252 об. Под яблонею възбудих тя, и там зачала ты мати твоя, и там породила дѣти твоя. 6. Положи мя яко печать на срдци твоём и яко печать на мышци твои — иже силна якоже съмръть любовь и жестока в рову ревности. И углие ея — углие огня, пламень ея от пламе силнаго. 7. Воды многы не могут угасити любѣви и рѣкы вымыют ея. Еда бы даль муж убо все имѣние дому его за любовь, обневредениемъ о//невредено к нему. 8. Сестра л. 259 наша юна и прѣсеи нѣсть у неа. И что сътворим сестрѣ нашей в днь, еда възглаголают о ней? 9. Еда стѣна она, сътворили быхмо на ней. . . И еда бы двери она, сътворили быхмо на ней тавлы кедровы. 10. Азь есмь стѣна и прѣси мои якоже вежѣ, того да бых в очию его якоже изьобрѣтши мирь. 11. Виноград был у Соломона в Балгамонѣ и дасть тѣи виноград стражем. Муж твой пренесе за оwoщ его тысящу сребра. 12. Виноград мой, еже к мнѣ предо // мною. Тысяща к тебѣ, Соломоне, и двѣстѣ к *стражем*⁴ за оwoщ его. л. 250 об. 13. Иже сидят в оградѣх и друзи, еже уповают на глас твой, да бы услышала мя еси. 14. Побѣгни, любовниче мои, и уподобися в себѣ серну или к лании еленевъ на горах измирновъ.

Конецъ книги Пѣсни пѣснем.

A. Alekseev

CANTICUM CANTICORUM IN RUSSIAN MPS.
(XVI-TH CENTURY) TRANSLATED FROM HEBREW

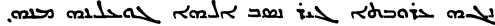
The Mps. Muz. 8222 from the XVI-th century (the State Library after V. I. Lenin, Moscow) contains Canticum Canticorum in translation from Hebrew into Slav. On the language basis the translation may be dated from the epoch of the Kievan Rus'. In the XV—XVI-th century there was another translation of Canticum Canticorum from Hebrew into Slav. (Mps. F-19—262, the Library of the Academy of Science, Wilnius), and in some readings the latter leaned upon the former translation.

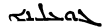
³ Испр.; в ркп. сватесея.

⁴ Испр.; в ркп. стажем.

ОТРАЖЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ГНОСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПАМЯТНИКАХ СИРИЙСКОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Учение гностиков, система их идей, история возникновения и истоки гностических воззрений интересовали многих представителей отечественной и западной науки. Внимание к этим проблемам особенно возросло после находки в Наг-Хаммади собрания гностических текстов на коптском языке. Интерес этот не прерывается и по сей день как у нас в стране, так и за рубежом, чему есть многочисленные свидетельства: публикации найденных текстов, их исследование, международные конгрессы и конференции с десятками докладов, посвященных вопросам, связанным с гностицизмом. Последняя такая конференция состоялась в Галле в 1976 г. Тема ее была «Представления о человеке в учении гностиков и манихеев». Наряду с другими на конференции были сделаны выводы о том, что, во-первых, тексты Наг-Хаммади обнаруживают лишь часть гностической системы и религиозной практики и, во-вторых, следы гностических представлений можно заметить в византийской ортодоксальной теологии.¹

Выводы о том, что система гностических представлений, какой ее знает современная наука, далеко не полна и что некоторые недостающие элементы могли бы быть восстановлены на основе памятников христианской ортодоксии, навели нас на мысль пересмотреть под этим углом зрения сирийские повествовательные тексты, интересовавшие ранее в других аспектах. Поводом к этому послужило одно загадочное на первый взгляд место в «Житии Алексия, человека божьего», где сказано следующее: «В пятницу на расвете возьмет бог свой залог у него».²

В значении «залог» употреблен здесь термин . Смысл этого выражения может быть понят в данном случае лишь из контекста. В контексте же говорится о смерти святого. Для сочинения, написанного простым безыскусным языком, каким является «Житие Алексия», употребление иносказательного и притом вычурного, на наш взгляд, выражения сразу обращает на себя внимание. В этом тексте более уместны были бы глаголы   — «умер», — «упокоился»; словосочетания — «окончил свою жизнь», — «покинул мир», — «ушел из жизни»³ и т. д.

Для понимания указанного неясного выражения потребовались некоторые разыскания, приведшие прежде всего к собранию нравоучитель-

¹ Винкельман Ф. IV коптологическая конференция. (Галле, 25—27 ноября 1976 г.). — Византийский временник, т. 39, 1978, с. 280—281.

² Amiaud A. La légende de Saint Alexis l'homme de Dieu. Paris, 1889, p. .

³ См.: Payne-Smith J. A compendious syriac dictionary. Oxford, 1903, p. 260, 331, 581, 345, 419.

ных сентенций греческого автора, представителя гномической литературы Секста Пифагорейца. Среди его изречений есть такие, которые могли бы заинтересовать лишь представителей языческой философии (мысли о ценности свободы и мудрости, взгляд на богов как на *νοῦς αὐτοκίνητος* и т. д.). Однако огромная масса сентенций, вполне соответствуя популярной этике, легко уживалась с религиозными воззрениями христиан.

Сирийский перевод изречений Секста Пифагорейца был сделан в V—начале VI в. и служил, по свидетельству источников, излюбленным чтением сирийцев.⁴ В одной из глав его сочинения сказано: *ܠܚܠܐ ܕܢܦܫܐ ܕܥܡܪܐ ܕܥܡܪܐ* — «Твоя душа — это залог, данный тебе богом».⁵

Иначе говоря, залог (*ܠܚܠܐ*) — это душа.

Следовательно, в тексте «Жития Алексия» под «залогом» подразумевается душа: когда настанет время, бог возьмет душу святого, которую дал ему прежде в виде залога, и тот умрет.

Такое представление о душе, независимой от тела, о том, что тело служит душе лишь земной оболочкой и спустя короткое время должно вернуть душу, как должник возвращает свой долг, — это представление восходит также к «Книге Премудрости Соломона»: «И суетный труженик из той же глины лепит суетного бога, тогда как сам недавно родился из земли и вскоре пойдет туда же, откуда он взят, и взыщется с него долг души его» (Сар. XV, 8).

По свидетельству Иосифа Флавия, фарисеи также верили в то, что душа продолжает свое существование после смерти человека. Об этом он говорит и в «Иудейской войне» (BJ II, 8, § 9), и в «Иудейских древностях» (Ant. XVIII, 1, § 1,5). Душа как бы отдается на сохранение телу, которое обязано вернуть ее богу в чистом виде. Эта мысль повторяется в «Иудейской войне» еще раз — в эпизоде, посвященном описанию защиты иудеями крепости Иотапата. Когда после полуторамесячной осады римляне овладели крепостью, несколько защитников во главе с Иосифом Флавием скрылись в пещере.

Сознавая безвыходность своего положения, они решили кончить жизнь самоубийством. Однако Иосиф Флавий, не желавший расставаться с жизнью, обратился к ним со словами, в которых пытался объяснить свой отказ, используя бытовавшее в той среде представление о необходимости вернуть богу душу в чистом, неповрежденном виде: *εἴτ' ἐὰν μὲν ἀφανίσῃ τις ἀνθρώπου παρακαταθήκην ἢ διαθῇται κακῶς, πονηρὸς εἶναι δοκεῖ καὶ ἄπιστος, εἰ δὲ τις τοῦ σφετέρου σώματος ἐκβάλλει τὴν παρακαταθήκην τοῦ θεοῦ, λεληθέναι δοκεῖ τὸν ἀδικούμενον* — «Если кто-нибудь уничтожит доверенное ему другим или отнесется неосмотрительно, его сочтут порочным и неблагонадежным; если же он из собственного тела исторгнет доверенное богом (т. е. душу. — А. П.), о нем будут говорить, что он грешник» (BJ, III, 8, § 5, 372).⁶

Таким образом, приведенный отрывок сирийского агиографа служит ярким примером того, как в христианстве сходились в одной точке элементы эллинизма и иудаизма.

Существует еще один источник, который может быть использован для интерпретации интересующего нас эпизода, и не только с точки зрения филологической, но и для уяснения его идейной окраски. Мы имеем в виду гностический «Гимн о душе», приписываемый первому сирийскому писателю-гностику Бар Дайсану (154—222) и включенный в апокрифические «Акты апостола Фомы».

⁴ Pauly-Wissowa. Real-Encyclopaedie der classischen Altertumwissenschaft. Stuttgart, 1923, S. 2062.

⁵ Lagardii P. A. Analecta syriaca. Lipsiae, 1858, p. 11.

⁶ На эту параллель мне указал А. К. Гаврилов.

«Гимн о душе» — это искусно построенное аллегорическое произведение, в котором нарисована развернутая картина того представления о душе, данной в залог, которое в агиографе отразилось лишь в виде намека.

Анализируя приемы построения гностических произведений, В. В. Болотов писал, что гностики говорили не отвлеченными понятиями, а образами, картинами. В выражении своих идей они создавали как бы двойной аллегорический образ. «Они посредством аллегорий из Св. Писания получали известные отвлеченные положения и затем эти отвлеченные положения опять-таки выражали в аллегориях, в картинах, в образах. Таким образом, они из одной таинственной загадки получали уже в обработанном виде другую загадку, давали решение первой, но предлагали его опять-таки в загадочной форме. Их учение производило эффект тем, что с первого раза было понятно только отчасти, но непонятно в своем глубоком основании и делалось понятным постепенно».⁷

В. В. Болотов не указывает здесь, какое именно произведение он имел в виду, но его анализ как нельзя лучше приложим к «Гимну о душе». Источником этого стихотворения является Евангелие от Матфея, которое заключает в себе как бы первую загадку: «Еще подобно царство небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Matf. XIII, 45—46).

В «Гимне о душе» это представление о жемчужине, символизирующей царство небесное, развивается в подробное последовательное повествование, которое как будто поясняет изречение апостола. Гимн включает описание путешествия, самого пути, проходящего через города и страны, многочисленных опасностей, подстерегающих на этом пути. В нем действует несколько персонажей. Фабула — в предельно кратком изложении — такова. Сын царя царей и царицы Востока, снабженный большим драгоценным грузом — золотом из одной страны, серебром — из другой, халцедонами, алмазами и прочими драгоценными камнями, — отправлен родителями в Египет на поиски жемчужины, скрытой там на дне моря и охраняемой змеей. После многочисленных приключений ему удастся добыть эту жемчужину, и взамен всех ценностей, которые у него были, он приносит родителям ее одну.

Повествование и здесь не стало менее загадочным по сравнению с евангельским изречением, которое легло в его основу, потому что по-прежнему осталось аллегорией, глубоко скрывающей свой внутренний смысл. С первого взгляда становится ясно только одно: как в евангельской притче, так и в строках гностического гимна говорится о том, кто продал (или утратил) все, что имел, и купил (или обрел) единственную жемчужину. Здесь мы и имеем ту двойную аллгорию, о которой говорил, по-видимому, В. В. Болотов.

Следует обратить внимание на одну существенную для нашего дальнейшего рассуждения деталь. Перед тем как отправиться в путь, сын царя снимает светозарное одеяние (сир. *ḥḏmā*),⁸ которое было на нем надето, а как только достает жемчужину со дна моря, его отец посредством двух посланцев возвращает ему это его одеяние.

Как уже говорилось, гностическими текстами была вызвана к жизни огромная литература. Существует большая литература, связанная непосредственно с «Актами апостола Фомы», в частности с «Гимном о душе».⁹

⁷ Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви, ч. II. СПб., 1910, с. 178—179.

⁸ *ḥḏmā* — vestis splendida. См.: Payne-Smith R. Thesaurus syriacus, t. I. Oxonii, 1879, col. 1087; ср. Matf. XVII, 2—5: «... во время преобразования лицо спасителя просияло, как солнце, а одежды его сделались белы, как свет». Свет — символ святости основателя христианства (Joann VIII, 12; V, 35; Act. XX, 7—8).

⁹ См. библиографию, приложенную к книге: Rudolf K. Die Gnosis. Leipzig. 1977, S. 421—425; см. также: Moss C. Catalogue of syriac printed books and related literature in the British Museum. London, 1962, Thomas, Saint and Apostle.

١٤. حفن

son. . . ».¹⁵

НАКОНЕЦ, ОН НАЗВАН СЫНОМ ЦАРЯ!

на основе его филологического анализа.

выбрал Г. Филлипс, имеет значение «обладание», «владение». ¹⁶

они могут быть взаимозаменяемы. ¹⁷

«даю в залог».

чивать долг по закладной». ¹⁸

царя. . .».

зание, аналогичное евангельской аллегории о купце, который продал,

— 123 —

с прибавлением прибыли, потому что он — сын царя».

11. C. ... Part. XXIV. C. ...

выражение «вернуть душу».

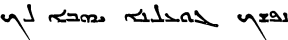
Г а у н о в и ч е в : Комплексная оценка систематизации, р. 1987.

что имел, и купил жемчужину. И в том и в другом случаях имеются в виду, конечно, не купля-продажа и не деньги (серебро), а совсем иные ценности. Упоминание же сына царя — это, по-видимому, параллель к «Гимну о душе».

Таким образом, мы разобрали несколько сирийских сочинений, в каждом из которых термин или производная от этого корня причастная форма выражают одну и ту же идею. Исходным нам представляется «Гностический гимн о душе», в других же следует видеть его реминисценции. В таком случае можно говорить, по-видимому, об отражении некоторых гностических представлений в памятниках ортодоксального христианства, какими являются «Житие Алексия, божьего человека» и «Учение апостола Аддая».

A. Païkova

LA REFLECTION QUELQUES IDÉES GNOSTIQUES DANS LA LITTÉRATURE SYRIAQUE

L'article traite la reflection quelques idées gnostiques dans les textes syriaques orthodoxes, en particulier la phrase:

 «Ton âme c'est le gage donné toi par le Dieu».

Cette notion d'âme a par source les travaux de Josephe Flave et Sexte Pythagoréen. Elle se répète dans diverses variations par quelques oeuvres syriaques: dans le hymne gnostique «De l'âme» qui est inclué dans les «Actes d'Apôtre Thomas» apocryphique, aussi que dans «La Vie de St. Alexis, l'homme de Dieu» et «La Didascalie d'Addai».

К ИСТОРИИ ЗАГОВОРОВ И АПОКРИФИЧЕСКИХ МОЛИТВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(Неизвестный сборник греческих врачевальных молитв)

Находка какой-либо средневековой греческой рукописи в настоящее время может быть только счастливой случайностью, так как рукописи (за ничтожными исключениями) собраны в больших государственных хранилищах, описаны или учтены.¹

Рукописи XVIII в. и тем более начала XIX в. обследованы менее тщательно.

В Советском Союзе хранится большое число греческих рукописей, описанных или учтенных в различных справочных изданиях; остаются неизвестными лишь немногие рукописи, одной из которых и посвящена настоящая статья.

В сентябре 1966 г., когда в Киевском государственном университете им. Т. Г. Шевченко проходила III Всесоюзная конференция по классической филологии, проф. А. А. Белецкий передал мне для описания небольшую греческую рукопись, принадлежащую Р. С. Харабадот (Львов). Р. С. Харабадот получила рукопись от умершей в 50-х годах текущего века старушки-гречанки Анны Шельтык («по-уличному» — Терязы), жительницы села Большая Каракуба (ныне Раздольное Ростовской области).

Как сообщила мне Р. С. Харабадот, «сама Анна Шельтык читать не умела, но пользовалась этой рукописью при лечении людей заговорами и верила в ее магическую силу».

Интересующая нас рукопись оказалась сборником врачевальных и апокрифических молитв и заговоров, написанным в первой половине XIX в. на бумаге 1831 г. (филигрань — гербовый щит, см.: Т р о м о н и н К. Ф. Изъяснение водяных знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844, № 1592). В рукописи 61 лист, размер листа 19.8×16.2 см, размер текста 12.0×17.0 см; на листе помещается 10—11 строк. Переплет — картон в тисненой коже. На л. 5 и 6 об. имеются небольшие заставки и инициалы, рисованные акварельными красками. Текст заключен в простую черную рамку. Начало и некоторые листы утрачены. Никаких помет, объясняющих происхождение этой рукописи, не найдено.

Несколько замечаний о тексте. Писец, очевидно, не всегда хорошо понимал копируемый текст, о чем можно судить на основании многочисленных ошибок, а также на неумелом подражании письму средневековых греческих рукописей: писец старательно, но далеко не всегда удачно копирует некоторые буквы (например, π, λ, τ) или лигатуры (στ, ευ, ελ). Магическую силу заклинаниям придавали, по мнению обращавшихся к ним страждущих, не только словесная их формула, но и изображение, форма

¹ Richard M. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. 2-me éd. Paris, 1958.

Содержание сборника следующее.

Л. 2. Конец какой-то апокрифической молитвы, всего 4 строчки:
... θρηξ̄ αῦρα ἐπιλεων, αῦρα ἀποληθ̄. σοπρου | αῦρα ἀπο γης πῖρω, αῦρα ἀπο
μαρμαρα ἐξῖρχε | το αὐτη αὐρα ἀπο το θαλάσις ἡπῆντησεν αὐτην. | ο πρoτος ἀρχάγ-
γελος Μῆγαήλ.

Этот текст несколько напоминает апокрифическую врачевальную формулу на головные недуги, см.: Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. (К истории византийской отреченной письменности). Одесса, 1901, с. 93—95, № 14, также с. 45—47. См. также текст, изданный И. Д. Мансветовым (Трясавицы, с. 15) по греческому Евхологию XVIII в. из собрания В. И. Григоровича № 2, хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Описание этого Евхология см.: В и к т о р о в А. Е. Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, с. 46; см. также работу М. И. Соколова, указанную в прим. 4.

Π. 3—3 об. Εὐχὴ τοῦ ὕπνου γιου (υἱοῦ) Χ(ριστο)ῦ εὐχὴ σή. | Ηαη.: Ο θ(εὸς)
ο ἅγιος ο τῶν Αδὰμ ο κυμισας εν | το παραδίσω καὶ τῶν Αβιμέλεχ κυλήρας; ΚΟΗ.:
Καὶ πύλην ἀνάστησον | αὐτῶν εἰς τοὺς αἰῶνας τον αἰῶνον, αμην.

Π. 3 οβ.—4. Να δέσις στόμα τον κακόν ἄνθρωπων. Ναυ.: Ο Χ(ριστὸς) τῶν
 ἁθῶν τον διάβολον καὶ ος ἐπέταξεν καὶ ἔδωκεν αὐτῶν; ΚΟΗ.: καὶ εὐδομῶντα διὰ
 πλῆθὺν τον ἀπερχόμενον μέγαν καὶ ἐξάρχον κακόν απο τον δαυλον του θ(εο)ῦ
 (имя рек).³

³ В описываемой рукописи после слов τὸν δοῦλον τοῦ θεοῦ (раба божьего) в скобках оставлено место для имени страждущего, ради которого произносится данная молитва или заклинание. В некоторых случаях (например, на л. 36) в скобках вписаны слова ο δοῦλα, т. е. ὁ δούλος — такой-то. См.: Алмазов А. И. Апокрифические молитвы... с. 4; по мнению Алмазова, отсутствие в таких случаях определенных имен показывает, что эти сборники служили «руководством для лица, практиковавшего в среде темного люда внесенными в него (т. е. в сборник) формулами — для так наз. у нас *знатаря*». Мнение Алмазова в данном случае подтверждается словами владелицы нашего сборника Р. С. Харабадот об использовании его старушкой-гречанкой Анной Шельтык. См. также: Розанов С. Народные заговоры в церковных требниках. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 30—35.

Л. 4—4 об. Φεὰ σαατὴν ευχη σι. Нач.: Δεσποτα κύριε ο θ(ε)ς ημῶν ο τα σα εκ τον | σὸν προσφερην ση κατα την πόθεισιν εκάστω κελεύσας; кон.: ὅτι | ευ λογιστὰ σου το ὄνομα καὶ δεδοξαστέ σου η βασιλία | τοῦ. Тут же крест с буквами ΓΕ ΧΣ ΝΙΚΑ.

Л. 4 об.—5. Na δια αποδέμα ευχή | του ἁγίου ἱερωμαρτυρος Κυπριανοῦ. Нач.: Ана. . . τω ο θ(ε)ς καὶ διασκορπισθίτσαν η εχ|θρὴ αυτοῦ; кон.: η ευχή διαφιλ- λάττῃ ἅπαντα ἄνθρωπον | καὶ την ηκίαν ἔνθα ανακίτῃ η αγια προσ|ευχή, αμην.

О молитвах св. Киприану упоминается: А л м а з о в А. И. 1) Врачевальные молитвы (к материалам и исследованиям по истории рукописного русского требника). Одесса, 1900, с. 91—92, 131 (в русском переводе); 2) К истории молитв на разные случаи (заметки и памятки). Одесса, 1896, с. 20. По мнению Алмазова, молитва св. Киприану «замечательнейшая из всех известных и вместе признаваемых апокрифическими врачевальных молитв». Также см.: Griechische und Süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters. Hrsgb. und erklärt von Fr. Pradel. Giessen, 1907 (далее — Pradel, S. 256, 315, 388).

Л. 5—6. Заставка и большой инициал. Διὰ τα πεδία που πυρί γιλου. Ευχή.⁴ Нач.: Καὶ επιπετέρων διαπετῶν τῶν | ἔχουσα τη κεφαλὴ αὐτῆς та | τρια- κόσια; кон.: ἔστενεν καὶ ετρεχεν εν | νηκτῇ καὶ εν ημερα πασις τῆς γῆς ενκρατεωυ μένῃ, αμην. Тут же голгофский крест.

Л. 6 об. Заставка. Без заглавия. Εἰς το ὄνομα του π(α)τρ(ο)ς καὶ του ειοῦ (οἰοῦ. — *Е. Г.*) καὶ του ἁγίου πνευ|ματος, αμην. Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, βοθησιον τον δούλον του θ(ε)οῦ (имя рек) | ек παντος παντός κακοῦ ἐπὶ ονόμα | τος του π(α)τρ(ο)ς καὶ του ιοῦ (οἰοῦ. — *Е. Г.*) . . αμην.

Л. 6 об. Без заглавия. Σταυρός ο φύλαξ πάσις της οικουμένης, σ(ταυ)ρ(ο)ς|η ορεώτης τῆς οικουμένης, σ(αυ)ρ(ο)ς βασιλέων το | κρατέωμα, σ(αυ)ρ(ο)ς πιστὸν το στῆρηγμα, σ(αυ)ρ(ο)ς αγγ|γελον δόξα καὶ τον δεμονον το τραυμα.

См.: Щ у р о в И. Знахарство на Руси. — ЧОИДР, 1867, кн. 4, V, смесь, с. 166—167, под названием «Записка от лихорадки» (в русском переводе); Я ц и м и р с к и й А. И. К истории ложных молитв в южнославянской письменности. «Похвала кресту» как молитва и толкования «крестных словес». — Изв. ОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 3 (далее — Я ц и м и р с к и й А. И. Ложные молитвы), с. 1—102; кн. 4, с. 16—26.

Л. 6 об.—7. Без заглавия. Κύριε, ὄπλον κατὰ του διαβόλου τον σ(αυ)ρ(ο)ν σου | ημῶν δέδοκας φρίττῃ γαρ καὶ τρέμῃ μῃ φέρον | καθοράν αὐτοῦ την δύναμην διὰ νεκροῦς ανιστα | καὶ θάνατον καθήργισε· δια τουτου προσκυνουμεν τὴν | ταφὴν σου καὶ τὴν ἑνεργίαν σὴν (Я ц и м и р с к и й А. И. Ложные молитвы).

Л. 7. Без заглавия. Τῇ υπερμάχῳ στρατηγῷ та νηκητῆρια ως λυ|τροθίσα τον διδὼν ευχαριστηρια, αναγραφος | σι η πόλη σου, θ(εο)τάκε, ἄλλος ἔχουσα το κράτος ἀπροσμάχητον ε̅ π̅ τ̅ μ̅ κ̅ δ̅ ν̅ ε̅ λ̅ θ̅ ρ̅ ζ̅ καὶ ἐπὶ του | δούλων σου (имя рек).⁵

⁴ Γελλῶ ή (множ. Γελοῦδες) — злой дух, губительный для младенцев. См.: The-saurus Graecae Linguae, ab Henrico Stephano constructus. Ed. C. B. Hase, G. Dindorfius et L. Dindorfius. Vol. II, Parisiis, 1833, p. V. По мнению Алмазова, это слово означает «олицетворение начала, враждебного продолжению жизни вообще». См.: А л м а з о в А. И. Апокрифические молитвы. . . с. 62—63. Подробнее см.: В а с и л ь е в с к и й В. Г. О Гило. — ЖМНП, 1889, ч. 263, июнь, с. 369—371; В е с е л о в с к и й А. Н. 1) Заметки к истории апокрифов. I. Еще несколько данных для молитвы св. Сисиния от трясицы. — Там же, 1886, ч. 245, июнь, с. 288—293; 2) Духовные сюжеты в литературе и народной поэзии румын. — Приложение к XLV тому «Записок Академии наук», № 1, 1883, с. 36—52 и 92—96; 3) Легенды об Ироде и Иродиаде и их народные отражения. — В кн.: В е с е л о в с к и й А. Н. Разыскания в области русско-духовного стиха, XI—XVII, вып. 5. СПб., 1889, с. 305—329; Трясавицы, с. 7—15; С о к о л о в М. И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками. — ЖМНП, 1889, ч. 263, июнь, с. 339—368; S c h m i d t В. Volk-sleben der Neurienchen. 1. Theil. Leipzig, 1871, S. 139—140.

⁵ Разъяснения этой группы каббалистических букв мною не найдено, последние пять букв можно раскрыть как ἐλευθερος. О загадочных словах и буквах в заговорах см.: П о р ф и р ь е в И. Я. Апокрифические молитвы по рукописям Соловецкой библиотеки. — Труды IV Археол. съезда, Казань, 1878 (отдельный оттиск), с. 9, 17. Щ у р о в И. Знахарство на Руси, с. 163; Legrand, p. 9; V a s s i l i e v. Anecdota. . .

Π. 7—7 об. Без заглавия. Ἀγίε Ιωάννη προ θ(εο)ῦ καὶ πρό δρομε καὶ | βαπτιστὰ του κ(υρίο)υ ημων | Ι(ησο)ῦ Χ(ριστο)ῦ η τιμία σου χάρα | ἐπὶ πίνακι ἐκράζη καὶ ἔλε. . . τους τέους καὶ τεους (?) | φίλαξον καὶ τον δουλон του θεοῦ (имя рек) ⁶ | ἀπο τὴν | ἀστένιαν του ριγος, φίλαξον αὐτόν καὶ δόσιν τὴν | γιαν (ὀγίειαν?) τους σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ᾶ) φ(ό)β(ου) θ(εο)ῦ, ἀμην.

Π. 7 об. Без заглавия. Ἀγιοι Χαρα λαμπη οπου ελαβής τῇ χάρῃ ἀπο | τῶν θ(εο)ν ὅπιος επικαλέστη το ονομά σου τῶν | φιλάεις ἀπο τὴν ἀστένιαν τῆς πανούκλας φί | ατερον καὶ τῶν δουλон του θεου (имя рек) ἀπο τὴν | ἀστένιαν ἐν τ. . . πανούκλας, σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ᾶ) φ(ό)β(ου) θ(ε)ω, ἀμην.

Π. 7 об.—8. Без заглавия. Χαίρης, Γριγόριε, θεράπον θ(εο)ῦ παντοκρά | το- ρος, ησικουσεν, κύριος, τῆς φωνῆς τῆς δεήσεος μου; κοη.: Ἐκαλέσε εἰς κ(ύριο)ι διέξον μῃ | τῶν ἄγγελον τον ἐτῶν ορέωγ, ἔχοντα τὴν ἐξου | σιαν καὶ υπεν (εἶπεν. — Ε. Γ.) μῃ το ὄνομα αὐτῶν.

Это начало текста, см.: L e g r a n d Em. Bibliothèque grecque vulgaire, t. II, p. XX—XXII; Алмазов А. И. Апокрифические молитвы. . ., с. 35—37.

Π. 8. Без заглавия. Όταν ουρανὸν διαβένης ὄρι επικατῶ | αὐτῶν, καὶ βοηθίσε σου, καὶ πάλιν ἵπεν· | κ(ύρι)ε καὶ | ἦπεν μῃ το ὄνομα αὐτῶν.

См.: L e g r a n d Em. Bibliothèque grecque vulgaire, t. II, p. XX.

Π. 8—8 об. Без заглавия. Нач.: Ω Χ(ριστὸς) εγενήθαι ἐφοριετιμήθη, ο Χ(ριστὸς) εβα | πτηστη καὶ εἰς τον Ιορδάνι ποταμῶν σιν | τρίψας; κοη.: καὶ σιντρι | ψας καὶ λυσε πάνδες μέ ἀδίμω ἀπο τὸν δουλон | του θ(εο)ῦ (имя рек) εἰς το ὄνομα. . . ἀμήν. Σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ᾶ) φ(ό)β(ου) θ(εο)ῦ, ἀμην. Тут же крест в разрисованной рамке, с надписью: К(ύρι)ε Ἰ(ησο)υ Χ(ριστ)е νικα. Αεὶ ἀτίλατiα σiα ἀπαλεισια ἀπο παντος κακῶς.

Π. 8 об.—9. Без заглавия. Нач.: Ω ὄνομα αὐτοῦ κραυγὴ λαλήτε γράψων | το ονομα αὐτοῦ καὶ θες το εἰς τα καὶ ἦνη σου | καὶ πωλδιτη αὐτά, ὁ θ(εο)ς καὶ υπεν· κ(ύρι)ε διέξον. Конец утрачен, вырван один лист. Подобный текст см.: Legrand Em. Bibliothèque grecque vulgaire, t. II, p. XXI.

Π. 9 — заключительная формула какого-то заговора. Буквы Σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ᾶ) φ(ό)β(ου) θ(εο)υ, ἀμην. Тут же без заглавия: Πλημμελημα τον κε ποιλθιν. . . τῶν οἶκον αὐτοῦ. | ἀπο καρποῦ σιτου, οἶνου καὶ ἐλαιου; κοη.: Καὶ ἐκ του φόβου про | σέκηνισα του καὶ τον δουλων του θ(εο)ῦ (имя рек) εἰς το ο | νομα του πατρός. . . ἀμην. Буквы: Σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ᾶ) φ(ό)β(ου) θ(εο)ῦ. Этот текст близок к тексту, напечатанному Леграном в указанном сочинении на с. XXII.

Π. 9—9 об. Без заглавия. Нач.: Ο Χ(ριστὸς) ανεστρι, ο Χ(ριστὸς) ανελή- φθει, ὁ Χ(ριστὸς) ἐτάφει, ὁ Χ(ριστὸς) καὶ ἐκαθισεν | ἐκ δεξιῶν του π(ατ)ρ(ὸς) εὐγα καὶ φευγα ριγα ἀπο του | δοῦλων του θ(εο)ῦ (имя рек) εἰς το ὄνομα. . . ἀμην.

В ряде молитв на головную боль встречаются сходные тексты, см., например: L e g r a n d Em. Bibliothèque grecque vulgaire, t. II, p. 18—19.

Π. 9 об.—10. Που κλεσιν του βασί (?). Нач.: Ι(ησοῦς) Χ(ριστὸς) ΝΙΚΑ. Μηχαὶλ καὶ Γαυριήλ | καὶ Рафаήλ ἀστέρας μελανός; κοη.: οὐδὲ γλο | σοφαγiαν οὐδὲ ἐχθρούς, οὐδὲ κακοὺς ἀνδρόπους καὶ εἰς χρίσες | ἀνυπαγi εἰνε κερδμενά.

На л. 10 и 10 об. магические формулы и знаки. Подобный текст см.: Алмазов А. И. Апокрифические молитвы. . ., с. 101—102.

р. 341, 343—344; Я ц и м и р с к и й А. И. К истории ложных молитв, *passim*. Примеры каббалистических букв и некоторые заговоры см. также: Естествознание в средневековья България. — Сборник от исторически извори. От акад. Цв. Кристианов и проф. Иван Дуичев. София, издание на Българската Академия на науките, 1954, с. 536—553. (Българската Академия на науките. Отделение за биологични и медицински науки).

⁶ Эта группа каббалистических букв постоянно встречается в заговорах. См., например: Vassiliev. Anecdota. . ., p. 330. — Слова эти произносит архангел Михаил в апокрифическом сказании о создании мира. См.: Мочульский В. Апокрифическое сказание о создании мира. Одесса, 1896, с. 20 (отдельный оттиск из «Летописи историко-филол. об-ва при Новороссийском ун-те, т. VI. Одесса, 1896, с. 345—364); Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике, ч. II. Сергиев Посад, 1918, с. 73.

Л. 11—11 об. Процветший крест в раскрашенной рамке с надписью: Κ(ύρι)ε Ἰ(η)σοῦ Χ(ριστ)ε Ν(ΙΚ)Α χουλοῦντζ του βασι λατία αωατιασια απαλασία απο παντός ενανταῶ καχός. Ναζάρυτου βασι. Нач.: ὙΑνημα καὶ ἀπάντημα κακῶν συνανάντη | μα αναλόγια; кон.: καὶ Χ(ριστ)ός | να δόσι τῇν ορισμον νῆν, παναγία θ(εο)ύκ | βοήθισον τον δουλον τοῦ θ(εο)ῦ (имя рек).

Заговор против дурной встречи в пути.⁷

Л. 11 об. Без заглавия. Нач.: Πληγχερι σαβαχθανή σαβαχθανή ἤγουν· θεε | μου, θεε μου, μητε κατέλιπες⁸ αγιε υπατῆς βο | γιθισον τον δουλον του θ(εο)ῦ (имя рек) απο πυρετός | τούτος ουκ εἴθει μερινος φεύγε απο | τον δοῦλον τοῦ θ(εο)ῦ (имя рек) σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ά) φ(ό)β(ου) θ(εο)у, αμην.

Заговор против лихорадки.

Л. 11 об.—12. Δοντό πόνος. Οσίων την ὑπουρανον εκ θεμελίον ιδε | σιλια αλευτη ολίγον τῶν ἤλκων· καὶ ουκ ανα τῆς | δεασρόν κατασφραγίζη τον δοῦλον του θ(εο)ῦ (имя рек) | Γράψε καὶ ἄς то κρεμασις τόν προσόπον ὅπου ποιοι то донть.

Заговор против зубной боли. О молитвах против зубной боли см.: Алмазов А. И. Врачевальные молитвы, с. 54—57; Яцимирский А. И. Ложные молитвы, VIII. Молитвы от «зуба» и «червей зубных».

Л. 12. Πᾶς αγγρισινά ντουβᾶ. Ανο ο μαγόλο κατὰ μαγόλο κεφαλοπόνος να | ποδιμός ἔξο καὶ τον δουλον του θ(εο)ῦ (имя рек) εις το | ὄνομα του π(ατ)ρ(ό)ς. . . αμην.

Заговор против головной боли.

Л. 12 об.—13. Του κεφαλοπονος του μίκράνου. Нач.: Εἶπεν ο κ(ύρι)ς· εἰέρχετῶν ὁ μύκранος ἀπόστα καὶ αναχορισαν τον δουλον του | θ(εο)ῦ (имя рек) εις το ὄνομα. . . αμην.

См. подобный текст: Legrand Em. Bibliothèque grecque vulgaire, t. II, p. 17—18.

Л. 13—13 об. Нач.: Καὶ φ. . . λο. . . . Ανε μαγούλα κεφα канτη μαγούλα καιφα | λοπονος δοντόπονος ματοπονος; кон.: ἔξελθε καὶ αναχώρισον α | πο τον δουλον του θ(εο)ῦ (имя рек). Σ(τῶ)μ(εν) κ(α)λ(ῶς), σ(τῶ)μ(εν) μ(ε)τ(ά) φ(ό)β(ου) θ(εο)ῦ.

Заговор против всякой (?) болезни. Текст читается с трудом, многие слова и буквы не читаются.

Л. 13 об.—14. Εἰς πασαν αρροσιαν. Нач.: Δεσποτα παντοκратор, ιατρε ψυχον καὶ | σοματον; кон.: πάσαν αλγιδόνα, πάσαν μάλιστα, πάντα πυρετόν, αμην.

Заговор против всяких болезней. См.: Алмазов А. И. Врачевальные молитвы, с. 102—103, № 6; P r a d e l, S. 260; Требник. М., 1708, л. 198. Молитва на всякую немощь (экземпляр Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде).

Л. 14. Εἰς τον σελινησμενόν. Нач.: Αρμένισα καὶ Τρίφονος, Σιμεών θεωδόχου | τῶν αἰγίων πατόρον Ἰωακίμ καὶ Ἀννης καὶ πάν | τον σου τον αἰγίων να αποδιοξате καὶ αναποкри | вете την κατρηраμένην αρμένισαν (вырван клочок бумаги) οἶκον τούτων καὶ απο τῶν δοῦλον του θ(εο)ῦ, αμην.

О молитве св. Трифону упоминает Алмазов, отмечая «полнейшую неустойчивость ее текста» и называя ее «молитвенным заклинанием». Текст нашей рукописи совершенно отличается от текстов, напечатанных Алмазовым. См.: Алмазов А. И. К истории молитв на разные случаи, с. 27—30, 47—50; см. также M a r t i n i E. Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane, vol. 1, parte 1. Milano, 1893, p. 109—119; Сборник медицинских сочинений XVI в. Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Τρύφωνος.⁹

⁷ В списках отреченных книг упоминается книга «Путник», по которой гадали о встречах в пути. См.: Гранстрем Е. Э. Греческий оригинал отреченной книги Путник. — ТОДРЛ (Пушкинский Дом), т. XXIV, 1970, с. 72—74; «Молитвы в путь идущим и на суд идущим» см.: Яцимирский А. И. Ложные молитвы, X.

⁸ Евангелие от Матфея, XXVII, 46.

⁹ В Метафрастовом житии св. Трифона упоминается об изгнании им нечистого духа из дочери императора Гордиана (238—244). Заклинания св. Трифона встречаются в болгарских рукописях, см., например: Стоянов М., Кодов Х. Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна Библиотека, III. София, 1964, с. 161.

Л. 14 об.—15. Без заглавия. Нач.: Ο θεός ὁ κυριος ο. . . τῶν ἐπουρανι-
ος ο πιγитης (ποιτητής. — *Ε. Γ.*) | ουρανον και γῆς και πάντα τα καταχθονια;
кон.: απο п́σαν ασθενιαν сатаниκην ἐνέργиαν | , αμην.

Заговор против всякой болезни.

Л. 15—15 об. Без названия. Нач.: Τον θεον επεκαλεσαμην την υπεραγι|ν
θεωτόκου ενотισάμην; кон.: καταλαλή κατὰ καταργιθίνε απο τον δουλον του θ(εο)υ
(имя рек).

Л. 15 об.—16. Απορκισμος (одно слово вытерто) τα δὲ ονόματα βοηθοῦν
και απελαύνον п́σαν νόσον και | п́σαν μαλακύν νισίν ουτος, ἄγι | ος κύριος Σαβ-
αώθ, Μηχαήλ, Γαυρι | ήλ, "Ιλλω, Ουρουήλ, και Рафаήλ, Αγαθοήλ και | "Ιωήλ,
Ανania, Αζαρία και Μισαήλ και Δα | νιήλ ο προφитης και ο ἐνδοξος και θαυμα-
τουρ | γος και ισαποστολος Αβέρκιος και πάντες | ἄγιον ἄγγελη του κυρίου ημων
Ι(ησοῦ)ς Χ(ριστὸς) και η | ἄριοι της ηκουμένις, βοηθοῦν φρουρόν ο κεποι | το ἄγιον
φιλαχτήριον εις τους αἰῶνας, αμην.¹⁰

Л. 16—16 об. Της ακαθαρτου γίλους της λεχούσις. Нач.: "Ως εκατήρχεω
εκ τον ουρανόν αρχαγγε | λος Μηχαήλ και ηπηντησεν του ακαθαρ | τον. πνεύμα;
кон.: και νῆν πιγισον (ποίησον. — *Ε. Γ.*) | γινεκόν πληγῆς και κακού αυτείς καρδιά.

Этот текст отчасти напоминает текст, напечатанный Леграном (с. XVIII—
XX) под названием Τῆς γυλλοῦς.

Л. 16 об.—18. Ευχη της ακαθαρτου γίλους της λεχουσις. Нач.: "Ως εκατη-
ρχεω ο αρχαγγελος Μηχαήλ; кон.: φευξομε απο τον ηχον | εκηνον μιλιατραν τα
και επι τον δουλον του θ(εο)υ (имя рек).

См.: Pradel, S. 275—276.

Л. 18—20 об. Τεκνοπιγiαν της λεχουσις. Нач.: Ος περιπατησα ημων ο κυριος
και θεος | ημων περαν Ιωρδανου απηνητησεν | τον μηκρανον την μιарάν; конец утра-
чен, обрывается: και αλαλα κατε | με αποκτινω και στην κυλιαν τον μητρονε.

Л. 21—22. Конец какого-то заговора: ουτος οиноι τον εκτετηναγμενον μαχα-
ριος ος πλη | ροσι της επιθιμιαν αυτου εξ αυτου ου κατησχην | θησοντε οταν λαλοσι
της εχθρης αυτον εν ποιεας.

Далее выписаны псалмы 92-й и 23-й. Перечень употреблявшихся при
заговорах псалмов см.: Legrand Em. Bibliothèque grecque vulgaire,
t. II, p. 20—24 (ψαλμοι ὠφέλιμοι εις πᾶν πρᾶγμα).

Л. 22—24 об. ευχαι τον αγιον. Нач.: Αγιε προφита Ηλια βογιθ μη, αγιε
Μινα | βογιθι μοι, αγιε Νικολας; кон.: ησεπτη εκλίσια | θεοπρεπος μελπι | ανακ-
ραζουσα εκ δι|ανιας καθαρας | εν κ(υρί)ω εωρ|ταζουσα.

Л. 25—27 об. Ευχη εις п́σαν ασθενιαν. Нач.: Δεσποτα κ(υρί)ε ο θεος ημων
υ κρατον τα παν | α και κυβερνον; кон.: Ινα ληθοσιν και αφερεθουσιν και φευζοντε
απο τον δουλον του θ(εο)υ (имя рек).

Л. 28—33. Заставка. Προεухη και φιλαхτηριον του κ(υρί)ου και θ(εο)υ και |
και σотυρος ηмон Ιησοу Χ(ριστου) και του αγιου μεγα | λομαρτυρος Γεωργίου. Еиς
п́σαν ασθενιαν. Нач.: Γιαрапиμ αλλαхларην αλλαχη пηζηβς; кон.: Νασιλ τζου-
μλεμῆς σετζτε етарῆς βε|ρεσιν. ηντη που χουλουουν. . . αμην.

Несколько листов этого текста утрачено. Текст написан греческими
буквами, непонятен, встречаются греческие и тюркские слова. О непонят-
ных словах в заговорах и апокрифических молитвах см.: Я ц и м и р -
с к и й А. И. Ложные молитвы, passim.

Л. 33 об.—35. Заставка. Без заглавия. Нач.: Δια του μονογενοῦ σου ιωιου
Μανοηλ ο εστι με|θερμινευμενον μεθ ημων ο θ(εὸς); кон.: ινα ληθοσιν η κακ|α
αυτον και μιχων εξουσιαν ι εν λογο ι εν εργω προ|σεεγγησε τον δουλον του θ(εο)υ
(имя рек).

Л. 35—35 об. Без заглавия. Нач.: Ενα καμε μαχιαν της γαρ σινι θελικο |
απο τον ευδομικοντα; конец утрачен, обрывается на словах: τον αγιον μαρτη-
ρον γικεκων Θε|κλας της προτομαρτυρας ησαν οδίας η οστιανης.

¹⁰ Обращаю внимание на то обстоятельство, что демон Гиллу имеет 11 с поло-
виной имен, которые «обратились в имена столько же демонов-трясавиц русских
заговоров». См.: Веселовский А. Н. Заметки к истории апокрифов, I. — В дан-
ном заговоре перечислено 12 имен.

Л. 36—44 об. Заставка. Без заглавия. Нач.: Κυριε ο θ(ε)ς ο δυνατος ο κρατων τα παντα και κυβερνων, αγιος και δεδοξας | μενον; конец не читается, читаются слова: οπου εαν ενι το βιβλιων ετουτω ου μι πλιστασι εκν | (ε)κεϊ. — *Е. Г.*) κακον πν(ε)μα понирон, αγие Ιωαννη ελεησον, αμην.

Л. 45—50. Заставка: Ευχη εις αρωστον πανу οφιλιμος. Нач.: Δεσποτα κυριε ο ιατρος τον νοσουντον; заключительная формула не читается.

См.: Vassiliev A. Anecdota. . . , p. 323—327.

Л. 50 об.—51 об. Заставка. Προσευχη και φυλαχτηριον του κυριου και θεου | και σωτηριωс ημων Ι(η)σου Χ(ρισ)του και του αγιου μεγα | λομαρτυρος Γεωργιου προς συναντημα πο | νηρων και προς μαγiαν και απλος ητην εις | εργων αγαθον, ωρα αγαθη κ(υ)ριε Ι(η)σου. Ο θ(ε)ς ο θ(ε)ς ημων ο των ου(ρα)νων και την | γην και την θαλασσαν και παντα τα εν | αυτων ποιησας; конец утрачен, обрывается на словах: αι παρθενου Μαρiας κατα την | μητερα του θ(ε)ου сαι ορκιζω εξελθαι понирων.

Л. 52—52 об. В рамке с крестом заклинание, текст не читается. В конце упоминается св. Никандр. Имя этого святого названо также в молитве, напечатанной А. И. Алмазовым (Апокрифические молитвы. . . , с. 86, № 3). Далее под заглавием ἀφορκισμός написано начало двух заговоров с пометой ζητη/ζήτει «ищи»,¹¹ но где эти заговоры следует искать, не сказано; очевидно, переписчик не понял значения этих отсылок.

Л. 52 об.—53. Ευχη της φαλμοχαρας. Нач.: Ω θεος ο αγιος, αποστρεφον οργην και θυμον ο και εν Σαμοηλ; кон.: διοξον, αγιοι παντες, πασαν κακον απο τον | δουλον του θ(ε)ου (имя рек).

Л. 53—53 об. Αφορκισμος της λοχουσις. Нач.: Και οι αγιοι του θ(ε)ου περιπατουντες εις кампон; кон.: αγие проφита Δανιηλ, | φριξον και παυσον παν κακον και πυρασμον και | дос βοηθια τον δουλον του θ(ε)ου (имя рек).

Л. 53 об.—55. Заставка. Αφορκισμος του γιμιτκρανου. Нач.: Ω κυριος ημων Ιησους Χριστος еπεριπατην | περαν Ιωρδανου; кон.: тας ασθενιας ημων δορεαν λαβετε και | δοτε εν ονοματι του π(α)τρ(ό)ς. . . αμην.

См.: Pradel, S. 267—268.

Л. 55 об.—57 об. Заставка. Ευχη της μιарις γιλουс της λοχουσης. Αφορκισμος της μιарις γιλουс. Нач.: Ωс ακατηρεστον εκ του ουρανου Μηχαηλ αρ | χαγγελος και περιφερε των πολλης ηπεταξεν | το ακαθαρτον πν(ε)μα; кон.: και αναχορισον φιγαδευθητη αποου του δουλου του θ(ε)ου | εις τω ονομα. . . αμην.

См.: Catalogus codicum astrologorum graecorum, т. XII. Codicos Rosicos descripsit M. A. F. Šangin. Bruxelles, 1936; p. 27, Cod. 4, f. 23.

Л. 57 об. Ευχη των αγιον πανт(ων). | Нач.: Πιστευω ει(с) ενα θεον; кон.: τον δουλον του θ(ε)ου.

Л. 58—59. Выписки из 6-го, 39-го, 40-го, 50-го, 56-го, 77-го, 87-го, 90-го и 114-го псалмов. См.: Le g r a n d Em. Bibliothèque grecque vulgaire, t. II, p. 20—24 и выше.

Л. 59 об.—60 об. чистые.

Л. 61 наклеен на внутренней стороне нижней крышки переплета, текст не читается.

E. E. Granström

TO THE HISTORY OF GREEK CHARMS AND APOCRYPHAL PRAYERS IN BYZANTINE LITERATURE

The article contains the description of unknown Greek manuscript of charms which is kept in Lvov. There are some parallels with Slavonic-Russian texts.

¹¹ Обычная форма библиографической отсылки в византийской письменности. Встречается в Τιπουκειτος, в месяцесловах и т. п.

СИРИЙСКИЕ ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ СБОРНИКИ ИЗ МАТЕНАДАРАНА

В коллекции иноязычных рукописей Матенадарана сирийский фонд занимает скромное место: он насчитывает лишь девять единиц хранения. Небольшие размеры собрания долго не вызывали к нему интереса ученых-сирологов, но поскольку мировой фонд сирийских рукописей не так уж велик, то существовала настоятельная необходимость учесть и хотя бы кратко описать его ереванскую часть. В 1974 г. сотрудник Матенадарана Л. А. Тер-Петросян составил краткое описание фонда сирийских рукописей Матенадарана, и ученые получили возможность представить состав имеющихся в Ереване сборников.¹

Среди сирийских рукописей, хранящихся в Матенадаране, интерес вызывают сборники, содержащие тексты особого рода средневековой апокрифической литературы — молитвы, заклинания и заговоры. Этот раздел отреченной письменности разнообразно представлен во всех литературах византийского культурного круга — греческой, славянских, эфиопской и др. — и имеет своими истоками, с одной стороны, языческую магическую практику, начиная от классических стран «тайных наук» — Вавилона и Египта,² а с другой — каноническую и традиционную христианскую литературу — молитвы, легенды и агиографические тексты.

Существует значительная литература, посвященная изданию и исследованию заклинительных текстов. Это труды Б. А. Тураева и И. Ю. Крачковского — об эфиопских,³ А. Васильева и А. И. Алмазова — о греческих,⁴ Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни и др. — о славянских заговорах;⁵ в работе С. Б. Чернецова⁶ сделаны некоторые теоретические обобщения относительно данного явления, характеризую-

¹ Тер-Петросян Л. А. Сирийские рукописи Матенадарана. Ереван, 1974, 9 с. (Машинопись). — Машинописная копия была любезно прислана нам автором. Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность директору Матенадарана академику Л. С. Хачикяну, предоставившему мне возможность ознакомиться с сирийскими рукописями, а также выславшему необходимые для работы микрофильмы сирийских рукописей.

² Тураев Б. А. Эфиопские *orationes falsae* и *exorcismi*. — Берлин, 1899, с. 242 (отдельный оттиск).

³ Тураев Б. А. 1) Эфиопские *orationes falsae* и *exorcismi*, с. 242—267; 2) Абиссинские магические свитки. — В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, с. 176—201; Крачковский И. Ю. Абиссинский магический свиток из собрания Ф. И. Успенского. — Докл. АН СССР, 1928, с. 163—167.

⁴ Vassiliev A. *Anecdota graeco-byzantina*, p. I. M., 1893, p. LXII—LXVII, 323—345. Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры. (К истории византийской отреченной письменности). Одесса, 1901.

⁵ См.: Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания. — Русский филологический вестник, вып. 1. Варшава, 1902, с. 7—40.

⁶ Чернецов С. Б. Эфиопские магические свитки. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. истор. наук. Л., 1974.

щего культуру всякого средневекового общества. Магическая литература есть выражение особого «двоеверного» мировоззрения, возникшего в народном сознании «как результат своеобразной переработки новых христианских идей на основе прежней магической идеологии».⁷

Заклинательные сборники в собраниях сирийских рукописей встречаются чрезвычайно редко. Это отметил уже первый издатель сирийских текстов подобного содержания — Г. Голланч.⁸ В начале XX в. он опубликовал два сирийских сборника из собственного собрания. Для сравнения Г. Голланч привлек текст аналогичной рукописи из собрания Кембриджского университета,⁹ а также сопоставил все имеющиеся в его распоряжении тексты с рукописью Британского музея.¹⁰ Позднее Н. В. Пигулевская обнаружила в составе коллекций сирийских рукописей ИВ АН СССР и ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина еще два сирийских заклиательных сборника. Она сделала подробное постатейное описание рукописей, а тексты заговоров сверила с изданными в книге Г. Голланча.¹¹

В числе сирийских рукописей собрания Матенадарана имеются четыре ранее неизвестных заклиательных сборника — № 10 и 19 коллекции иноязычных рукописей, а также № 72, под которым, как выяснилось, хранятся отрывки двух разных рукописей.¹² Немаловажным достоинством новых рукописей является то, что две из них (№ 10 и 72a) содержат датированные их приписки, это позволяет с несомненной точностью отнести их ко времени более раннему — середине XVIII в., чем сборники, изданные Г. Голланчем.¹³ Более ранние сирийские рукописи, содержащие заговоры, до нас, видимо, не дошли. Сходное явление наблюдается в греческой и славянской письменности, где заговорные тексты сохранились в довольно поздних рукописях. Это объясняется тем, что переписка и распространение магической литературы всегда расценивались официальными властями как недостойное суеверие, а рукописи с заговорами уничтожались. Кроме того, сохранности таких сборников не способствовало их усиленное практическое использование, когда они становились предметом повседневного быта.

Сирийские заклиательные сборники Матенадарана представляют две разновидности внешнего оформления текстов магической литературы — кодексы, небольшого формата книжечки, и свитки, также небольшие по своим размерам. И те и другие предназначались не для чтения, поскольку обычно имели распространение в малограмотной среде, а прежде всего для ношения их человеком в качестве амулета, предохраняющего от несчастий. Свиток является древнейшей формой для сборника заклиательных текстов и восходит еще к старой магической практике, когда существовало убеждение, что свернутый в таком виде заговор не подвергается внешним неблагоприятным воздействиям и тем самым приобретает большую силу. Амулеты-книжечки в целях лучшей сохранности обычно вкладывались в вышитые футляры.

⁷ Там же, с. 11.

⁸ Gollancz H. *The book of Protection being a Collection of Charms*. London, 1912.

⁹ Wright W. *Cambridge University Library Catalogue of Syriac manuscripts*, vol. II. Cambridge, 1901, p. 1214—1215.

¹⁰ Gollancz H. *The book of Protection*..., p. 93—103.

¹¹ Пигулевская Н. В. *Каталог сирийских рукописей Ленинграда*. — Палест. сборник, вып. 6 (69), 1960, с. 124—130.

¹² См.: Тер-Петросян Л. А. Сирийские рукописи Матенадарана, с. 7. — О том, что отрывки принадлежат разным рукописям, свидетельствует различие почерков, а также то, что второй отрывок полностью огласован, в то время как в первом огласовка вообще отсутствует. Мы обозначаем отрывки № 72a и 72b.

¹³ Из всех известных в настоящее время рукописей лишь одна датирована точно (1802—1803 гг.). См.: Gollancz H. *The book of Protection*..., p. X. — Датировки всех остальных были приблизительными, основанными лишь на палеографических данных.

Заклинательные рукописи Матенадарана неравноценны. Одна из них — кодекс № 10 — представляет собой почти полностью сохранившийся сборник, мы можем отметить в нем утрату лишь одного листа. Более того, в ней некоторые статьи переписаны дважды — это анафема мар Зайа (№ 11 и 40 описания) и заговор раны в боку (№ 10 и 36). В обоих случаях тексты того и другого заговора отличаются друг от друга, так что, вероятно, переписчик считал необходимым привести оба варианта. Многие тексты этого сборника сопровождаются рисунками (четыре евангелиста, Георгий и змей), сделанными в примитивной манере. Второй кодекс не имеет ни начала, ни конца, написан более небрежным почерком и не завершен в своем внешнем оформлении, так как зачастую заголовки, для которых оставлено место, не написаны. В нем всего лишь два рисунка. Тексты свитков также фрагментарны, в первом не хватает начала, во втором нет начала и конца. Тем не менее второй свиток представляет несомненный интерес, поскольку это первый заклинительный текст, полностью вокализованный несторианской системой огласовки.

Набор заклинательных текстов, помещенных в сборниках Матенадарана, почти соответствует уже известному по рукописям, изданным Г. Голланчем. Если прибегнуть к условной классификации,¹⁴ то можно выделить несколько разрядов заговоров.

Самую большую группу составляют медицинские, врачевательные заговоры: анафема любой боли и болезни, заговор раны, анафема чумы, заговор крови, текущей из носа, заклинание, помогающее при трудных родах, заговоры лихорадки, больных зубов, головной боли и др.

Вторую группу встречающихся в магических сирийских сборниках текстов можно определить как хозяйственно-бытовые заговоры — овец и скота от волков, заговор хлеба от огня, пшеницы и полей от птиц, заговор коровы, заговор молока и масла, заговор богатства и достатка в доме.

Третью группу составляют заговоры, обеспечивающие человеку благополучие в различных делах: заговор властителей и эмиров, заговор несправедливых судей, заговор для путешествия и для торговых дел, заговор для человека, который отправляется в дорогу, заговор различного оружия, холодного и огнестрельного, заговор перед началом охоты и др. Кроме этих, уже известных по изданию Г. Голланча текстов, рукописи Матенадарана содержат несколько новых: заговор злого дьявола (№ 10, 20), анафема мар Абд Ишо, анафема мар Киприана и анафема Симона Кефы, три последних текста содержатся в свитке № 726 и предназначены для женщин, у которых из-за демонов не выживают дети.

Сравнение новых текстов с опубликованными статьями привело к выводу, что в большинстве своем они далеко не идентичны им, а являются их вариантами, близкими им в большей или меньшей степени.

По своим функциональным разрядам заговоры, представленные в сирийских рукописях, не отличаются от магических текстов, имеющих в других литературах — греческой, славянских и т. д. Эти тексты охватывают все стороны повседневной жизни простого человека, призваны защитить его от несчастий, как природных, так и социальных. Все сборники включают по нескольку статей, призванных защитить от властителей, эмиров, неправедных судей.

Формальный строй сирийских заклинательных текстов также характерен для такого рода произведений. В состав заклинаний непременно включаются элементы традиционной литературы — строки из Псалтири, евангелий, литургические формулы, молитвы, различные библейские реминисценции. Однако сирийские заговоры имеют и свои специфические черты. Так, в качестве лиц, от имени которых написаны заклятия, выступают святые, канонизированные лишь в несторианской церкви — Хор-

¹⁴ О различных способах классификации заговоров и их условности см.: Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги..., с. 120—126.

мизд, Абд Ишо. Закрытие, заговаривающее пасть волка, связано с пророком Даниилом. Библейский эпизод, повествующий о пребывании Даниила в львином рву (кн. Дан., гл. 6), был особенно популярен у сирийцев-несториан. Это, видимо, объясняется тем, что события книги Даниила происходят в южной Месопотамии, т. е. как раз в тех местах, которые стали центром распространения несторианства, где размещалась резиденция несторианских католиков.

Интересны приписки, содержащиеся в сборнике № 10 и свитке № 72а. Из них мы узнаем о месте и времени написания рукописей. Географические названия, упомянутые в них, легко отождествляются благодаря карте и подробным описаниям местности, сделанным английским путешественником Д. Бэдджером, посетившим в начале XIX в. области, населенные несторианами. И книжечка, и свиток происходят из Гавара, области, находившейся у озера Урмия, из селений, относящихся к этому административному району — большего, насчитывающего по указанию Д. Бэджера 20 дворов — Пирзалан, и меньшего — из 15 дворов — Гагоран.¹⁵ Селение Алсан, из которого родом писец рукописи № 10, относится к области Джелу, располагавшейся восточнее Гавара.¹⁶

В рукописях сохранились имена их переписчиков — священников Суллака¹⁷ и Абд Ишо. Согласно сообщению Д. Бэджера, переписка подобных магических сборников составляла статью дохода для местного духовенства, которое продавало изготовленные рукописи жителям окрестных деревень.¹⁸

Такое явление не следует считать удивительным. Исследователи уже не раз отмечали тот факт, что создание апокрифических сочинений, толкующих и дополняющих традиционные тексты и непризнанных официальной идеологией, зародилось в среде низшего духовенства.¹⁹ Такие произведения вбирали в себя многое из народного поэтического творчества, частных особенностей быта. Сирийские заклинательные тексты, соединившие в себе элементы канонической литературы с народным их пониманием и перевоплощением, представляют интерес для историка литературы этой своей фольклорной стороной, а для этнографа — как неотъемлемая черта быта сирийцев в средние века.

Далее дается постатейное описание сирийских заклинательных сборников из собрания Матенадарана.

№ 10 — Коллекция иноязычных рукописей Сборник заклинаний.

Бумага, 11×8 см, 46 листов. Бумага с филигранями — три полумесяца.²⁰ Рукопись написана в один столбец, содержащий 17 строк. Почерк несторианский, с редкой огласовкой несторианского типа и отдельными диакритическими точками при согласных буквах. Заголовки выполнены торжественным унциальным письмом эстрангело, киноварью. Рукопись датируется, согласно приписке на л. 43, 1749 г. Переплет — дощечки, обтянутые кожей.

Содержание сборника.

¹⁵ Badger G. P. The Nestorians and their rituals, t. I. London, 1852, p. 397—398.

¹⁶ Ibid., p. 396.

¹⁷ Имя этого писца упоминается также в приписке к рукописи 1761 г. из собрания Берлинской библиотеки: Sachau E. Verzeichniss der syrischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1899, № 50, S. 178.

¹⁸ Badger G. P. The Nestorians. . . , t. I, p. 239—240.

¹⁹ Ветухов А. Заговоры, заклинания, обереги. . . , с. 83—84.

²⁰ Подробнее см.: Пигулевская Н. В. Каталог сирийских рукописей Ленинграда, с. 208—210 (Филиграния сирийских рукописей). — Бумага с такой филигранью бывает как европейского происхождения, так и восточной выделки. Н. В. Пигулевская отмечает 4 сирийские рукописи с тремя полумесяцами, происходящие из Урмийской области.

1. Л. 1 об.—2. ... **ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܝܢ ܕܡܬܐ** — вступление. Молитвенное обращение к богу (Отче наш). Первые 7 строк не совпадают с начальным текстом рукописи А, опубликованной Голланчем, но затем тексты идентичны.

2. Л. 2—2 об. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — молитва Адама. Текст несколько длиннее, чем его аналогичный вариант, опубликованный Голланчем — А, § 2.

3. Л. 2 об.—3 об. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — молитва ангелов. Текст длиннее, чем у Голланча — А, § 3.

4. Л. 3 об.—л. 5 об. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — анафема евангелия, необходимая при любой боли и любой болезни. Это заглавие вписано в рамку. Начало текста — первые строки Евангелия от Иоанна — вписано в разграфленные клетки, совпадает с текстом Пешитты. Далее текст статьи отличается от изданного Голланчем — А, § 4. Л. 5 — рисунок, изображающий четырех евангелистов. Подписи — **ܡܬܬܐ ܕܡܬܐ ܡܬܬܐ ܡܬܬܐ**, **ܡܬܬܐ** — Маттай, и Маркос, и Лука, и Иоханнан. Отличается от рисунка, представленного в рукописи Голланча — А, р. 4.

5. Л. 5 об.—6 об. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — анафема мар Георгия, славного мученика, необходимая при страхе и ужасе. Текст имеет некоторые отличия от изданного Голланчем — А, § 5; В, § 8. Ближе всего к тексту С, § 2. Конец текста, примерно 13 строк, отсутствует. Л. 6 об. — рисунок, изображающий единоборство Георгия со змеем. Подписи: **ܡܬܬܐ ܕܡܬܐ ܡܬܬܐ** — это мар Георгий, мученик; **ܡܬܬܐ ܕܡܬܐ ܡܬܬܐ** — это большой змей. Рисунок отличается от изданных изображений — Голланч, А, р. 6; Н. В. Пигулевская. Каталог... , с. 125.

6. Л. 7—8. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — (заговор для того, кто предстанет) перед властителем. Начало, примерно 7 строк, отсутствует. Оно утрачено с концом текста анафемы мар Георгия. Содержание ближе всего к А, § 6. Л. 7 — в нижнем поле листа имеется знак сирийской пагинации **ܡ** — 2, который, однако, не соответствует счету страниц рукописи.

7. Л. 8—9. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — (заговор для того, кто предстанет) перед несправедливыми властителями и судьями. Текст ближе всего к варианту А, § 7. Л. 8 об. — рисунок, изображающий правителя, сидящего на троне. Подписи: **ܡܬܬܐ ܕܡܬܐ ܡܬܬܐ** — это властитель; это царь или судья сидит на троне и вершит суд.

8. Л. 9—11 об. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — анафема мар Павла, необходимая тому, кто предстанет перед судьей. Среди изданных Голланчем текстов подобного нет. Аналогичный текст есть в сборнике, описанном Н. В. Пигулевской (Каталог... , с. 126). Л. 10 об. — рисунок — цветок в круге, окантованном рамкой с геометрическим рисунком.

9. Л. 11 об.—12. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — заклятие языка любого человека.

10. Л. 12—12 об. **ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ ܕܡܬܐ ܐܬܗܠܝܬ** — анафема царя Соломона, необходимая при ране в боку. Текст пространнее, чем аналогичный его вариант — А, § 10.

11. Л. 12 об. — 13 об. **ܐܢܐܬܐ ܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — анафема мар Зайа, необходимая при чуме. Текст имеет незначительные расхождения с опубликованным у Голланча — р. 103. Л. 13 — рисунок, изображающий мар Зайа и чуму. Подписи: **ܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — это мар Зайа; **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — это чума и волдыри. Рисунок близок к опубликованному Н. В. Пигулевской (Каталог. . . , с. 125).

12. Л. 13 об. — 14 об. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) на всякую болезнь. Текст незначительно отличается от напечатанного — А, § 11.

13. Л. 14 об. — 15 об. **ܐܢܐܬܐ ܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — анафема мар Фомы, действенная для духа лунатиков. Заглавие дается в рамке. Текст не вполне соответствует изданному — А, § 12. Л. 14 об. — сирийская пагинация — ܐ (2) не соответствует действительному счету страниц рукописи.

Л. 15 — сирийская пагинация — ܐ (3).

14. Л. 15 об. — 16. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) духа, который сжимает сердце.²¹ Текст не соответствует изданному — А, § 20. Л. 15 об. — заставка с геометрическим рисунком.

15. Л. 16 — 16 об. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) крови, текущей из носа. Текст не совсем соответствует изданному — А, § 49.

16. Л. 16 об. — 17. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) для женщины, у которой трудные роды. Заглавие дано в рамке. Текст написан вертикально. Не соответствует изданному — А, § 43.

17. Л. 17 — 17 об. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) чумы у овец и людей. Не соответствует изданному — А, § 26.

18. Л. 17 об. — 18 об. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) для скотины, чтобы не настиг ее злой глаз. Не соответствует изданному — А, § 39.

19. Л. 18 — 20. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) головной боли. Не соответствует изданному — А, § 13. Л. 19 — пробы пера на поле листа.

20. Л. 20 — 20 об. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) злого духа. Не имеет соответствий среди изданных текстов.

21. Л. 20 об. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — (заговор) лихорадки всякого рода. Соответствует А, § 28.

22. Л. 21 — 23. **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — заговор стрел и мечей и всяких военных принадлежностей. Соответствует А, § 9. Л. 21 об. — рисунок, изображающий различные виды оружия. Отличается от изданного — А, р. 15. Подписи: **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — это мечи. Л. 22 об. и 23 — сирийская пагинация ܐ и ܐ, не соответствующая действительному счету страниц.

²¹ Толкование заглавия этой статьи вызывает сомнение. Г. Голланч предложил двойной перевод: первый — дыхание сердца, судорога сердца; второй — дух сердца. Последнее возможно потому, что, согласно древнему восточному обычаю, имеющему халдейско-вавилонское происхождение, каждая болезнь человека является следствием воздействия определенного демона. Г. Голланч в английском переводе использовал первый вариант. Однако заглавие в нашем сборнике — **ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ ܕܡܪ ܕܐܝܬܐ** — делает более вероятным второй вариант перевода: духа, который сжимает сердце. Греческое название аналогичной по содержанию статьи *εἰς πόνον καρδίας* — на боль сердца. — Алмазов А. И. Апокрифические молитвы. . . , с. 96.

36. Л. 34—34 об. **հայտ կարօյտ** — (заговор) раны в боку. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 10.

37. Л. 34 об.—35. **հաս թ ինչիւն իւր** — заговор дома от воспламенения.

38. Л. 35—35 об. **կայիւ թ ինչիւն իւր** — заговор хлебов от огня. Отличается от опубликованного — А, § 48.

39. Л. 35 об.—36 об. **լիւստիւն թ ինչիւն իւր** — заговор пасти бешеных собак господина нашего Хормизда. Отличается от опубликованного — А, § 24. Л. 36 — рисунок, изображающий Хормизда и собаку. Подписи: **հալա օր կար կոտ** — это лев или собака; **կար** — лев. Л. 36 — в нижней части листа пробы пера.

40. Л. 36 об.—37 об. **հփաշիւն արիւն կապիւ կալ, ինչիւն կոտ** — анафема мар Зайа блаженного, действующая на волдыри и чуму. Отличается от опубликованного — р. 103. Л. 36 об. — рисунок, изображающий мар Зайа и чуму.

41. Л. 37 об.—38 об. **կայիւ թ կար կայիւ** — (заговор) мира одного человека с другим. Отличается от опубликованного — А, § 18.

42. Л. 38 об.—39. **հոտիւն կայիւն հոտիւն** — (заговор) расположения всех людей. Отличается от опубликованного — А, § 40. Л. 39 — внизу листа заставка с геометрическим рисунком.

43. Л. 39 об. **հայտ կար թ ինչիւն** — (заговор) пшеницы, чтобы не ели ее вредители. Отличается от опубликованного — С, § 6.

44. Л. 39—40 об. **հոտիւն հոտիւն հոտիւն** — заговор спокойствия в доме. Отличается от опубликованного — А, § 30.

45. Л. 40—41. **իւրիւն կայիւն իւրիւն** — (заговор) злых (людей), чтобы они не резали других и были благожелательны. Заглавие помещено в рамке с геометрическим рисунком.

46. Л. 41—42. **հայտ թ ինչիւն իւր** — заговор пшеницы и полей от птиц.

Л. 41 об. — сирийская пагинация — Թ—5.

47. Л. 42. **հոտիւն օր ինչիւն հոտիւն** — (заговор) коровы, которая набрасывается на своего теленка или на свою хозяйку. Отличается от опубликованного — А, § 24. Л. 42 — сирийская пагинация — օ — 6.

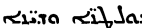
48. Л. 42 об.—43. **հայտ կարիւն հոտիւն** — заговор молока и масла. Л. 43 — заставка с геометрическим рисунком. На этом листе помещается приписка, в которой содержится дата завершения рукописи.

իւրիւն կայիւն իւրիւն հոտիւն հոտիւն
իւրիւն կայիւն իւրիւն հոտիւն հոտիւն
իւրիւն կայիւն իւրիւն հոտիւն հոտիւն
իւրիւն կայիւն իւրիւն հոտիւն հոտիւն

«Закончена эта книжечка в области верхний Гавар, в селении Пирзалан, в год 2060 греков (1749 г.), руками слабыми, грешными и недостойными

священника Суллака, сына отца его мар Иоханнана, епископа Адорбайгана, родом происходящего из селения Алсан. Аминь».

49. Л. 43 об.—44. — конец.

50. Л. 44 об.—45. — (заговор для того, кто находится) перед правителями и судьями. Перед заглавием помещена заставка с геометрическим рисунком. На листе сирийская пагинация — Կ — 1. Л. 45 — рисунок — цветок в рамке с геометрическим узором.

№ 19 — Коллекция иноязычных рукописей

Сборник заклинаний.

Бумага, 8×5.5 см, 46 листов. Рукопись написана в один столбец, содержащий 13 строк. Почерк несторианский, без огласовки. Заголовки выполнены киноварью, в некоторых случаях заголовки отсутствуют, но для них оставлено место. Рукопись не имеет ни начала, ни конца. По почерку ее можно датировать XVIII в. Переплет картонный. Рукопись хранится в вышитом футляре.

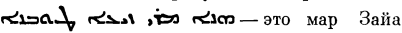
Содержание сборника.

1. Начало текста и заглавие статьи отсутствуют, л. 1—2 об. повреждены. Судя по содержанию, статья содержит заговор от «любой болезни». Отличается от опубликованного — А, § 4.

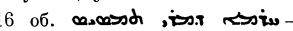
2. Л. 3—6 — (заговор для того, кто предстанет) перед властителями. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 6. Л. 3—5 повреждены. Л. 3 — перед заглавием заставка с геометрическим рисунком.

3. Л. 6—7 об. — (заговор для того, кто предстанет) перед властителями. Соответствует опубликованному — А, § 7. Л. 7 — на нижнем поле листа пробы пера; на боковом — владельческая помета.

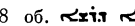
4. Л. 7—11. После заставки оставлено место для заглавия, но оно не вписано. По содержанию — заговор для человека, который идет к судье. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 8. Л. 11 — рисунок, изображающий царя Соломона. Подпись: — это мар царь Соломон.

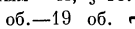
5. Л. 11 об.—12. Заглавия нет, но для него оставлено место. Анафема царя Соломона. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 10. Л. 12 об. — небрежно выполненный рисунок, изображающий человека на коне. Подпись: — это мар Зайа блаженный.

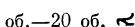
6. Л. 13—14 об. — (заговор) всякой болезни. Соответствует опубликованному — А, § 11.

7. Л. 14 об.—16 об. — анафема мар Фомы. Заглавие написано небрежно и читается плохо, видимо, нанесено начерно. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 12.

8. Л. 16 об.—17. Заставка с геометрическим рисунком. — заклятие языков. Заглавие читается плохо. Отличается от опубликованного — С, § 11.

9. Л. 17—18 об. — (заговор) головной боли. Совпадает с опубликованным — А, § 13.

10. Л. 18 об.—19 об. — (заговор) начала охоты. Не совпадает с опубликованным — А, § 14.

11. Л. 19 об.—20 об. — (заговор), чтобы было людям благополучие и добро. Отличается от опубликованного — А, § 15. Л. 20 — помета на боковом поле листа, вероятно, владельческая запись.

12. Л. 21—22 об. **ܡܝܬܬܐ ܕܥܕܬܐ ܕܝܥܐ** — заклятие ружей и военной машины. Незначительно отличается в конце от опубликованного — А, § 16. Л. 21 — сирийская пагинация — **ܡ** — 5.
13. Л. 22 об.—23 об. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — (заговор) на шатающиеся зубы. Незначительно отличается в конце от опубликованного — А, § 17. Л. 23 — в нижней части листа пробы пера.
14. Л. 23 об.—24. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — (заговор) раны в боку. Отличается от опубликованного — А, § 10.
15. Л. 24—25. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — (заговор) мира людей с другими (людьми). Заглавие читается плохо, видимо, нанесено начерно. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 18.
16. Л. 25—25 об. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — (заговор) духа сердца. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 20.
17. Л. 25 об.—26. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — заговор на исчезновение злого привидения. Текст соответствует опубликованному — А, § 22.
18. Л. 26—26 об. **ܕܥܬܐ** — заговор. Не имеет соответствия среди опубликованных текстов.
19. Л. 27—27 об. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — (заговор) чумы у скота и овец. Соответствует опубликованному — А, § 26. Л. 27 — текст страницы в плохой сохранности. На листе имеется сирийская пагинация — **ܡ** — 6.
20. Л. 28—28 об. Заглавие не вписано. Содержание статьи — анафема архангела Гавриила на дурной глаз. Текст соответствует опубликованному — А, § 23. Л. 28 об. — небрежная заставка с геометрическим рисунком.
21. Л. 29—29 об. Заглавие не вписано. Содержание статьи — заговор для коровы. Текст совпадает с опубликованным — А, § 24.
22. Л. 30—30 об. Статья без заглавия, написано лишь **ܕܥܬܐ** — заговор. Л. 30 об. В конце листа заставка. На странице сирийская пагинация — **ܡ** — 5.
23. Л. 31—31 об. Окончание анафемы мар Георгия, действительной при страхе и ужасе. Начальная часть утрачена.
24. Л. 32 Заглавие не вписано. Содержание статьи — заговор злого языка.
25. Л. 32—33 об. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — заговор лихорадки. Текст отличается от опубликованного — А, § 28.
26. Л. 33—33 об. Заглавие не вписано. Содержание статьи — благословение виноградников и полей. Совпадает с опубликованным — А, § 29.
27. Л. 33 об.—34. Заглавие не вписано. Содержание статьи — заговор спокойствия в доме. Соответствует опубликованному — А, § 30.
28. Л. 34 об.—45. Без заглавия. Содержание статьи — заговор злых людей. Л. 35 — в конце листа заставка.
29. Л. 35 об.—36. Без заглавия. Содержание статьи — заговор для путешествия и для дел. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 31.
30. Л. 36—37 об. **ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ ܕܥܬܐ** — человеку, который отправляется в дорогу. Незначительно отличается от опубликованного — А, § 32.
31. Л. 37 об.—38. **ܕܥܬܐ** — (заговор) шума. Отличается от опубликованного — А, § 33.
32. Л. 38 об. **ܕܥܬܐ** — (заговор) благополучия. Текст дается не до конца. Начало соответствует опубликованному — А, § 34.

33. Л. 39. — заговор скорпионов. Отличается от опубликованного — А, § 38. В верхней части листа — заставка.

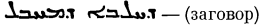
34. 39 об.—40. Без заглавия. Л. 39 об. — в нижней части листа — пробы пера.

35. Л. 40 об.—41 об. — перед властителем.

36. Л. 41 об.—42 об. — перед властителями. Л. 42 об. — рисунок — круг с орнаментом.

37. Л. 42 об.—44. — имена кольца Соломона. Отличается от опубликованного — А, § 41.

38. Л. 44—44 об. — (заговор) для женщины, у которой трудные роды. Отличается от опубликованного — А, § 43. Л. 44 — поврежден.

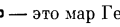
39. Л. 44 об. — (заговор) молока, чтобы оно не испортилось. Отличается от опубликованного — А, § 44.

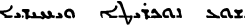
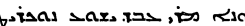
40. Л. 46—46 об. Листы повреждены. Без заглавия. Содержание статьи — заговор пупка. Текст близок к опубликованному — А, § 45. Конец рукописи отсутствует.

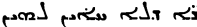
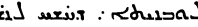
№ 72 а — Коллекция иноязычных рукописей

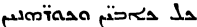
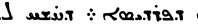
Сборник заклинаний.

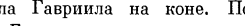
Свиток. Бумага, 258×8 см. Рукопись написана в один столбец. Почерк несторианский, без огласовки. Заголовки выполнены киноварью. Рукопись датируется, согласно приписке, 1755 г. Начало отсутствует.

1. Анафема мар Георгия, действенная при страхе и ужасе. Начало и заглавие текста отсутствуют. Отличается от опубликованного — В, § 8. К тексту имеется рисунок, изображающий Георгия и змея. Подписи: — это мар Георгий мученик; — это большой змей.

2. После заставки: — анафема мар Абд Ишо, монаха и отшельника, действующая на ведьму и всякие болезни. Текст отличается от опубликованного — В, § 7. Рисунок, изображающий Абд Ишо на коне и ведьму. Подписи: — это мар Абд Ишо монах; — это ведьма.

3. : — анафема госпожи Мариам блаженной, необходимая для женщин, у которых не живут дети. Рисунок, изображающий Мариам и Христа. Текст отличается от близкого к нему по заглавию — В, § 6.

4. : — анафема отцов или рай, необходимая для всякой боли и болезни женщин. Отличается от близкой по заглавию статьи — В, § 5. Рисунок, изображающий дерево с птицами и двух людей — рай. Подписи: —

Енох, — Илия. Заставка с геометрическим рисунком. Рисунок, изображающий архангела Гавриила на коне. Подпись: — это архангел Гавриил.

5. — анафема злого глаза. Совпадает с опубликованным — В, § 9. Заставка с геометрическим рисунком. Приписка:

THE SYRIAN MANUSCRIPTS OF PROTECTION IN
MATENADARAN

The article is devoted to the description and research of four unknown formerly syrian manuscripts which are kept in Matenadaran. The manuscripts contain invocations, exorcisms, prayers. Such books are extremely rare in collections.

ИЗ ФОЛЬКЛОРА ЭФИОПСКИХ КНИЖНИКОВ

(одно неопубликованное двустишие
Гондарского периода)

Значительную часть эфиопской традиционной книжной культуры составляет версификаторское искусство Qene. Обучение составлению подобных виршей занимает несколько лет и венчает собою весь курс традиционного монастырского образования. Далеко не все способны овладеть этим искусством, но настоящий книжник (baleqene) может без труда слагать вирши как на церковном языке геэз, так и на разговорном амхарском на любую заданную тему.

Эти вирши пользуются большой любовью и широкой популярностью среди эфиопских книжников, владеющих церковным языком; их знают, пересказывают и помнят даже те из них, которые были составлены столетия тому назад. Таким образом, эти произведения существуют, как правило, в устной форме и представляют собою своеобразный фольклор эфиопских книжников, который отличается от народного устного творчества как своим языком, так и средой бытования. Это обстоятельство в немалой степени затрудняло изучение виршей Qene европейскими исследователями как из-за отсутствия текстов, так и из-за известного недоверия и нелюбви к «франкам» в консервативной среде эфиопского духовенства. В этом отношении весьма показательно то, что первый эфиопский трактат, посвященный Qene, был написан анонимным эфиопским выучеником шведских миссионеров в Монкулло. Впрочем, в последнее время эфиопские ученые прилагают немало сил для собирания и публикации этих виршей, а также для их исследования.¹ Из последних работ европейских ученых, посвященных метрике геэзских стихов, следует выделить труд А. Шалля.²

Значительный интерес представляют также и семантико-синтаксические принципы составления подобных виршей. В рамках предлагаемой заметки, разумеется, невозможно дать даже их беглое описание. Нельзя сказать, чтобы эти принципы были хорошо изучены и описаны. Первый европейский исследователь эфиопского версификаторского искусства Казимир Мондон-Видайе писал в 1907 г.: «Собственно, его целью является создание двусмысленностей путем нарушения синтаксической системы языка, что делает истинный смысл предложения неразличимым под внешней поверхностью, которая также редко отличается большой ясностью».³ Об этом же, хотя и в менее резких выражениях, говорит и эфиопский литературовед Алемайеху Могес: «Qene содержит по крайней мере два значения, а иногда и больше. Поэтому их невозможно перевести на другой язык без

¹ Эта работа ведется главным образом в Институте эфиопских исследований при Аддис-Абебском университете, результаты ее появляются как в публикациях института, так и в материалах периодических Конгрессов эфиопских штудий.

² Schall A. Zur äthiopischen Verskunst. Wiesbaden, 1961.

³ Mondon-Vidaillhet C. Le rhétorique éthiopien. — Journal Asiatique, 1907, t. X, p. 305—329.

коренной ломки или изменения их качества, но в таком случае — это уже не Qene».⁴

Обычно эфиопы называют этот принцип принципом «воска и золота». Золотых дел мастер лепит фигурку из воска, затем покрывает ее сырой глиной и обжигает. Воск плавится и сгорает, а в образовавшуюся форму мастер льет расплавленное золото, получая таким образом золотую отливку — копию восковой фигурки. В виршах Qene тоже есть два смысла, заключенных в одну внешнюю форму: один из них «восковой» (видимый и маловажный), другой же — «золотой» (сокрытый и более существенный).⁵

То обстоятельство, что внешний смысл предложения, по выражению К. Мондона-Видае, «редко отличается большой ясностью», не смущает эфиопских книжников, ищущих смысл внутренних, который они называют еще и «wuste-weyga», т. е. «сердцевина (дикий) оливы».⁶ Однако, чтобы достичь сердцевины и уразуметь скрытый смысл, нередко бывает необходимо не только знать Писание и догадываться о смысле частых библейских аллюзий, но и быть посвященным в жизненные обстоятельства самого стихотворца. Примером этому может служить публикуемое далее двустишие, исторический контекст которого таков. В отрочестве один из сыновей эфиопского царя Иясу I (Великого) (1682—1706 гг.) Бакаффа, сам впоследствии ставший царем и царствовавший с 1721 по 1730 г., обучался в монастыре традиционной книжной премудрости. В это время у него не было надежд на отцовский престол, за который шла борьба между более влиятельными и могущественными претендентами, и Бакаффа жил обычной жизнью монастырского послушника. Однажды Бакаффа отправился со своим приятелем, тоже послушником, по нужде в кусты. И, сидя под кустом, приятель спросил Бакаффу: «Слушай, Бакаффа, а вдруг ты станешь царем?». Это был не такой уж бесосновательный вопрос, так как тогда престол занимал Юст, принявший царское имя Цахай Сагад, не принадлежавший к «Соломоновой династии» и потому считавшийся узурпатором престола. «Все может быть», — ответил Бакаффа, который знал, что на отцовский престол претендует его старший брат, Давид, имевший много сторонников среди феодальной знати. «Ты уж тогда не забудь меня», — попросил послушник. — «Конечно», — ответил Бакаффа.

Прошло много лет. Давид сверг Юста с престола и захотел обезопасить себя от притязаний своего младшего брата, Бакаффы. Он заточил его в крепость Вахни. Однако вскоре после этого царь Давид поссорился с духовенством и казнил многих церковных иерархов. В результате Давида отравили, а на престол возвели Бакаффу. Однажды ко двору Бакаффы пришел странствующий монах и, выйдя вперед, прочел такие стихи:

በግፋ : ሲተርሠኝ : ከተቀየረ : 'ለሌጄ :

እንከ : አበ : አብርሃ። : አንተ : ውበሕሲተ : አብርሃ። : አኝ ::

Перевод

1. «воск» Бакаффа, не забудь, как развелись (болталимы) оба:
Ведь ты — отец Авраама, а я — Авраама жена.

Если вместо слов «отец Авраама» и «жена Авраама» поставить имена отца и жены библейского Авраама (т. е. Тара и Сара соответственно)

⁴ Alemayehu Moges. Geez and Amharic study without Qene is incomplete. — Proc. of the III International Conference of Ethiopian Studies, vol. II. Addis Ababa, 1966, p. 100.

⁵ О роли оппозиции «воска» и «золота» в эфиопской культуре см.: Levine D. Wax and gold: tradition and innovation in Ethiopian culture. Chicago, 1965.

⁶ Дикая олива почитается в Эфиопии чуть не священным деревом. Вырубая лес, эти деревья обычно не трогают. Их древесина отличается большой белизной и твердостью, отчего эфиопские цари употребляли ее для ограды собственных резиденций (см. «Хронику Зара Якоба» в кн.: Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Л.—М., 1936, с. 63 и 75). Однако простые смертные не решались использовать оливу для своих нужд.

и понимать их не как библейские имена, а как амхарские деепричастные конструкции, то получится:

II. «золото» Бакаффа, не забудь, о чем болтали мы оба

Ut cacatus eras et ego cacatus eram.

Окружающие, в том числе и придворное духовенство, искушенные в геэзских виршах, не могли уразуметь смысл сказанного. Однако Бакаффа понял его, узнал в монахе товарища своих детских лет и приблизил его ко двору.

Этот образчик *Qene* интересен не только своей типичной формой, но и неожиданно пикантным содержанием. Последнее совершенно не характерно для геэзских виршей, имеющих, как правило, сугубо духовное содержание и не рискующих профанировать имена и события священной истории светскими, а тем более «телесными» намеками. Именно поэтому приведенные вирши заслуживают нашего внимания. Обычно исследователи (как эфиопские, так и европейские) подчеркивают традиционность *Qene* и не пытаются рассмотреть ход развития этого жанра, видимо, заранее считая его застывшим, неспособным к развитию. Наше двустипие, однако, скорее свидетельствует об обратном. Сохраняя традиционную форму и библейские аллюзии, оно по своему содержанию явно приближается к *фаблио* — жанру, вообще не получившему заметного развития в эфиопской литературе. Это, впрочем, понятно: такой сугубо городской жанр, как *фаблио*, не мог получить широкого распространения в стране, которая с падения Древнего Аксума в конце VII в. и до появления столичного города Гондара в 1632 г. не имела ни городов, ни городской культуры. В этом отношении весьма показательным является время составления нашего двустипия. Судя по упоминанию имени царя Бакаффы, оно было составлено около середины XVIII в. в Гондаре, превратившемся к тому времени в крупный центр традиционного духовного образования. Видимо, городская жизнь в столице, имевшая к концу царствования Бакаффы почти столетнюю историю, оказала свое влияние и на литературное развитие, вызвав к жизни эфиопское подобие западноевропейских *фаблио*. Этому развитию, однако, была уготована недолгая жизнь. Последовавшие феодальные распри, падение могущества и авторитета царской власти в Эфиопии и соответственный упадок столичного Гондара к концу XVIII столетия надолго остановили развитие эфиопской городской культуры. Так, эпоха Возрождения с ее светской литературой сначала на классических, а затем и новых языках миновала Эфиопию. Жанр *фаблио* не только не породил новеллы, как это было в Европе, но и сам не успел оформиться в самостоятельное литературное явление на эфиопской почве. Дальнейшее развитие в этом направлении последовало лишь два века спустя и было обязано литературной деятельности уже эфиопских просветителей. Тем не менее тот недолгий «городской период» развития эфиопской средневековой литературы, который она переживала во второй половине XVIII в., достаточно интересен сам по себе и заслуживает внимания и изучения.

S. B. Chernetsov

ON THE FOLKLORE OF ETHIOPIAN LITERATURE

This short note deals with a traditional genre of Ethiopian literature's poetry — the *Qene* verses. This cultural phenomenon is quite alive in nowadays Ethiopia: the art of *Qene* composition is a part of traditional theological education. The peculiarity of *Qene* rests in its amphibology, both semantic and syntagmatic. Here is given an example of *Qene* verses composed in the XVIII century. The hidden meaning can be understood only from the quite specific circumstances of its composition. This particular verse shows a tendency, never fully realized however, in the development of the genre, which in Europe led to emergence of *fablio* and then novel in medieval literature.

САМАРИТАНСКАЯ НАДПИСЬ НА ТКАНИ (Сам. XII.3)

(Из собрания Фирковича Государственной Публичной библиотеки
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

В собрании А. С. Фирковича находится кусок сильно обветшалой шелковой ткани (китайская «чесуча»?)¹ В рукописном «Каталоге № 1 самаритянских рукописей А. С. Фирковича» (Отдел рукописей ГПБ), л. 4а, 4б этот кусок ткани описан так: «Старый белый шелковый занавес, добытый мною чрез зятя первосвященника, когена Панахаса. На всех четырех краях его находятся вышитые золотом надписи, по которым этот занавес пожертвован Иосифом бен Исак Йетрани и „писан“ Аби Уззи сыном раббана Иосифа (может быть, hāgabban значит «господин, первосвященник») в 975 г. гиджры».

Предлагаем более подробное описание.

Ткань светло-желтого цвета, размером 104.0 × 100.3 см. На ткани вышиты золотом 12 строк самаритянского текста; текст расположен по четырем углам ткани (в статье они обозначены: А, В, С и D), по три строки в каждом. Размеры первых строк в каждом углу колеблются от 15.0 до 16.5, вторых — от 11.0 до 12.7, третьих — от 5.5 до 7.0 см.

Слова отделены друг от друга точкой либо двоеточием. Два слова написаны сокращенно; знаком сокращения служит точка с запятой. Письмо — «строгое», т. е. такое же, как в рукописях Пятикнижия: максимальная высота букв (буква n) 7—8 мм, максимальная ширина (буква š) — 11 мм.

Язык текста — еврейский диалект самаритян, хорошо известный по ряду самаритянских произведений, созданных после XII в.

Текст

- А. 1. bšm yh; 'šh z[h]
2. hbgd lhtwrh
3. hqdwhš

- С. 1. bn yšhq dmbny:
2. ytrnh bšnt:
3. h w':

- В. 1. [f]ynhšyh bknšt dm;
2. h'bd h'ny:
3. ywsf

- D. 1. wł q wkthw 'by
2. 'zy bn hrbn
3. ywsf

Перевод

(А 1) Именем Господа! Сделал сие (А 2) «одеяние» для Торы (А 3) священной, (В 1) «Финасовой», из дамасской синагоги (В 2) бедный раб (В 3) Йусеф (С 1) сын Йецака, из семьи (С 2) Йитрана в годы (С 3 — D 1) 975 (D 1—2), а надписал его Аби (D 2—3) 'Аззи сын «раббана» Йусефа.

¹ Этот кусок ткани поступил в библиотеку вместе с архивом А. С. Фирковича в 1876 г. (см.: Отчет ПБ за 1876 год. СПб., 1878, с. 24, 25).

A

33.3 0:37.3 - 9
 393~32.4 7 93
 3035 4 3

B

:35'~53933737
 :75 03.49 03
 .03 3 3 7

C

:75 93 5.4 37.59
 :75 ~9.354~7
 :0 3 3

D

.75~.75~ 37.4.63
 .5993.59.77 0
 .03 3 7

Комментарии

bgd — «одеяние»

В некоторых работах по истории культуры самаритян имеются фотографии Самаритянского Пятикнижия в «одеянии».² Назначение последнего до сих пор никем не исследовалось.

Судя по надписям на этих «одеяниях», можно заключить, что все они были принесены в дар для «Мактаб Абиша бан Финас (mktb 'byš' bn funhs)», т. е. свитка, написанного, согласно самаритянской традиции, Абишой, правнуком Аарона, свыше 3600 лет тому назад.

Из неопубликованных материалов можно назвать:

Одну фотографию того же «Мактаб Абиша», выполненную значительно ранее упомянутых. Фотография хранится в собрании Фирковича (Сам. XII, 4).

Рисунки шести одеяний, выполненные самаритянским первосвященником Амрамом сыном Шаламы (1272/1855—6—1291/1874) по просьбе

² Montgomery J. A. The Samaritans. Philadelphia, 1907, «The sacred Pentateuch codex» (фотография между столбцами 286, 287); Jüdisches Lexicon. Berlin, 1930, B. IV/2 (на обложке V; фотография между столбцами 69, 70): «Tora der Samaritaner»; цветная фотография там же между столбцами 72, 73.

А. С. Фирковича во время его пребывания в Набулусе (Сам. XII, 8—13). На рисунках значатся даты только пяти одеяний: 473/1080—81,³ 1097/1685—86, 1142/1729-30 и 1159/1746 г. (два «одеяния»). На шестом рисунке дата «одеяния» не указана.

Эти «одеяния» предназначены для свитка «Мактаб Абиша» и принесены в дар синагоге в Набулусе. Лишь одно «одеяние» было подарено «для сихемских священников писаний».

На всех фотографиях виден свиток «Мактаб Абиша», нанизанный на два стержня и заключенный в металлический футляр. Последний состоит из трех полувыпуклых частей, соединенных между собой петлями и закрывающихся застежками. При чтении Пятикнижия футляр раскрывался и обнажался нужный текст для чтения.

Из фотографии также видно, что между свитком и футляром имеется «одеяние» с вышитым текстом от дарителя. Это «одеяние» покрывает свиток таким образом, что свободно читается не только нужный текст Пятикнижия, но и вышитый дарственный текст, причем последний заполняет те части «одеяния», которые находятся поверх свитка.

Помимо ткани, которая прикрывает непосредственно свиток, имеется еще одно «одеяние» — тканевое покрывало, которым покрывается кивот для Пятикнижия во время торжественного чтения «Мактаб Абиша». Кивот имеет вид стула со спинкой. Покрывало свисает со спинки кивота почти до самого пола. Это «одеяние» также расписано вышитым текстом. Верхняя часть покрывала расписана текстом, состоящим из цитат Самаритянского Пятикнижия, а нижняя часть включает сведения о дарителе и исполнителе. Текст со сведениями о дарителе и исполнителе расположен на нижней половине «одеяния» таким образом, что он полностью доступен для чтения. Ткань, покрывающая кивот, имеет форму прямоугольника, длина которого приблизительно в два раза превышает ширину.

Все представленные в собрании Фирковича рисунки «одеяний» сделаны с таких покрывал.

[f]ynḥsyh (B 1), hrbn (D 2)

«Финāсия» — термин, образованный от собственного имени fynḥs (Пинеḥās, в самаритянском произношении Финās). Под этим термином самаритяне понимают Пятикнижие (в форме свитка или книги), написанное священником, который возводит свое происхождение от Пинеḥāса (Финās), внука Аарона (по-самаритянски Ἀρрон). Такой священник носит у самаритян титул ḡbn (раббан), в отличие от священников, возводящих свое происхождение от 'Узиеля ('Аззил), сына Ḳehāta (Ḳāt), сына Лёви (Лйби, ср., например: Бытие 46:11), прозванных «священниками-левитами» (hkhnyum hlwym).⁴ Самаритянский род священников, ве-

³ Этот рисунок, если он отражает подлинный текст оригинала, важен для датировки свитка «Мактаб (или «Сефер») Абиша». По вопросу датировки этого свитка высказались по-разному многие исследователи самаритянской письменности, например: K a h l e P. *Aus der Geschichte der ältesten hebräischen Bibelhandschrift. — Abhandlungen zur semitische Religionskunde. . . Baudissin, S. 247—260 (Beiheft № 33 zur Zeitschrift für die Alttestamentliche Wissenschaft, 1918); Y a h u d a A. S. Eine Bemerkung über das Alter der Thorarolle des Abischa. — Sitzungsberichte d. Preuss. Akad. d. Wiss., Berlin, 1908, № 39, S. 913—914; P e r e z C a s t r o F. 1) El Séfer Abiša. — Sefarad, 13, 1953, p. 119—129; 2) El criptograma del Séfer Abiša. — Sefarad, 19, 1959, p. 384—391, 452—453; 3) Séfer Abiša. Edición del fragmento antiguo. Madrid, 1959 (Textos y estudios del seminario filológico Cardinal Cisneros, vol. 2); 4) Fragmento inédito del Séfer Abiša. — Sefarad, 21, 1961, p. 3—8; B e n - Z v i I. The Book of Abischa. — Eretz-Israel. Archaeological, historical and geographical studies, v. V. Jerusalem, 1958, p. 240—252.*

⁴ B e n - Z v i I. «Pinḥasiah». — Kirjath sepher, VII, 1930/31, p. 570—73; B e n - H a y y i m Z. The Literary and oral tradition of Hebrew and Aramaic amongst the Samaritans, vol. 3, part II. Jerusalem, 1967, p. 37—38.

дущих свое происхождение от Пинехаса, кончился со смертью последнего его потомка, Шаламы сына Финаса в 1033/1623-24 г.⁵ Следовательно, любая «финасия» должна датироваться ранее 1033/1623-4 г.

bknšt dm; (B 1)

dm; — сокращенно от dmšq. bknšt dmšq — в дамаской синагоге.

h'bd h'ny (B 2)

«бедный раб» — обычный уничижительный эпитет, употребляемый самаритянскими писцами.

dmbny ytrnh (C 1—2)

— «из сынов (или из семьи) Йитрана».

Семья Йитрана — одна из самых известных среди самаритян. Имена членов семьи Йитрана встречаются нередко в самаритянских письменных памятниках, датированных XIII—XV вв. Некоторые члены этой семьи прозваны «самаритянскими судьями в Дамаске» (šwftu yš'r'l bdmšq).⁶

bšnt h w' wł q (C 2—D 1)

Дата передана буквами, одним из многочисленных самаритянских способов обозначения дат. В нашей надписи на ткани дата передана следующим образом. Вначале идут единицы, за которыми следуют десятки и сотни; десятки и сотни предварены союзом w. Передача сотен основана на мультипликационном принципе, т. е. при помощи умножения: wł q, здесь w обозначает союз, t — 9 и q — 100, т. е. «и девять помножено на сто». Мультипликационный принцип в числительных неизвестен в других северосемитских письменных памятниках.

Дата в нашей надписи дана по мусульманскому летосчислению — 975 г. х. (= 1567/8 г. н. э.).

ywsf bn yšhq dmbny ytrnh (B 3—C 2),
'by 'zy bn hrbn ywsf (D 1—3).

Имена Йусефа сына Йецака из семьи Йитрана и Абби 'Аззи сына Йусефа также встречаются в самаритянских документах. Первый упоминается как покупатель рукописей, а второй — как писец. В рукописях Самаритянского Пятикнижия, обозначенных у Галя⁷ латинскими буквами E и V, имеются записи, где указано, что приобрел эти рукописи в 986/1578—9 г. Йусеф сын Йецака из семьи Йитрана, а Абби 'Аззи сын раббана Йусефа, сын раббана 'Аззи выступает как свидетель.

Есть основание полагать, что Йусеф сын Йецака был зажиточным человеком, филантропом и меценатом. В Отделе рукописей ГПБ значится один сборник молитв на субботные и праздничные дни (hknwš 'l šm hšlwt hšbtwt whmw'dym kl zbn bzbnw — шифр: Сам. IX. 1), написание которого было завершено в месяце мухаррам 992 г. (14 I—12 II 1584) и выполнено по заказу Йусефа, сына Йецака, сына Садаки, из семьи Йитрана. О последнем в колофоне также сказано, что он проявляет добродетель по отношению к вдовам, сиротам, бедным и нищим (w'sh tbbth 'm kl 'lmnh wytwm wmskyn w'bywn).

В Библиотеке Дж. Райланда в Манчестере хранится фотография недатированного колофона одной рукописи Самаритянского Пятикнижия из

⁵ Gaster M. The chain of Samaritan high priests. — Journal of the Royal Asiatic Society, 41, 1909, p. 393—420.

⁶ Ср.: Cowley A. E. The Samaritan liturgy. Oxford, 1909, p. XXXI; Гаркави А. Я. Описание самаритянских рукописей, хранящихся в имп. Публичной библиотеке. СПб., 1875, с. 95, 181, 182.

⁷ Gall A. Fr. v. Der hebräische Pentateuch der Samaritaner. Giessen, 1914—1918.

собрания М. Гастера (338/2104).⁸ В колофоне содержится запись о приобретении этого Пятикнижия Йусефом сыном Йеṣақа Йитрана у Абу Хафра сына Аб 'Аззи из семьи Мāнāши, жителя Дамаска. Поскольку период деятельности Йусефа сына Йеṣақа Йитрана, как следует из надписи на ткани и из записей вышеуказанных рукописей, падает на вторую половину XVI в., мы вправе определить этим же периодом и дату акта о приобретении Самаритянского Пятикнижия, хранящегося в Манчестере.

Расположение дарственного текста на ткани из собрания Фирковича резко отличается от расположения такого же текста на известных «одеяниях» к свиткам. Полагаем поэтому, что данное «одеяние» было предназначено не для свитка Пятикнижия, а для кодекса Пятикнижия.⁹ Подобные «одеяния» неизвестны науке.

Следует подчеркнуть, что это «одеяние» проливает новый свет на историю самаритянской общины в Дамаске второй половины XVI в., т. е. накануне ее трагического и полного упадка.¹⁰

L. H. Vilsker

A SAMARITAN INSCRIPTION ON SILK

The inscription published here (with transcription, translation and historical-philological commentaries) is from the Firkovich samaritan collection (Leningrad, Public library, Firk., Sam. XII 3). This cloth with the embroidered in gold inscription was gifted by ywsf bn yṣḥq dmbny ytrnh (Yusef ban Yeṣaq of the family Yitrana) to the Damascus Synagogue as «bgd lhtwrh (a coverlet for a Pentateuch) fynḥsyh». The inscription was composed in 975 of Hijrah (=A. D. 1567/8) by Abi 'Azzi the son of the priest Yusef.

A comparative study of the inscription as well as of similar inscriptions — from Firkowich collection — on other coverlets including not published yet enables to draw the conclusion that this cloth was intended not for a scroll, but for a Pentateuch codex, probably for a codex kept up to the present in the British Museum (Cott. Claud B VIII, Kennicot 127).

⁸ Robertson Ed. Catalogue of the Samaritan manuscripts in the John Rylands library, vol. 2. Manchester, 1962, col. 258, 259.

⁹ Не исключено, что «Финасова» Тора, для которой было предназначено описываемое «одеяние», есть кодекс Самаритянского Пятикнижия, хранящийся в Британском музее (Cott. Claud B VIII, Kennicot 127). Этот кодекс был написан тремя писцами, один из которых — Йусеф сын Абби 'Аззи — является дедом исполнителя надписи на ткани — Аб 'Аззи сына Йусефа.

¹⁰ См.: Ben-Zvi I. Sefer ha-Somerōnīm. Tel-Aviv, 1935, p. 47, 48.

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ КОПТСКИХ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ VI—VII вв.

В собрании коптских памятников Эрмитажа имеется своеобразный бронзовый канделябр, найденный в Египте и доставленный в 1898 г. экспедицией В. Г. Бока¹ (см. рисунок). На стержне канделябра помещено странное на первый взгляд изображение: обнаженная женская фигурка с ожерельем на шее держит на вытянутых руках медальон, заключающий равноконечный крест. Эрмитажный памятник не единичен. Аналогичные скульптуры украшают ручки ковшей из Коптского музея Каира² и из Лувра.³

Названные предметы имеют определенные стилистические отличия, однако для всех трех изображений характерна схематичная манера исполнения черт лица и фигуры: глаза, рот и головной убор переданы большими выпуклыми точками, очертания фигуры сведены к простейшим геометрическим элементам. В целом тип изображения, особенности трактовки как отдельных деталей, так и всей композиции характерны для коптской бронзы. По месту находки все перечисленные предметы связывались с Египтом. В отношении их датировки единого мнения не было, она колебалась от IV⁴ до VIII в.⁵

Столь же различной была и интерпретация изображенного персонажа. Н. Крижановская, первый издатель эрмитажного памятника, атрибуировала его как «женское божество плодородия». А. Гайе и И. Стриговский предположительно считали, что это изображение связано с гностиками.⁶ Г. Бюннен полагал, что данный образ может быть понят только при сопоставлении с гностическим трактатом «Пистис София».⁷

Украшение ручек различных предметов (будь то светильники или ковши) изображениями богов, героев или различных мифологических персонажей — давняя античная традиция,⁸ нашедшая продолжение в искусстве ранней

¹ Крижановская Н. Коптские канделябры Эрмитажа. — Сб. Гос. Эрмитажа, вып. III. Л., 1926, с. 78—79, рис. 10; в каталоге «Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки», т. I (М., 1977, с. 186, № 389) канделябр ошибочно назван ручкой ковша.

² Strzygowski J. Koptische Kunst. Wien, 1904, S. 278, Taf. XXXI.

³ Frühchristliche und koptische Kunst. Ausstellung in der Akademie der bildenden Kunst. Wien, 1964, S. 134, Abb. 74.

⁴ Strzygowski J. Koptische Kunst, S. 278.

⁵ Frühchristliche und koptische Kunst, S. 134.

⁶ Gayet A. L'Art copte. Paris, 1902, p. 293; Strzygowski J. Koptische Kunst, p. 278.

⁷ Bunnens G. Le zodiaque nabatéen de Khirbet-Tannur. — Latomus, t. XXVIII, fasc. 2, Bruxelles, 1969, p. 402—406.

⁸ Bieber M. Die Antiken Skulpturen und Bronzen des Königl. Museum Fredericianum in Cassel. Marburg, 1915, S. 81, Taf. XLIX, № 307, 309, 310, 313; Neugebauer K. A. Bronzezeit des Altertums. Bilderhefte zur Kunst- und Kulturgeschichte des Altertums, H. II. Bielefeld und Leipzig, 1927, S. 4, Taf. 1, 4; Perlzweig J. Lamps of the Roman period. Princeton, 1961, p. 22—23.

Византии.⁹ Характер изображения на интересующих нас памятниках, их композиционная роль и структура подобны аналогичным скульптурам и их функциям на подставках античных зеркал и стержнях канделябров. Мотив обнаженной женской фигуры, часто встречающийся на предметах этого рода, принято интерпретировать либо конкретно как изображение танцовщицы — при наличии соответствующих атрибутов — либо обобщенно — как женское божество плодородия.¹⁰ Последнее как раз подходит к рассматриваемому случаю. Необычное сочетание в одном образе такого божества и символа христианства (креста) находит объяснение в гностико-христианских текстах. Гностический характер такого образа становится очевидным при сопоставлении интересующих нас памятников с ковшем из Британского музея, имеющим такую же форму и так же декорированным, как предметы из Коптского музея и из Лувра.¹¹ В основании этого ковша помещена характерная восьмиконечная гностическая звезда, являющаяся как бы ключом к пониманию расположенного выше изображения.

У гностиков, как и у монтанистов, значение женского божества огромно.¹² Его особая роль — следствие влияния культа женских божеств, особенно проступающего у почитателей женского мирового начала — барбело-гностиков и офитов (или наасеев); не случайно многие произведения и евангелия гностиков названы женскими именами: «От Евы», «От Марии», «Нория», «Пистис София».¹³

Характерны эпитеты этого гностического женского божества. С одной стороны подчеркиваются его физические качества: оно названо *χάρις* (грация, красота); с другой — духовные: *ἐννοια* (мысль), *ἀλήθεια* (истина, правда), *παρθενικὸν πνεῦμα* (девственный дух), в целом оно характеризуется как *μήτηρ πάντων τῶν ζώντων, κοινὴ φύσις, τοῦτέστι θεῶν ἀγγέλων, ἀθανάτων θνητῶν, ἀλόγων λογικῶν*,¹⁴ т. е. «мать всех живущих, всеобщая природа (а именно) богов, ангелов, бессмертных, смертных, неразумных и разумных». У гностиков-офитов это материнское божество возглавляет наряду

⁹ Leclercq H. Lampe. — In: Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. VIII, part I. Paris, 1928, col. 1198—1212; Залеская В. Н. Об одной группе коптских светильников V в. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, т. 44. Л., 1979, с. 51—53.

¹⁰ Крижановская Н. Коптские канделябры Эрмитажа, с. 79.

¹¹ Dalton O. M. Catalogue of early christian Antiquities of the British Museum. London, 1901, p. 106.

¹² P. de Labriole. La crise monteniste. Paris, 1913, p. 68—73; Jonas H. The gnostic religion. Boston, 1958, p. 177.

¹³ Маргулес Б. Б. О социальных корнях христианского гностицизма в Египте. — В кн.: Древний Восток, т. I. М., 1975, с. 166—167.

¹⁴ Bousset W. Hauptprobleme der Gnosis. Forschungen zur Religion und Literatur des Alten und Neuen Testaments, H. X. Göttingen, 1907, S. 59.

с непостижимым богом-отцом (πατήρ τῶν ὄλων) и Христом-Логосом¹⁵ иерархию эонов, т. е. роль матери всех живущих идентична роли св. Духа.¹⁶ Именно на такое положение этого синкретического божества в высшей небесной иерархии указывает текст молитвы, содержащийся в апокрифическом Евангелии от Фомы: ¹⁷ «Мы чтим и поклоняемся тебе (Иисус), и твоему незримому отцу, и Матери всего сущего».¹⁸

В гностико-христианских системах имела место ассимиляция еще двух образов — св. Духа и матери-церкви. Так, в трактате «О трех природах» церковь идентифицируется с третьим лицом Троицы.¹⁹

Таким образом, приравнивание роли греко-восточной матери богов, св. Духа и матери-церкви — положение, чрезвычайно характерное для синкретической религии гностиков.²⁰

Итак, интересующий нас образ, сочетающий изображение женского божества плодородия и христианскую символику, гностического происхождения и может быть интерпретирован как изображение св. Духа.

Близкие по иконографии и стилистическим особенностям изображения, имеющиеся на ручках сосудов из Кестнер-музея в Ганновере и в собрании М. Берар в Париже, датируются V—VI вв.²¹ Очевидное сходство этих скульптур и персонажа на ручке ковша из Коптского музея Каира позволяет отнести последний к тому же времени; форма ковша и характер декора бортика со стилизованными фигурками дельфинов указывают, вероятнее всего, на VI в.²² Что касается эрмитажного памятника и предмета из Лувра, то большая стилизация основного изображения по сравнению с перечисленными памятниками указывает на более позднюю дату, вероятнее всего на VII в. Ковш из Лувра в каталоге выставки коптского искусства в Вене датировался даже VIII в.²³ Следовательно, распространение данного изображения в коптском Египте приходится на VI—VII вв.

Любопытные аналогии обнаруживают и памятники другого круга. Так, на бронзовой матрице малоазийского происхождения, датируемой концом VI—началом VII в.,²⁴ представлена полуобнаженная женская фигурка, держащая на вытянутых руках медальон с крестообразной монограммой.²⁵ При сопоставлении этого изображения с рассматривавшимися выше становится явным их иконографическое, а также композиционное и стилистическое сходство. В обоих случаях поза женской фигурки одинакова: она расположена строго фронтально, ноги скрещены, руки подняты и поддерживают крест. В обоих случаях фигурка передана схематично, ее очертания сильно геометризваны.

¹⁵ Ibid., S. 59—60.

¹⁶ James E. O. The cult of the Mother-Goddess. An archeological and documentary study. London, 1959, p. 192.

¹⁷ Doresse J. Les livres secrets des gnostiques d'Egypte, vol. II. Paris, 1959, p. 64, 113; Трофимова М. К. Из истории идеологии II века н. э. — ВДИ, 1962, № 4, с. 88.

¹⁸ Bousset W. Hauptprobleme der Gnosis, S. 67—68.

¹⁹ Danielou J. Théologie du Judéo-Christianisme. Histoire des doctrines chrétiennes avant Nicée. Paris, 1957, p. 339; Thérél M. L. Les symboles de l'«Ecclesia» dans la création iconographique de l'art chrétien du III-e au VI-e siècle. Rome, 1973, p. 25—66.

²⁰ James E. O. The cult of the Mother-Goddess, p. 193; Jonas H. The gnostic religion, p. 177.

²¹ Koptische Kunst. Christentum am Nil. 3. Mai bis 15. August 1963, Villa Hügel, Essen., S. 271—272, № 171—172.

²² Dalton M. Catalogue... p. 106.

²³ Frühchristliche und koptische Kunst, S. 134, № 404.

²⁴ Werner J. 1) Zur Verbreitung frühgeschichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt — Wanderhandwerk — Handel — Familienverbindung). — Antikvariskt Arkiv, t. 38. Early Medieval Studies I. Stockholm, 1970, S. 73; 2) Nomadische Gürtel bei Persern, Byzantinern und Langobarden. Academia Nazionale dei Lincei, № 189, Anno CCCLXXI, Roma, 1974, S. 127.

²⁵ Jenny W. A. Ein frühbyzantinisches Preßmodell aus Kleinasien. — Prähistorische Zeitschrift, Bd. XXIV, H. 3—4, Berlin, 1933, S. 293.

Следовательно, и на коптских памятниках, и на малоазиатской матрице имеются изображения одного и того же порядка, интерпретируемые нами, как было уже показано, как олицетворение матери всего сущего, или гностического св. Духа.

Рассмотренная группа памятников интересна в двух аспектах. Во-первых, расширяются наши знания о гностических представлениях, нашедших отражение в ранневизантийском искусстве. Так, к уже известным образам святых всадников²⁶ и ангелов,²⁷ поражающих зло (болезнь), — образам, связанным с гностическими амулетами общими иконографическими типами и сходством фразеологии заклинательных надписей,²⁸ и к некоторым ранним иконографическим типам Христа (Христос Эммануил и Христос-кормчий)²⁹ может быть добавлен еще один образ, связанный с гностическими представлениями и распространенный в искусстве византийских провинций в VI—VII вв. Во-вторых, рассмотренные примеры выявляют значение позднего гностицизма с его смещением языческих и христианских элементов для усвоения византийцами некоторых античных³⁰ образов и представлений.

Известно, что пути, по которым осуществлялось такое усвоение, были разнообразны, как и факторы, способствовавшие восприятию античных образов и форм. Распространение античной классической литературы в ранней Византии, трактовка некоторых античных мифов в аллегорическом или христианском морализирующем духе, влияние композиций мифологического характера на формирование иконографии ветхозаветных сцен принадлежат именно к таким факторам.³¹

Традиционализм мировоззрения византийцев и сознательный консерватизм централизованного византийского общества поддерживали непрерывность античной традиции в искусстве. Кроме того, проникновение некоторых языческих образов осуществлялось не без воздействия еретических учений. Некоторые позднеантичные религиозные и философские течения (в нашем случае гностицизм), оказав воздействие на христианскую ортодоксальную литературу, в конечном счете явились как бы передающим звеном между античной и ранневизантийской культурами.

²⁶ Банк А. В. Гемма с изображением Соломона. — Византийский временник, т. VII, 1956, с. 331—337.

²⁷ Залесская В. Н. Гностико-христианский амулет с изображением ангела Арлафа. — Сообщ. Гос. Эрмитажа, т. 36, 1978, с. 54—58.

²⁸ Залесская В. Н. К вопросу об атрибуции суздальского змеевика (в связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик»). — Византийский временник, т. 36, 1974, с. 188. — Отрицание некоторыми авторами (см.: Grant R. M. Gnosticism and early Christianity. New York, 1959; Bagatti B. Altre medaglie di Salomone cavaliere e loro origine. — Rivista di archeologia cristiana. Anno XLVII, № 3—4, Roma, 1971, p. 342) связи образов на данных филактериях с представлениями гностиков (им противопоставляются библейские образы) не имеет под собой достаточной аргументации. Ветхозаветные имена персонажей, изображенных на амулетах, являются только внешней формой выражения представлений, идейно связанных с гностицизмом.

²⁹ Weis-Liebersdorf J. E. Christus- und Apostelbilder. Einfluss der Apokryphen auf die ältesten Kunsttypen. Freiburg im Breisgau, 1902, S. 28—52; Ceschelli C. Una figurazione gnostica. — Studi Aquileiesi offerti a Giovanni Brusin. Aquileia, 1953, p. 245—252; Bertram G. Ev. Joh. 14, 9 und das gnostische Christusbild. Akten des VII. Internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Città del Vaticano und Berlin, 1965, S. 379—389; U Bianchi Bologna. Mithraism and Gnosticism. Mithraic Studies ed. by J. R. Hinnells, vol. II. London, 1975, p. 457—465.

³⁰ «Античность» — в данном случае имеются в виду и античность классическая, и восточный эллинизм.

³¹ Weitzmann K. 1) Greek mythology in byzantine Art. Princeton, 1951; 2) The survival of mythological representations in early christian and byzantine art and their impact on christian iconography. — Dumbarton Oaks Papers, t. 14. Washington, 1960, p. 45—68; Madec G. La christianisation de l'hellénisme. — Mélanges scientifiques du Centenaire de l'Institut Catholique de Paris. Paris, 1976, p. 399—406.

Таким образом, рассмотренная группа памятников указывает еще на один фактор, способствовавший усвоению античного наследия.

2

V. N. Z a l e s s k a y a

A GROUP OF COPTIC BRONZE OBJECTS FROM THE VIth—VIIth CENTURIES

The article is devoted to a group of coptic bronze objects with the representation of a female nude figure holding in her extended hands a medalion containing the cross. This image was spread to Egypt and Asia Minor in the VIth—VIIth centuries. Its comparing with the gnostic-christian texts make it possible to conclude that it is a representation of the Mother of All or the gnostic Holy Goast.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ С й- И йте- В КОПТСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СОЮЗНАЯ СВЯЗЬ

Наиболее употребительными видами определений в коптском языке являются: 1) детерминированные существительные (или субстантивированные выражения), присоединяемые к определяемому через предлоги й- и йте-¹ и 2) недетерминированные существительные, присоединяемые к определяемому через й-.

1. Определения первого вида мы для краткости будем именовать «определениями типа родительного падежа», поскольку они в основном выражают принадлежность, хотя, как мы увидим далее, круг их действия значительно шире. Специальных исследований, посвященных этому виду определений, не было, если не считать статьи Хоутона о субстантивных отношениях в коптском языке,² первая часть которой посвящена генитивной связи имен и представляет в основном перевод на английский язык соответствующего раздела грамматики Штерна.³ Между тем до сих пор остается не выясненным до конца вопрос об употреблении предлогов й- и йте- при детерминированных существительных-определениях. Авторы грамматик (Штерн и Маллон — для бохайрского диалекта, Тилль — для сайдского, ахмимского и субахмимского, Штейндорфф — для всех диалектов⁴) приводят следующее правило употребления этих предлогов: йте- употребляется в тех случаях, когда управляющее слово имеет сильную или неопределенную детерминацию или отделено от управляемого каким-либо определением или другими словами; в остальных случаях употребляется й-.

Однако анализ текстов показывает, что применение предлогов й- и йте- в разных диалектах обусловлено разными принципами.

В сайдских текстах встречается много противоречий приведенному выше правилу, например:

потоєм йте йотоем (PS, 4—5) 'свет светов';

йшахе йбоа йнепрофитис йноѡх (LS III, 106) 'ложные слова ложных пророков';

пни етѡмат ѡпхоегс (LS III, 168) 'этот дом господа';

несмаѡ етсотѡ йтѡ ѡѡоѡе (LS III, 196) 'отборные грозди виноградной лозы';

отсѡѡт ѡпнѡтте (LS III, 18) 'слава бога'.

В приведенных примерах предлог йте- употребляется при обычной (не сильной и не неопределенной) детерминации определяемого, а предлог

¹ Предлогом мы называем й- условно, чтобы не противопоставлять его йте-; по происхождению й- — древнеегипетское относительное прилагательное nj, которое изменялось по родам и числам в среднеегипетском языке, согласуясь с определением, но уже в новоегипетском стало употребляться в застывшей неизменяемой форме n; предлог йте- восходит к древнеегипетскому предлогу m dj.

² Houghton H. P. Coptic substantive relationship. — Aegyptus (Milano), 1958, 38, p. 153—177.

³ SKG, § 293—297.

⁴ SKG, § 294—297; MGC, § 159—160; TKG, § 113; TKDG, § 21 c; SL, § 150.

п- — и при неопределенной детерминации определяемого, и при разрыве между определяемым и определением. Дело в том, что в саидском диалекте предлог **йте-** ставится и при обычной детерминации, и при отсутствии разрыва в тех случаях, когда нужно подчеркнуть значение принадлежности, свойственности. Напротив, когда нет подчеркивания принадлежности, может ставиться предлог **й-** даже при разрыве и при неопределенно детерминированном определяемом. Только определение к сильно детерминированному определяемому всегда присоединяется через предлог **йте-**.

В ахимском и субахимском диалектах **йте-** и **й-** сближаются по значению. Более того, **йте-** чаще ставится при определениях, имеющих качественное значение, а **й-** — при определениях, выражающих принадлежность, например:

йсеже **йте** **тмне** (МН, 7) 'слова истины';
пиртис **йте** **тмне** (МН, 6) 'судья истины';
нескинаге **йте** **преше** (МР, 181) 'скинии радости';
мψтхате **йминше** (МН, 47) 'души многих';
пмерт **йпотапе** (МР, 1) 'возлюбленный светов';
при **йпагнт** (МР, 173) 'солнце моего сердца';
ттрофи **йпаггелос** (МР, 181) 'пища ангелов';
пеат **йпкосмос** (МР, 175) 'слава мира';
трои **млонс** (МР, 25) 'дорога жизни';
пиртис **йтёкклиса** (МР, 21) 'судья церкви'.

В бохайрском диалекте значительная часть случаев употребления **й-** и **йте-** также остается необъяснимой при помощи вышеприведенного правила. Предлог **йте-** часто ставится и при слабой детерминации определяемого, хотя разрыва между ним и определением нет, например:

типи **йте** **нетентωβι** (Исход, 5, 11) 'число ваших кирпичей';
фбωш **йте** **потіот** (Бытие, 9, 23) 'нагота их отца';
йресωрем **йте** **йрбнот** (Исход, 1, 11) 'руководители работ';
тиаротса **йте** **пекжи** (НГ, 32) 'наступление твоего пришествия';
тхом **йте** **текезотса** (НГ, 32) 'сила твоего могущества';
пархон **йте** **нетентац** **тирот** (Бытие, 24, 2) 'управляющий всем, что у него';
фюм **йте** **йрмот** (Бытие, 14, 3) 'море соли';
фмини **йте** **†адаени** (Бытие, 9, 12) 'знамение завета';
терми **йте** **лот** (Бытие, 9, 26) 'жена Лота';
тафе **йте** **пσλιλ** (Левит, 1, 4) 'голова жертвы всесожжения'.

Штерн (SKG, § 295) пытался объяснить присутствие **йте-** в подобных случаях тем, что общее, абстрактное по значению управляющее слово определяется конкретным управляемым словом, и в подтверждение своего положения привел ряд примеров. Однако, хотя его теория очень растяжима (ведь всякое определение неизбежно конкретизирует определяемое, тем или иным образом уточняя его), едва ли можно отнести к словам, обозначающим общие, абстрактные понятия, такие слова (в приводимых им примерах), как «пустыня», «праздник», «псалом Давида» и пр. Ведь тогда подавляющее большинство всех существительных можно отнести к этому разряду. А предлог **йте-** употреблялся только в каких-то определенных случаях.

Ошибка Штерна в том, что он (как, впрочем, и другие грамматисты) обращал внимание только на детерминацию управляющего слова, не учитывая детерминации управляемого. Между тем, рассмотрев все многочисленные примеры, приведенные Штерном, мы увидим, что везде управляемое слово определено сильно (либо имея сильный или притяжательный артикль, либо являясь именем собственным или субстантивированным

определятельным предложением⁵) или имеет неопределенный артикль. То же самое можно видеть и на приведенных только что примерах.

Нередко встречается также употребление предлога й- перед определением к сильно или неопределенно детерминированному определяемому, например:

писотир лпирѣ (В. Mich., 2) 'спаситель всего';
пипасха лпбоис (Исход, 12, 21) 'пасха господя';
отпасаха лпбоис (Исход, 12, 11) 'пасха господя';
ѣриком лпнотѣ (Бытие, 4, 1) 'образ бога';
ганаλωотѣ мфараω (Бытие, 47, 25) 'рабы фараона'.

Здесь постановка й- объясняется слабой детерминацией управляемого слова.

Итак, при учете детерминации управляющего и управляемого становится возможным установить закономерности употребления й- и йте- в бохайрском диалекте.⁶ В случае сильной или неопределенной детерминации и управляющего и управляемого слова употребляется только йте-. В случае сильной или неопределенной детерминации одного из стоящих в генитивной связи слов и слабой детерминации другого могут ставиться и й- и йте-. Когда и управляющее и управляемое имеют слабый артикль, чаще употребляется й-, но может ставиться и йте-. Дело в том, что в последнем случае принимается во внимание либо внешняя, формальная сторона — наличие слабого артикля у определения, либо его сильная детерминация по смыслу, например:

фран лпбоис фнотѣ (Бытие 4, 26) 'имя господя бога';
про мфнотѣ (Бытие, 4, 16) 'лик бога';
не фотѣн џе не мфнотѣ етбосѣ (Бытие, 14, 18) 'он же был священником бога всевышнего';
тсми йте пбоис фнотѣ (Бытие, 3, 8) 'голос господя бога';
ѣѣ йте тѣе (ВНАМ I, 2) 'бог неба'.

В бохайрском диалекте, где определенный артикль различает сильную и слабую разновидности, слабый артикль множественного числа может ставиться только при слове, находящемся в генитивной связи, и не может употребляться при самостоятельном слове. Слабый артикль единственного числа встречается часто и с отдельными словами, в том числе и с теми существительными, которые сами являются определениями (см. только что приведенные примеры). Это явление хорошо известно, но до сих пор не находило себе объяснения. Однако его можно понять, если учесть, при словах какого типа ставится слабый артикль единственного числа. Он ставится при именах абстрактных и родовых, при именах собственных, при именах, обозначающих единственные в своем роде предметы, при обращениях. Таким образом, он употребляется при словах, уже самих по себе являющихся определенными. Действительно, если имеется общее, абстрактное понятие («добро», «красота» и пр.), оно охватывает собой все конкретные виды его проявления, являясь само всеобъемлющим и единственным и потому вполне определенным. Множественность же должна предполагать конкретность и своеобразие. То же самое можно сказать и о родовых понятиях. Говоря в этом смысле слово «человек», мы делаем его единственным, определенным, охватывающим все виды людей понятием. И единственные в своем роде предметы — солнце, луна, небо — уже сами по себе определены, как и имена собственные. При обращении мы тоже имеем в виду вполне определенное лицо. Названные разряды слов и не нуждаются в сильном артикле, подчеркивающим конкретность. Слабый артикль находит

⁵ Отнесение субстантивированных определятельных предложений в разряд имен с сильной детерминацией — заслуга Штерна (SKG, § 294).

⁶ Употребление слабого артикла мужского рода единственного числа при словах, начинающихся с еу и ѡ, вызвано фонетическими причинами; по значению такой артикль равен сильному.

в них достаточную опору. При именах, не относящихся к этой категории существительных, слабый артикль может стоять только тогда, когда данное слово находится в генитивной связи, иными словами, получает определенность не исходя из своего содержания и значения, а благодаря определению его каким-либо другим словом, имеющим сильную или неопределенную детерминацию или являющимся определенным по смыслу. Исходя из сказанного, становится ясным, почему слабый артикль множественного числа может стоять только при словах, имеющих при себе определение. Ни одно из слов упомянутой категории — из слов, обладающих смысловой определенностью, — естественно, не может стоять во множественном числе, так как тогда оно потеряло бы эту определенность. Следовательно, имена существительные, стоящие во множественном числе и имеющие при себе артикль в слабой форме, не могут существовать независимо и должны опираться на какое-либо другое имя существительное, стоящее после них в качестве определения.

2. Определение в виде недетерминированного имени, присоединяемого к определяемому через й-, по смыслу соответствует определению прилагательным в тех языках, где имеется эта часть речи (в коптском она отсутствует), например:

репшахе йла (LS III, 103) 'клеветнические слова';

отроот йша (LS III, 111) 'праздничный день';

пйлам йшотшот (MP, 24) 'славный венец';

отбакла йкворт (Z, 335) 'пламенный факел';

ранпрофитис йнотх (Матф., 24, 24) 'ложные пророки';

отшлол йатем отор йомни (Бытие, 20, 4) 'народ невинный и справедливый'.

При заимствовании греческих прилагательных копты присоединяли их к определяемому через й-; иногда они употребляли в той же роли и греческие существительные, например:

ой неорбнте тирот йаикаюстин (LS III, 46) 'во всех его справедливых делах';

неорбнте йломос (LS III, 96) 'эти губительные дела';

пакпос йкарта (LS III, 54) 'мой сад ореховый'.

В грамматиках (SKG, § 187; MGC, § 164; SL, § 156; TKG, § 117) отмечается, что иногда в этой конструкции определение бывает управляющим, а определяемое — управляемым, например пйатмот ('бессмертный') йрومه ('человек'), иными словами, в роли прилагательного выступает не определение с й-, а управляющее слово; управляемое же оказывается определением. Однако это не так. Генитивная конструкция как в коптском, так и в древнеегипетском определена и тверда, и управляемое слово в любых случаях является определением. Те же случаи, в которых, на наш взгляд, порядок определяемого и определения обратный, в действительности представляют собой вполне закономерное явление. Все дело в том, что лишенные артикла имена-определения с й- могут означать не только качественные определения (подобно прилагательным), но и детерминацию⁷ в отношении рода, профессии, должности, родства и т. п.

Иногда ни управляющее, ни управляемое слово нельзя по смыслу уподобить прилагательному. Маллон (MGC, § 154) относит определения в таких конструкциях к разряду приложений. Однако они не имеют ни морфологических, ни синтаксических особенностей, отличающих их от прочих определений в виде существительных без артикла с предлогом й-. Просто здесь мы тоже имеем дело с детерминирующими определениями.

Детерминирующие определения бывают следующих видов:

⁷ Здесь я имею в виду не детерминацию посредством артикла, а по значению, подобно древнеегипетской детерминации.

οὐραγε πρῶμε (Матф., 13, 28) 'враг (=человек);
 πεταλαῖωρος πρῶμε (LS III, 13) 'этот жалкий (человек);
 ρενελαχιστον πῶων (LS III, 47) 'малютки (=животные);
 πεθενα πρῶμε (Матф., 13, 56) 'его сестры (=женщины);
 ἀπ'αρεῶνος πρῶμε (МН, 22) 'девственницы (=женщины)'.

При подобной родовой детерминации, как это видно и из приведенных примеров, определяемое часто не нуждается в переводе, так как имеет слишком общий смысл, который заложен уже и в определяемом.⁸

Детерминация по родственным связям
(в прямом и переносном смысле)

памерит пейот ... тамерит лмат (Z, 225) 'мой любимый отец... моя любимая мать';
пенмакарюс йсон (LS III, 15) 'наш блаженный брат';
дэрхэмс йснот (Бытие, 13, 8) 'люди-братья';
захюмс йсон (Виктор, 111а) 'мой господин-брат'.

Детерминация по занятию, должности,
профессии и пр.

анат етархон Ѳнастис (LS III, 110) 'я увидел начальника-судью';
 прагос ммартрос (DA, 1) 'святой-мученик';
 неспоталос подраλ (Z, 243) 'усердные слуги';
 пмамоте прро (DH, 1) 'боголюбез-царь';
 пафωф Ѳжерих (Бытие, 10, 9) 'исполин-ловец'.

Из смысла такой детерминации (по роду, полу, профессии и т. п.) и проистекает то обстоятельство, что определения этого типа ограничиваются определениями, относящимися к существительным, обозначающим живые существа, главным образом людей.

Детерминирующие определения не чужды и древнеегипетскому языку, например: (jw jrj. š hprw. š) m w' n j3wt n gmt⁹ ('она сделала превращения свои) в старуху (букв. 'в старуху-женщину').

К детерминирующим определениям следует отнести и определения при словах, обозначающих количество, величину, единицу измерения, вид, род чего-либо, например:

отншѣ ꙗшопѣ (Бытие, 21, 8) 'большой пир';
пнаѣ ѡпріе (МН, 6) 'великий блеск';
ѡѡ ѡметаноя (Z, 303) 'много покаяния';
отѡѡѡ ѡн ѡнѣ (Z, 291) 'сайтион (небольшая мера) вина';
отѡѡ ѡѡѡ (LS III, 83) 'сосуд пшеницы';
теѡѡѡ ѡѡѡѡ (RCA, 88) 'этот год дней';
теѡѡѡ ѡѡѡѡ (AS I, 60—61) 'этот род людей';
отѡѡѡѡ ѡѡѡѡѡѡ (DH, 4) 'много времени';
отѡѡѡ ѡѡѡѡѡѡ (Н, 8) 'долгое время'.

⁸ Такого типа детерминирующие определения могут быть оформлены и как приложения. См. в «*Bibliotheca Orientalis*» (1976, 33, p. 188—191) мою рецензию на книгу: Reymond E. A. E. and Barns J. W. B. *Four Martyrdoms from the Pierpont Morgan Coptic Codices*. Oxford, 1973.

⁹ Gardiner A. H. Late-egyptian stories. — Bibliotheca Aegyptiaca (Bruxelles), 1932, I, p. 43.

Такие детерминирующие определения, относясь к определяемым именам-числительным, обозначают исчисляемое, например:

יֵב פֶּלֶם . . . ז פֶּלֶם (Левит, 24, 5—6) '12 хлебов . . . 6 хлебов';

סִדְּוֹן שֵׁסַעִים (LS III, 69) 'семь врачей'.

3. К одному определяемому может относиться несколько определений описываемого типа. Вопрос о повторяемости предлогов в подобных случаях не был затронут никем из грамматистов, за исключением Маллона, который сказал следующее: «Lorsqu'il y a plusieurs compléments déterminatifs à la suite, on ne répète pas la préposition de l'annexion» (MGC, § 160).

Изложенное правило он иллюстрировал двумя примерами: определениями типа «родительного падежа», соединенными союзом нем- (מִן שֶׁמֶן нем מִן שֶׁמֶן), и определениями типа прилагательного, соединенными союзом רַי (יְנוֹחַ רַי רַחֵם). Исследование показывает, однако, что дело здесь обстоит иначе. Во-первых, определения того и другого типа следует рассматривать отдельно, поскольку они ведут себя по-разному в данной ситуации; во-вторых, разные союзы играют здесь разную роль.

При определениях типа прилагательного й- повторяется при бессоюзной связи и после союзов מִן-: нем и אֲתָם : אֲתָם, но после союзов רַי и ה(ה) й- не повторяется:

יִפְתָּלֵן יִרְעָה יִפְתָּלֵן יִרְעָה (МН, 10) 'род гневный и губительный';

רֹשְׁעִים יִתְּנֵם יִרְעָה יִרְעָה רֹשְׁעִים יִתְּנֵם (LS III, 169) 'люди непослушные, рошущие и порицающие';

רֹשְׁעִים יִרְעָה יִרְעָה יִרְעָה יִרְעָה רֹשְׁעִים יִתְּנֵם אֲתָם יִרְעָה יִרְעָה (LS III, 170) 'люди рошущие, порицающие, напештывающие, и клеветующие, и грешащие';

נִרְבֵּיתֵם יִתְּנֵם אֲתָם יִתְּנֵם רַי מִי (LS III, 15—16) 'дела справедливые и чистые, и истинные';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם אֲתָם יִתְּנֵם (PS, 175—176) 'место темное и хаотическое';

יִתְּנֵם לֵךְ יִתְּנֵם לֵךְ יִתְּנֵם (LS IV, 110) 'это время шестого или пятого часа';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (HG, 16) 'дух святой, дающий жизнь и единосущный с тобой';

יִתְּנֵם רֹשְׁעִים יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (Бытие, 41, 39) 'нет человека (такого) разумного и мудрого, как ты';

יִתְּנֵם רַי יִתְּנֵם רַי יִתְּנֵם (LBesa, 57) 'без какого-либо судна и команды';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (LS IV, 43) 'оплата золотом или медью'.

При определениях типа родительного падежа бессоюзная связь невозможна (так как такое определение находится в генитивной связи с предшествующим существительным). Союз רַי не может употребляться для их связи, поскольку он может соединять лишь недетерминированные имена. Что же касается остальных союзов, то после союзов ה и אֲתָם как й-, так и йте- не повторяются:

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (LS IV, 5) 'ибо видеть с радостью лик ангела или святого. . .';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (LS III, 110) 'дела спасения и жизни';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (LS IV, 76) 'каково же среди нас достоинство мужчины или женщины?';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (BMar, 40) 'глаза моей души и моего сердца';

יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם יִתְּנֵם (PS, 9) 'я не утаю от вас ничего из вещей, относящихся к выси и к месту истины'.

После союза מִן-: нем- предлог обычно не повторяется, но все же иногда можно встретить и повторение предлога:

ⲁϣⲭⲓ ⲛⲧⲉⲥⲧⲭⲭⲓ ⲛⲧⲙⲁⲕⲁⲣⲓⲟⲥ ⲁⲛⲁ ⲛⲧⲣⲟⲥ ⲙⲓ ⲁⲛⲁ ⲥⲛⲟⲧⲧⲉ (BMar, 135—136) 'он взял душу блаженного апы Кира и апы Шенуте';

ⲛⲟⲧⲉⲣⲛⲧⲉ ⲛⲧⲥⲱⲣⲓ ⲙⲓ ⲛⲕⲉⲟⲧⲁ (Иоанн, 19, 32) 'големи первого и другого';

ⲛⲥⲱⲑⲓⲣ ⲛⲉ ⲛⲧⲉ ⲛⲧⲉⲗⲟⲛⲓⲥ ⲛⲉⲙ ⲛⲓⲣⲉⲥⲉⲣⲛⲟⲛⲓ (Матф., 11, 19) 'он друг мытарей и грешников';

ⲛⲉⲛⲛⲟⲧ ⲛⲧⲛⲉⲕⲁⲗⲟⲧⲓ ⲛⲉⲙ ⲛⲉⲕⲗⲁⲟⲥ (Исх., 7, 28) 'дома твоих рабов и твоего народа';

ⲛⲛⲟⲧⲧⲉ ⲛⲁⲃⲣⲁⲁⲙ ⲙⲓ ⲓⲥⲁⲁⲕ ⲙⲓ ⲓⲁⲕⲱⲛⲓ (LS IV, 140) 'бог Авраама и Исаака и Иакова';

ⲛⲥⲟⲛ ⲛⲉⲥⲭⲱⲗ ⲛⲉⲙ ⲛⲁⲃⲛⲁⲛ (Бытие, 14, 13) 'брат Есхоля и Аунаня'.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Виктор — Еланская А. И. Коптские рукописи Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1969 (Палестинский сборник, вып. 20 (83)), с. 22—95 (издание мученика св. Виктора и Стефаниды).
- AS I — Amélineau E. Oeuvres de Schenoudi, t. I. Paris, 1909.
- ВНАМ — Balestri I. et Hyvernât H. Acta martyrum. Parisiis, 1907. (CSCO, SC, Textus series III, t. I).
- B.Mar. — Budge E. A. W. Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt. London, 1914.
- B.Mich. — Budge E. A. W. Saint Michael the Archangel. Three Encomiums. London, 1894.
- CSCO, SC — Corpus scriptorum christianorum orientalium, Scriptores Coptici.
- DA — Drescher J. Apa Mena. A Selection of Coptic Texts Relating to St. Menas. Le Caire, 1946.
- DH — Drescher J. Three Coptic Legends. Hilaria. Le Caire, 1947.
- H — Till W. und Leipoldt J. Der koptische Text der Kirchenordnung Hippolyts. Berlin, 1957.
- HG — Hammerschmidt E. Die koptische Gregoriosanaphora. Berlin, 1957.
- LBesa — Leipoldt I. Sinuthii archimandritae vita et opera omnia, I. Parisiis, 1906. (CSCO, vol. 41, SC, Textus, series II, t. II).
- LS — Leipoldt I. Sinuthii archimandritae vita et opera omnia, III—IV. Parisiis, 1908—1913. (CSCO, vol. 42 et 73, SC, Textus, series II, t. IV—V).
- MGC — Mallon A. Grammaire copte. Beyrouth, 1926.
- MH — Polotsky H. J. Manichäische Homilien. Manichäische Handschriften der Sammlung A. Chester Beatty, Bd. I. Stuttgart, 1934.
- MP — Allberry C. R. C. A Manichaean Psalm-Book, Part II. Manichaean Manuscripts in the Chester Beatty Collection, vol. II. Stuttgart, 1938.
- PS — Schmidt C. Pistis Sophia. Hauniae, 1925. (Coptica consilio et impensis Instituti Rask-Oerstediani edita, II).
- RCA — Riedel W. and Crum W. E. The Canons of Athanasius of Alexandria. London, 1904.
- SKG — Stern L. Koptische Grammatik. Leipzig, 1880.
- SL — Steindorff G. Lehrbuch der koptischen Grammatik. Chicago, 1951.
- TKDG — Till W. Koptische Dialektgrammatik. München, 1961.
- TKG — Till W. Koptische Grammatik (saidischer Dialekt). Leipzig, 1970. (Lehrbücher für das Studium der orientalischen und afrikanischen Sprachen, Bd. I).
- Z — Zoega G. Catalogus codicum copticorum. Anastatischer Neudruck der Originalausgabe von 1810. Leipzig, 1903.

A. I. Elanskaya

ATTRIBUTES INTRODUCED BY ⲛ- AND ⲛⲧⲉ- IN COPTIC AND THEIR CO-ORDINATION

In this article the types of attributival groups of words of the 'genetival' (determined nouns introduced by ⲛ-/ⲛⲧⲉ-) and adjectival (non-determined nouns introduced by ⲛ-) patterns are discussed.

1. The principles underlying the choice between $\bar{n}$ - and $\bar{n}\tau\epsilon$ - in the first pattern are shown to be different in the different dialects.

2. An explanation is suggested for the Bohairic way of avoiding the weak article $\bar{n}$ - (plur.) with the independent nouns.

3. A type of the adjectival pattern is further discussed. It may be termed as a 'determinative-attribute' or 'determining attribute', determinatives relating to type, sex, profession, size, etc.

4. The following rules governing the co-ordination of both patterns are established:

a) in the adjectival pattern $\bar{n}$ - is always omitted after $\varrho\iota$ and $\mathfrak{H}$, but is invariably present after $\Delta\tau\omega$: $\sigma\tau\sigma\varrho$ and $\mathfrak{M}\bar{n}$:- $\mathfrak{n}\epsilon\mathfrak{M}$;

b) in the genitival pattern $\bar{n}$ -/ $\bar{n}\tau\epsilon$ - are always omitted after $\mathfrak{H}$, $\Delta\tau\omega$: $\sigma\tau\sigma\varrho$, whereas after $\mathfrak{M}\bar{n}$:-/ $\mathfrak{n}\epsilon\mathfrak{M}$ - they may occasionally be repeated ($\varrho\iota$ co-ordinating nouns having no articles is excluded from this pattern altogether).

ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ СТАРОЕГИПЕТСКОГО СИНТАКСИСА

Этот тип предложений уже сравнительно давно стал объектом исследования в работах по египетской филологии. Сначала староегипетское именное предложение изучалось вместе с аналогичным среднеегипетским не только потому, что среднеегипетский и староегипетский синтаксис близки, но хотя бы уже потому, что до 1955 г. не существовало обобщающих работ по староегипетской грамматике.¹

Термин «именное предложение», заимствованный египтологами и коптологами из арабской грамматики,² может обозначать в последней предложении, начинающиеся с имени, но содержащие финитную глагольную форму, причем не только форму глагола-связки «быть».³

Однако первое же определение египетского именного предложения в трактовке А. Эрмана⁴ сформулировано под явным влиянием традиции, существовавшей в то время в гебраистике (а не в арабистике), т.е. традиции, которая не рассматривала предложения, содержащие глагол на втором месте (в его финитной форме), — иной, чем глагол «быть», — как именное по крайней мере в определении самого понятия «именное предложение».⁵ Влияние арабской грамматической традиции какое-то время испытывал сам К. Зете, автор первой в египтологии великолепной монографии об именном предложении, и некоторые другие исследователи.⁶

Что же касается взглядов А. Эрмана, то следует отметить, что во втором издании своей «Египетской грамматики» он не меняет прежней де-

¹ По рассматриваемой теме в 1938 г. вышла статья: Sander-Hansen C. E. Bemerkungen zum altägyptischen Identitätssatz. — *Acta Orientalia* (Copenhagen), 1938, vol. 17, S. 196—228. В 1956 г. вышла в свет капитальная работа этого же автора: Sander-Hansen C. E. Studien zur Grammatik der Pyramidentexte. — *Analecta Aegyptiaca* (København), 1956, vol. VI, а годом раньше — работа другого автора, ставшая настольным пособием всякого, кто занимается египетской филологией: Edel E. Altägyptische Grammatik, Bd. I—II. — *Analecta Orientalia* (Roma), 1955—1964, vol. 34—34/39. До А. Эрмана (см. далее) именное предложение практически не было объектом изучения.

² Ср.: Sethe K. Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen. Leipzig, 1916, § 1, Anm. 1; Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*. 2nd ed. London, 1950, § 28, Obs. 1; Vergote J. La phrase nominale en copte. — *Coptic Studies in Honour of Walter Ewing Crum*. Boston, 1950, p. 229; Schenkel W. Beiträge zur mittellägyptischen Syntax. — *ZAS*, 1963, 88, S. 113—114.

³ Гранде Б. М. Курс арабской грамматики, в сравнительно-историческом освещении. М., 1963, § 263—270; Schenkel W. Beiträge..., S. 114; Brockelmann C. Arabische Grammatik. Leipzig, 1953, § 100g.

⁴ Ж. Веррот (Vergote J. La phrase nominale..., p. 229) полагает, что определение именного предложения заимствовано А. Эрманом у Г. Штайндорфа. Но не наоборот ли? Ср.: Erman A. 1) Die Sprache des Papyrus Westcar. Göttingen, 1889, § 274; 2) Ägyptische Grammatik. Berlin, 1894, § 327; Steindorff G. Koptische Grammatik. 2te Aufl. Berlin, 1904, § 414.

⁵ Ср.: Steuernagel G. Hebräische Grammatik. 4te Aufl. Berlin, 1909, § 78; Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 27te Aufl. Leipzig, 1902, § 141.

⁶ Sethe K. Der Nominalsatz..., § 1, Anm. 1.

финиции именного предложения.⁷ В третьем издании «Египетской грамматики» он лишь слегка перефразирует прежнее определение.⁸ Однако в четвертом — и последнем — издании своего труда он почему-то меняет позицию и принимает формулировку арабской грамматической школы.⁹ Это слишком расширенное понимание «именного предложения».

Следующий шаг был сделан К. Зете, предложившим внутри именного предложения различать следующие два подтипа.

1. Именное предложение с неизменным сказуемым (*der Nominalsatz mit nichtnominalem Prädikat*), которое (по предложению Е. Литманна) он определяет как «адвербиальное именное предложение (*der adverbiale Nominalsatz*)» со сказуемым — наречием, наречным выражением (предлог + существительное), инфинитивным оборотом (предлог + инфинитив), формой (качества и) состояния — старым перфектом.

2. Именное предложение с именным сказуемым (*der Nominalsatz mit nominalem Prädikat*), т. е. со сказуемым — существительным, прилагательным, указательным местоимением, личным местоимением либо относительным предложением. Этот вид предложения он предлагает назвать «предложениями тождества (*Identitätssatz*)», так как по своему содержанию они устанавливают тождество между субъектом и предикатом.¹⁰

⁷ E r m a n A. Ägyptische Grammatik. 2te Aufl. Berlin, 1904, § 351*.

⁸ Ibid. 3te Aufl. Berlin, 1911, § 469*.

⁹ Ibid. 4te Aufl. Berlin, 1928, § 469.

¹⁰ S e t h e K. Der Nominalsatz. . . , § 2. — В коптологии эти взгляды получили дальнейшее развитие благодаря трудам В. Тилля, П. В. Эрнштедта и А. И. Еланской. См.: T i l l W. 1) Die koptischen Satzarten. — MIO, 1954, 2, S. 378—402; 2) Koptische Grammatik. Leipzig, 1955, § 241*: «В коптском языке есть три различных типа предложений, которые отличаются друг от друга по форме и по синтаксису и определяются по характерному для них предикату. . . ». Новаторство заключается в том, что наречные предложения им уже рассматриваются не как подтип именных, а вполне самостоятельно.

Но еще раньше В. Тилля, во второй половине 30-х годов, к необходимости выделения адвербиального предложения в самостоятельный тип пришел П. В. Эрнштедт, который в работе «Исследования по грамматике коптского языка» (труд подготовлен к печати Кабинетом Древнего Востока ЛО ИВАН в лице А. С. Четверухина и вдовой П. В. Эрнштедта О. К. Эрнштедт. Цитируется с разрешения О. К. Эрнштедт) указывал, что объединение адвербиального и именного предложения в один тип «оказывается сугубо условным и не оправдывается существом общей характеристики подтипов, имеющих вне глагольного предложения» (раздел «Типология предложения I», подраздел «Предложение именного типа», самое начало главы «Общие замечания»). В связи с этим П. В. Эрнштедт приходит к следующим выводам:

«Представляется более правильным отказаться от разделения коптских типов предложения на две основные категории и положить в основу новой классификации критерий принадлежности сказуемого к той или другой части речи, не отказывая наречию в равноправии с глаголом и именем. Поступая таким образом, мы приходим к различению следующих трех основных типов: 1) предложение глагольное (ПВг); 2) предложение адвербиальное (ПАТ) и 3) предложение именное (ПИТ).

При этом мы получаем не только различие цельных в себе категорий, в каждой из которых форма сопряжена по крайней мере в основном со значением, характерным для нее, в отличие от каждой из двух остальных, также рассматриваемых как носители тех или иных основных значений. Дело еще в том, что для 1) глагольного предложения в основном характерно наличие выражения его сказуемым действием, причем выражение состояния является побочным, как присущее только части глагольных предложений, составляющих незначительное меньшинство; 2) адвербиального предложения в основном характерно выражение состояния в смысле местонахождения и. . . времени; 3) именного предложения характерно выражение качества, достигаемое приемом отождествления, а побочным образом оно причастно и к выражению бытия, достигаемому в одном из подтипов (в порядке омонимии) при помощи формы, продолжающей обслуживать значение отождествления.

Из трех устанавливаемых основных типов предложения в коптском языке первые два, т. е. глагольный (ВгТ) и адвербиальный типы (АТ), составляют более тесное грамматическое единство в противоположность третьему типу, именному (ИТ). Типы именной (ИТ) и адвербиальный (АТ) имеют только одну черту, объединяющую их в противоположность типу глагольному (ВгТ), и эта общая черта заключается в отсутствии у них обоих глагола в качестве главного члена (ГЧ). ВгТ и АТ имеют общий им обоим порядок следования главных членов (ГЧЧ), при котором подлежащее неизменно предшествует сказуемому, а кроме того — причастны к употреблению префиксированных

Э. Х. Гардинер предлагает уже несколько иную классификацию египетских предложений. Он различает два типа предложений — глагольный и неглагольный. Последний тип представлен у него следующими подтипами: предложения с наречным (адвербиальным) сказуемым, предложения с именным или местоименным сказуемым и предложения со сказуемым-прилагательным.¹¹ Особняком в его классификации стоит подтип предложений неглагольных по форме, но глагольных по содержанию, так называемая ложноглагольная конструкция.¹² Предложения со сказуемым-причастием выделяются им в особый вид «the participial statement».¹³

Г. Лефевр также подразделяет все египетские предложения на глагольные и неглагольные,¹⁴ рассматривая ложноглагольные предложения как особый вид.¹⁵ Неглагольные предложения он подразделяет на предложения со сказуемым — существительным,¹⁶ прилагательным¹⁷ и наречием¹⁸ (или его эквивалентом — обстоятельственным выражением «предлог + имя»). Предложения со сказуемым-наречием он помещает частично в раздел, где разбираются предложения со сказуемым-существительным,¹⁹ частично — в раздел, посвященный предложениям со сказуемым-прилагательным.²⁰ Таким образом, предложения со сказуемым-причастием у него в особый вид не выделяются. Следует отметить, что классификация Э. Х. Гардинера оказала определенное воздействие на таковую Г. Лефевра, которая тем не менее отличается от предыдущей рядом деталей.

А. де Бук подразделяет все египетские предложения на две большие группы: предложения бессвязочные, не имеющие в качестве сказуемого финитной глагольной формы, и предложения, имеющие финитную глагольную форму, т. е. глагольные.²¹ К категории неглагольных (бессвязочных — *copulalose*) предложений он относит предложения с адвербиальным, субстантивным или прономинальным и адъективным предикатом.²² Однако он вынужден констатировать глагольные варианты предложений с адвербиальным сказуемым²³ в разновидности предложений тождества (с предлогом «в (качестве)»),²⁴ а также согласиться с возможностью присутствия финитной глагольной формы в предложениях со сказуемым-прилагательным,²⁵ что свидетельствует об определенной невыдержанности и этой классификации.

На непоследовательность классификации А. де Бука обратил внимание Ж. Вергот, который в специальной работе подверг ее справедливой критике.²⁶ Сам Ж. Вергот склонен примкнуть к мнению Ж. Вандриеса, раз-

глагольных форм, т. н. «вспомогательного глагола» в роли показателей времен и наклонений. Один из префиксов в порядке омонимии служит показателем логических сказуемости и подлежащности. Эта функция префикса объединяет ВеТ и АТ, а способность к префиксации показателем претеритности в виде префикса объединяет все три названных типа — ВеТ, АТ и ИТ». — См. также: Е л а н с к а я А. И. Коптский язык. М., 1964, с. 80—88. — Автор подразделяет коптские предложения на именные, наречные и глагольные.

¹¹ Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*, § 27—29; *Lessons XI—XII*.

¹² *Ibid.*, § 319—334.

¹³ *Ibid.*, § 227, 3; 372—374. — Э. Х. Гардинер также опирается на исследование: Gunn B. *The studies in egyptian syntax*. Paris, 1924, p. 59—64.

¹⁴ Lefebvre G. *Grammaire de l'égyptien classique*. Le Caire, 1940, § 577 et 600. Cf.: Vergote J. *La phrase nominale...*, p. 229—232.

¹⁵ Lefebvre G. *Grammaire...*, § 651—671.

¹⁶ *Ibid.*, § 603—616.

¹⁷ *Ibid.*, § 624—631.

¹⁸ *Ibid.*, § 638—650.

¹⁹ *Ibid.*, § 617—619.

²⁰ *Ibid.*, § 632.

²¹ De Buck A. *Egyptische Grammatica*. Leiden, 1944, § 198.

²² *Ibid.*, § 202.

²³ *Ibid.*, § 207, 211, 215—217.

²⁴ *Ibid.*, § 230.

²⁵ *Ibid.*, § 242—243.

²⁶ Vergote J. *La phrase nominale...*, p. 230.

личающего четыре типа предложений: именной, именно-глагольный, глагольно-именной и глагольный, но отвергает глагольно-именной тип²⁷ как «superfétatoire».²⁸ Он приходит к выводу, что при определении именного предложения предпочтительнее всего придерживаться чисто формального принципа и считать именным предложением такое предложение, в качестве сказуемого которого выступают: 1) существительное или его функциональные эквиваленты (местоимение, инфинитив, герундий); 2) прилагательное; 3) предложный оборот или его эквивалент (обстоятельственное наречие — *adverbe circonstanciel*), причем предикат может быть (а может и не быть) соединен (*uni*) с субъектом копулой.²⁹ Таким образом, понятие «именное предложение» транспозируется на предложения со сказуемым-существительным, сказуемым-прилагательным и сказуемым-наречием,³⁰ а «чисто формальное определение — *une définition purement formelle*» — оказывается слишком широким и несколько не отражает специфику староегипетского именного предложения.

В отличие от Ж. Вергота К.-Э. Сандер-Хансен специально не останавливается на рассмотрении чисто формального критерия в определении именного предложения.³¹ Что касается семантического критерия, то он весьма расплывчат, ибо именные предложения, как и все остальные, рассматриваются им как частный случай бытийных предложений,³² причем отношения подлежащего и сказуемого — существительных (или их групп) — в именном предложении рассматриваются как аппозитивные,³³ с чем согласиться принципиально невозможно.

Справедливо критикуя непоследовательность и неполноту существующих в египтологии и в семитологии синтаксических классификаций, В. Шенкель приходит к парадоксальному выводу, с которым мы абсолютно не можем согласиться: «Именное и глагольное предложения не являются реалиями египетского языка»,³⁴ — подразделяя египетские предложения на два типа — с финитной глагольной формой и без нее. В соответствии с исходным постулатом он подразделяет неглагольный тип на ряд подтипов таким образом, что именное предложение не выделяется в самостоятельную категорию.³⁵

Н. С. Петровский, рассматривая структурные признаки типов египетских предложений, предлагает различать глагольный и неглагольный типы, а также маргинальный тип предложений с ложноглагольным сказуемым.³⁶ Неглагольный тип подразделяется им на подтипы с адвербиальным сказуемым,³⁷ со сказуемым-прилагательным,³⁸ видимо, со сказуемым-причастием³⁹ и со сказуемым-существительным или его местоименным заместителем.⁴⁰

К ней близка классификация неглагольных предложений новоегипетского языка в работе М. А. Коростовцева «Основные элементы новоегипетского синтаксиса».⁴¹ Поскольку мы коснулись новоегипетского материала,

²⁷ Ibid.; Вандриес Ж. Язык. М., 1937, с. 119—124.

²⁸ Vergote J. La phrase nominale... , p. 230.

²⁹ Ibid., p. 232.

³⁰ Ibid.

³¹ Точка зрения Э. Эделя упоминается далее; см. также: Sander-Hansen C. E. Studien... , § 453—457, 459—461, 463—468.

³² Sander-Hansen C. E. Studien... , § 406.

³³ Ibid., § 643; Sander-Hansen C. E. Bemerkungen... , passim.

³⁴ Schenkel W. Beiträge... , S. 114—117.

³⁵ Ibid., S. 117—130.

³⁶ Петровский Н. С. Египетский язык. Л., 1958, § 176.

³⁷ Там же, § 181.

³⁸ Там же, § 190—191.

³⁹ Там же, § 129 и 194.

⁴⁰ Там же, § 195.

⁴¹ Вопросы языкознания, 1974, 2, с. 88: «По своему предикату безглагольные предложения новоегипетского языка могут подразделяться на три вида: 1) предложения с предикатом — прилагательным; 2) предложения с адвербиальным предикатом; 3) предложения с предикатом — существительным, т. е. предложения тождества.

то нельзя не упомянуть большую специальную монографию по неглагольному предложению Сары Израелит Гролл.⁴²

П. дю Бурге, считающий, что, с точки зрения структуры, противопоставление египетского глагольного предложения именному иррелевантно,⁴³ выделяет четыре типа «высказываний — énoncés» в египетском языке: с глагольным, адъективным, именным и обстоятельственным предикатами.⁴⁴

И, наконец, необходимо коснуться классификации, предложенной Э. Эделем.⁴⁵ Опираясь на работу К. Зете, Э. Эдель предлагает следующее определение именного предложения: «Под именным предложением понимается предложение, в котором не только субъект, но и предикат является местоимением или существительным, прилагательным, причастием, относительной формой или глагольным прилагательным».⁴⁶ Именные предложения подразделяются им далее на предложения с *rw* и без *rw*. Оба этих подвида в свою очередь распадаются на случаи, классифицируемые автором по характеру субъекта и предиката. Предложения со сказуемым-инфинитивом отдельно не рассматриваются. Следует отметить, что классификация Э. Эделя является самой подробной из существующих по материалу староегипетского именного предложения. Но и Э. Эдель не формулирует четкого правила выделения староегипетского именного предложения, т. е. не видит его специфики.

Действительно, есть ли вообще смысл выделять староегипетское предложение с именным предикатом как нечто самостоятельное? Тем более что было даже высказано вполне категорическое отрицательное мнение. Однако работа К. Зете до сих пор часто цитируется в самых различных исследованиях и, судя по всему, не потеряла своего значения как вклад в разработку проблем, связанных с египетским синтаксисом. Именному предложению посвящена большая монография С. И. Гролл и большой раздел в грамматике Э. Эделя, так что само существование именного предложения в египетском языке как бы подразумевается, не говоря уже о том, что в коптологии это понятие тоже утвердилось и, видимо, не без основания.

Вероятно, чтобы разобраться в этом вопросе, надо ясно отдать себе отчет в тех представлениях об именном предложении, которыми до сих пор руководствовались исследователи, и выбрать какой-то основной принцип (релевантный признак), который, с одной стороны, был бы специфическим для рассматриваемого материала, а с другой — не шел бы вразрез с логикой науки о языке.

Определение именного предложения, которое существует в арабистике, мы принять не можем из-за его чрезвычайной широты. Оно применимо к египетскому материалу так же хорошо, как и ко всякому другому, но только такая универсальность ничего не дает исследователю, ибо определение это слишком формальное. Что же касается определения, употребляемого в гебраистике, равно как и определений, ориентирующихся

⁴² Groll S. I. *Non-verbal sentence patterns in Late Egyptian*. London, 1967. — Здесь впервые в египтологии предпринята попытка подробного синтаксического описания при помощи современных лингвистических методов синтагматики и парадигматики именного предложения и других синтаксических конструкций, входящих в «неглагольное предложение». Автор подразделяет новоегипетские неглагольные предложения на: «1) the bimembral nominal sentence; 2) the adjectival sentence; 3) the cleft sentence (Group A: the patterns in which the participle and the relative form have no definite article); 4) the trimembral nominal sentence parallel to the cleft sentence; 5) the cleft sentence (Group B: the patterns in which the second member is a defined relative construction)».

⁴³ Du Bourguet P. *Les quatre types de la phrase égyptienne et leur rôle pour une approche d'ordre linguistique de l'égyptien*. — CE, t. 49, № 98, 1974, p. 258.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Edel E. *Altägyptische Grammatik*, Bd. II, § 939—972.

⁴⁶ Ibid., § 939.

на достижения в области изучения индоевропейских языков, то и здесь нет ни одного готового «рецепта», безоговорочно применимого к египетскому материалу (этот «рецепт», как мы покажем далее, и не мог быть выработан на основе изучения синтаксиса индоевропейских языков по одной очень важной причине, тогда как от семитологов этого в принципе можно было бы ожидать).

Так, автору данной статьи представляется правильным мнение тех исследователей, которые дифференцируют именное и наречное предложения, так как они различаются по структуре и по семантике. Далее, если под «именем» в «именном» предложении понимать не только существительное, то это понятие шире, чем думают иные исследователи, оно обозначает не только «предложения тождества», но включает в себя и некоторые другие виды предложений.

Вот где-то здесь, по-видимому, и исчерпывается возможность следования принципам, выработанным на почве индоевропеистики и семитологии (в последнем случае вследствие причин, объяснявшихся выше), поскольку в индоевропейских (а также в финно-угорских, тюркских и других) одним из важных элементов именного предложения является глагол (-связка; в данном случае совершенно не принципиальна степень ее факультативности — нормативности в конкретном языке, в конкретную эпоху, в конкретном случае и т. д.). Совершенно прав был Д. В. Бубрих, когда говорил, что «подлежащно-сказуемые предложения в нашей речи сплошь глагольные. Они являются глагольными и тогда, когда глагол имеет вспомогательный характер. . . он ставит предложение под знак глагольных категорий времени и наклонения. Они являются глагольными (не формально, а по существу) даже тогда, когда глагол отсутствует: отсутствие глагола ставит предложение под знак настоящего времени изъявительного наклонения, т. е. под знак определенных категорий».⁴⁷

К сожалению, мы не можем привести здесь богатый староегипетский материал, в частности материал Текстов Пирамид, из анализа которого вытекает, что характерным признаком старо(- и средне) египетского именного предложения является как раз **ОТСУТСТВИЕ ГЛАГОЛА В КАЧЕСТВЕ СВЯЗКИ** (и вообще — финитной формы), что впервые было отмечено Э. Х. Гардинером для одного из подвидов этого предложения — для «предложений тождества».⁴⁸ Отсутствие глагола в предложениях этого типа, вероятно, объясняется его происхождением⁴⁹ и развитием.⁵⁰

В таком случае получается следующая картина. Все предложения с *rw* в качестве формального субъекта, напоминающего копулу,⁵¹ следует считать именными, так как они не содержат ни финитной формы глагола, ни глагола в форме старого перфекта,⁵² а потому не могут предваряться вспомогательными глаголами.⁵³ Что же касается предложений без *rw*, то здесь дело обстоит сложнее. Так, если одним из главных членов является прилагательное или причастие (при другом главном члене имени или местоимении), то нам необходимо считаться со следующими возможностями: а) прилагательное стоит на первом месте; б) прилагательное — на втором месте; в) причастие стоит на первом месте; г) причастие — на втором месте. Тогда бесспорными, с точки зрения графики, именными предложениями будут являться в случаях а) и в) такие предложения, когда

⁴⁷ Бубрих Д. В. О возникновении подлежащно-сказуемого предложения. — Вестн. ЛГУ, 1947, № 5, с. 78.

⁴⁸ Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*, § 425.

⁴⁹ Четверухин А. С. Происхождение египетского именного предложения модели «Имя+указательное местоимение». — ПП и ПИКНВ, XIII. М., 1977, с. 175—178.

⁵⁰ Четверухин А. С. Синтаксическая функция указательного местоимения *rw* в староегипетском именном предложении. Рукопись.

⁵¹ Там же.

⁵² Edel E. *Altägyptische Grammatik*, II, § 958—972.

⁵³ Ibid., § 973—975.

прилагательное или причастие сопровождаются усилительно-экспрессивной частицей (скорее суффиксом) *wj*, поскольку она несовместима с финитной формой глагола, а это в свою очередь исключает постановку вспомогательного глагола (при этом второй член может быть как существительным, так и зависимым местоимением), либо без *wj* — тогда второй главный член может быть только зависимым местоимением.⁵⁴ В случаях б) и г) бесспорными именными предложениями явятся такие, в которых на первом месте будет стоять личное (независимое / эмпатическое) местоимение 1-го л. ед. ч. и мн. ч., 2-го л. ед. ч. м. р. и 2-го л. мн. ч., так как только в этом случае окончания старого перфекта⁵⁵ отличаются от окончаний причастия и прилагательного.⁵⁶

Невозможность постановки глагола в финитной форме, в том числе вспомогательного глагола, является, на наш взгляд, важнейшим характерным признаком старо(- и средне)египетского именного предложения. Этим оно и отличается от всех прочих типов египетских синтаксических конструкций.

В одной статье невозможно исследовать и другие вопросы, связанные со староегипетским именным предложением. Так, например, остается открытым вопрос об отношении этого типа предложений с предложениями, «именными» по смыслу, но «адвербиальными» (либо даже «адвербиально-глагольными») по форме, содержащими в качестве предиката (или его лексически полнзначной части) группу из предлога «в (качестве)» + имя/(редко!) личное местоимение — суффикс.⁵⁷ Гипотеза Я. Черны, приведенная Э. Х. Гардинером⁵⁸ и впоследствии сильно переработанная К. Э. Сандер-Хансеном,⁵⁹ который считает, что в именных предложениях (в нашем понимании) сказуемое является детерминированным, а в предложениях, где в состав сказуемого входит вышеуказанная группа, — индетерминированным,⁶⁰ довольно проблематична, хотя, возможно, и отражает одну из специфических черт⁶¹ дифференциации этих синтаксических конструкций. Примеры же, где вместо имени выступает личное местоимение — суффикс⁶² (а личное местоимение — это не есть нечто индетерминированное), явно свидетельствуют о том, что проблема

⁵⁴ Ibid., § 949 ββ, но не указательные местоимения (Ibid., I, § 201). Теоретически вторым главным членом в последнем случае может быть и существительное, но тогда эта конструкция ГРАФИЧЕСКИ не отличима от предложения с финитной глагольной формой. На наши представления в области египетской грамматики влияют необозначение гласных; необозначение удвоения согласных; нерегулярная передача *j* и *w*; отсутствие словоразделителей; отсутствие знаков препинания; случаи узуальной и окказиональной орфографической непоследовательности; большой удельный вес идеографических написаний.

⁵⁶ Ibid., I, § 576.

⁵⁵ Ibid., § 335, 342, 626; 205—301; см. также: Четверухин А. С. Вокализация именных морфологических показателей египетского языка старой и средней ступеней развития. — ПП и ПИКНВ, XII, II. М., 1977, с. 270—274.

⁵⁷ Edel E. Altägyptische Grammatik, I, § 445; II, § 912—924. Gardiner A. H. Egyptian Grammar, § 38; 44; 116—120; 162, 6.

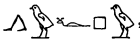
⁵⁸ Gardiner A. H. Egyptian Grammar, VIII.

⁵⁹ Sander-Hansen C. E. 1) Über einige sprachliche Ausdrücke für den Vergleich in den Pyramidentexten. — Acta Orientalia (Copenhagen), 1935—1936, vol. 14, S. 286—318; 2) Bemerkungen..., passim.

⁶⁰ Edel E. Altägyptische Grammatik, I, § 302: «Различие в употреблении детерминированного и недетерминированного существительного не прослеживается». Если детерминация не имела плана выражения, то говорить о ней можно лишь по аналогии с материалом других языков, но если план выражения детерминация-индетерминация был близок к семитскому, то вполне естественно, что он мог и не быть отражен в письменности. См.: Четверухин А. С. Вокализация..., а также: Brockelmann C. Semitische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1906, § 177—179; Gelb I. J. Sequential reconstruction of Proto-Akkadian. — Asriological Studies (Chicago), 1969, № 18, p. 142—147.

⁶¹ Дифференциальных признаков, естественно, могло быть несколько.

⁶² Edel E. Altägyptische Grammatik, I, § 445; Gardiner A. H. Egyptian Grammar, § 38; 44; 116—120; 162, 6.

остается открытой.⁶³ Решение этого вопроса в определенной степени связано с достижениями общего языкознания и, по-видимому, невозможно, в частности, без учета той идеи, которая проводилась Э. Бенвенистом.⁶⁴ Точно так же остается открытым вопрос о классификационной принадлежности синтаксических конструкций типа , имеющих «глагольно-именной» характер.⁶⁵ Всем этим вопросам автор настоящей статьи собирается уделить особое внимание в других работах.

A. S. Chetverukhin

NOMINAL SENTENCE IN THE SYSTEM OF OLD EGYPTIAN SYNTAX

The problems of egyptian nominal sentence actually came into being since Erman's «Die Sprache des Papyrus Westcar» — the prototype of his well-known «Ägyptische Grammatik» — had been published, they being dealt with or simply touched upon by many egyptologists thereafter. Later the existence of this type of egyptian sentence was called in question (at least twice) by W. Schenkel and P. du Bourguet, the former having stated that the «Nominalsatz und Verbalsatz keine Grössen der ägyptischen Sprache sind» (ZÄS, 1963, 88, 117), the latter that «Structuralement il n'y a pas d'un côté la phrase verbale et d'un autre les phrases nominales. Ce dernier terme est d'ailleurs essentiellement faux» (CE, t. 49, № 98, 1974, p. 258). The present author is of the opposite opinion to the question, being convinced of its existence and supposing that all the disagreements result from mistreating its relevant features. It is the marking of the old egyptian nominal sentence bounds, which is the subject of the paper.

Евг. Богословский

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, I—V

Основной словарь египетского языка,¹ созданный благодаря огромному труду большой группы филологов первой четверти XX в., еще долгие годы будет служить египтологии в качестве важнейшего справочника. Несмотря на неполноту и многочисленные недостатки словаря, которые чем дальше,

⁶³ В этом отношении «логико-семантический» подход Я. Черны менее уязвим, чем «грамматико-семантическая» позиция К. Э. Сандер-Хансена. В любом случае абсолютно прав Э. Х. Гардинер: настоятельно необходимо «a further investigation».

⁶⁴ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 167—183, 432—433.

⁶⁵ Например: Sethe K. 1) Ägyptische Lesestücke. 2te Aufl. Leipzig, 1928, S. 17, Z 9—10; 2) Erläuterungen zu den Ägyptischen Lesestücken. Leipzig, 1927, S. 21; Edel E. Altägyptische Grammatik, I, § 356; Sethe K. Die Altaegyptischen Pyramidentexte. Leipzig, 1908, § 768 a—b: и

, возможно, являются подобными примерами. В понимании этой синтаксической конструкции, может быть, таится ключ ко многим проблемам египетского синтаксиса.

¹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. 3. unveränderter Neudruck. Bd 1—5. Berlin, 1961; Bd 6, 1950; Bd 7, 1963 + Belegstellen zu Bd 1—5.

тем больше становятся очевидными,² до сих пор ни один из коллективов египтологов не решается принять на себя гигантский труд по составлению нового словаря. Картотека современного словаря египетского языка должна состоять из десятков миллионов карточек и требует затраты десятилетий черного труда большой группы высококвалифицированных ученых.

Особенно отстал от современной науки словарь в части иероглифической палеографии и установления времени появления новых общеупотребительных знаков³ или новых значений старых знаков, а также в части регистрации нестандартных форм уже известных иероглифов. Между тем тщательный учет исследований в области палеографии дает обильный материал не только для изучения истории египетской письменности, но и для датировок источников.

I. «Поздние» и «эллинистические» знаки письменности во времена Нового царства

1. В словосочетании m^r ḥrw — «правый голосом», которое писали после имени человека, Wb. II 17 отмечает написание идеограммы ḥrw через посредство знака только с позднего времени.

В надписях из второго помещения гробницы № 359 в Дэр эль-Медина,⁴ сооруженной для начальника рабочего соединения в Месте Правды на Западе jnw-ḥrt-ḥ'w 2-го, словосочетание m^r ḥrw после имени передано с помощью иероглифов

первой третью царствования г'-msw-sw II (начало XIII в. до н. э.), серединой царствования XX династии (XII в. до н. э.).⁶

3. Написание эпитета m' hrw через посредство группы знаков или — , как сообщил мне Ю. Я. Перепелкин, наблюдается уже со времен последней трети правления jmn-hrw IV (Wb. II 17, 16—18: Seit Ende D. 18 (Amarna)). Встречается оно и в надписях конца правления XVIII династии.⁷

Только в начале правления XIX династии появляется передача этого эпитета через посредство одного знака .⁸ Одна из надписей, в которых встречается названный знак, точно датирована временем царствования swthj I.⁹

Словарь египетского языка (Wb. II 17, 16—17) не отмечает, что такие употребление знаков появились в разное время, и вообще упускает присутствовавший в этих сочетаниях не более полувек знак , наличие которого может служить основанием для датировки памятников конца правления XVIII—начала правления XIX династии.

4. Из поздних и особенно эллинистических надписей хорошо известен иероглиф m, время появления которого в словаре отнесено к позднему времени (Wb. II 1).

Между тем этот знак с тем же значением встречается уже в надписях зала С в гробнице № 356 jmn-m-wj' в Дэр эль-Медина в середине правления фараона г'-msw-sw II, т. е. в первой половине XIII в до н. э.¹⁰

Он выписан в составе имени владельца гробницы . Это имя там же неоднократно начертано с помощью набора обычных, давно известных иероглифов, позволяющих с полной уверенностью прочитать и этот новый для II тыс. до н. э. знак: .¹¹

т. е. в первой записи согласный звук m передан через посредство знака , а во второй — через посредство знака .

II. Новое значение давно известного знака

В надписях на саркофаге князя — наместника города mn-nfr — по имени jmn-hrw (современник знаменитого фараона г'-msw-sw II) знак почти всегда, за исключением двух случаев, имеет значение hrw.

⁶ Tosi M., Roccati A. Stele e altre epigrafi di Deir el Medina, n. 50001—50262. Torino, 1972, n. 50203; Hieroglyphic texts from Egyptian stelae etc. in the British Museum. Ed. by T. G. H. James. Pt 9. London, 1970, pl. XXXIII, 2, XXXV, 2, XL, 2; Bruyère B. Rapport..., 1928, fig. 49; 1930, pl. X, etc.

⁷ Hayes W. C. The scepter of Egypt, pt. II. Cambridge, 1959, fig. 191; позже, в том числе в середине правления г'-msw-sw II: Bruyère B. Rapport..., 1928, p. 89, fig. 49; Богословский Евг. Памятники и документы из Дэр эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР. — ВДИ, 1972, 3, с. 88, рис. 11; употребляется в текстах гробницы № 356 jmn-m-wj', который в 40-м году царствования г'-msw-sw II еще был жив, см.: O. BM 5634 vo 2; ср. Černý J. A community..., p. 115.

⁸ Bruyère B. Rapport..., 1928, p. 77, 79; 1935—1940, II, p. 6, pl. I, fig. 73; Tosi M., Roccati A. Stele..., n. 50039, 50042.

⁹ Bruyère B. Rapport..., 1928, p. 118—119.

¹⁰ Для датировки гробницы, кроме прим. 7, см. также: Černý J. 1) Ostraca hiératiques non littéraires de Deir el-Médineh, II. Le Caire, 1936, n° 189; 2) Le culte d'Amenophis Ier chez les ouvriers de la nécropole thébaine. — BIFAO, 1927, 27, pl. IX; Bruyère B. Rapport..., 1928, p. 111; 1948—1951, p. 78; Valbelle D. Ouchebtis de Deir el-Médineh. Le Caire, 1972, p. 77, etc.

¹¹ Воспроизведение надписи: Tosi M. Una Stirpe di Pittori a Tebe. Torino, 1972; нечеткое воспроизведение было издано еще в 1929 г.: Bruyère B. Rapport..., 1928, p. 89, fig. 46.

Но именно два исключительных случая и близкий им третий случай употребления знакомых знаков требуют специального обследования.

jm̄n-ḥtpw, занимавший еще и должность руководителя хозяйства храма фараона, в ряде случаев назван «управителем хозяйства в » (вар.: и).¹²

Из сопоставления трех вариантов начертаний звания египтологу сразу становится ясно, что знаки и несут здесь до сих пор не отмеченное для них значение ḥm — «величество». Ничего особенного, поразительного в этом наблюдении нет, потому что оба знака служили определителями в группах иероглифов, несших слово ḥm — «величество».

Издатель надписи Ахмад Бадави не понял, что эти знаки несут слово ḥm и предложил читать их nb — «господин», «владыка». Но для такого понимания этих знаков существует ряд непреодолимых препятствий:

А. Устойчивое словосочетание ḥwt (n) nb. f — «двор господина его» до сих пор не учтено в словарях египетского языка, основывающихся на росписи сотен тысяч текстов.

Б. Следовательно, если даже такое словосочетание и существовало в египетском языке, оно не было общеупотребительным и не могло стать устойчивым. В таком случае показатель косвенного родительного падежа между входящими в словосочетание словами не мог выпасть и быть заменен прямым родительным падежом.

В. Предположим, что отсутствие показателя косвенного родительного падежа между словами ḥwt и nb.f объясняется тем, что два n (n nb. f) стянулись в один звук, поэтому в написании ḥwt (nj) nb.f и отсутствует n. Но в таком случае было бы необъяснимым существование той разновидности начертания, которая приведена первой. Ее пришлось бы понять как ḥwt (nj) ḥm (nj) nb. f. В этой странной конструкции отсутствие n(j) между ḥwt и ḥm совершенно необъяснимо. Графически необъяснимо в таком случае и отсутствие n(j) между ḥm и nb. f (после ḥm обязателен показатель родительного падежа, см. Wb. III 91—92).

Г. При том понимании текстов, которое предложил А. Бадави, должностное звание jm̄n-ḥtpw оказалось бы неустойчивым словосочетанием: в нем в одной и той же надписи то вставлялось бы, то убиралось слово ḥm. f — «его величество». Это не вяжется с обычным синтаксисом титулов и должностных званий, являющихся, как правило, очень прочными, устойчивыми словосочетаниями. Это не вяжется и с «выпаданием» показателя родительного падежа, которое могло иметь место только в устойчивом словосочетании.

Д. Для передачи значения nb — «господин», «владыка» в надписях на саркофаге князя-наместника неизменно употребляется идеограмма .¹³ Ни в надписях на статуе jm̄n-ḥtpw, ни в надписях на его саркофаге в других случаях ни разу не упомянуто ḥm n nb. f — «величество господина его».

Следовательно, понимание А. Бадави противоречит самой внутренней системе надписи.

Читая оба иероглифа как ḥm, мы все три варианта начертаний сможем понять совершенно одинаково: ḥwt ḥm. f — «двор его величества». Это единственное непротиворечивое чтение, соответствующее морфологическим и синтаксическим правилам египетского языка.

Следует, однако, добавить, что использование таких знаков для передачи идеограммы ḥm не могло прижиться, так как они определяли слишком

¹² Badawi Ahmad. Zwei Denkmäler des Grossen Gaugraf von Memphis Amenophis Hwj. — ASAE, 1944, 44, S. 181—206, Taf. XVI—XXIV (S. 190, VII; 191, IX—X; 194, XXV).

¹³ Ibid., S. 190, VII; 191, XI; 199, LVIII; 200, LIX.

много существительных, т. е. были слишком широкими по своему изобразительному содержанию. В сущности, перед нами не более, чем эксперимент по превращению определителя в фонетическую идеограмму. Подобные эксперименты над иероглифами, передававшими словосочетание *sdmw 'š*, я уже отмечал на основе надписей, дошедших до нас от правления XVIII династии.¹⁴

III. Необычные формы знаков

В иероглифической части надписи на остраконе из Долины царей (раскопки Картера—Карнарвона) в имени фараона *dhwtj-msw* IV слово *msw* передано идеограммой , в которой легко узнать необычную форму идеограммы *msw*.¹⁵

IV. «Новый» иероглиф — следствие непонимания уже известного

В гробнице *jnw-hrt-h'w* (№ 359 в Дёр эль-Медина, XII в. до н. э.) в надписи на потолке первого помещения как определитель к слову *snj* — «обонять», «нюхать» выписан иероглиф .¹⁶ Этот необычный знак не учтен в словаре египетского языка и является, очевидно, большой редкостью.

Причину появления такого знака понять нетрудно. Обычным определителем к слову *snj* — «обонять» было изображение носовой части лица: . В эпиграфике Нового царства поверхность знака обычно вынималась целиком, поэтому детали не прорабатывались; отчетливо вырисовывался только контур. Иероглиф «носковая часть лица» не имеет характерных деталей в профильном силуэтном изображении, поэтому его контурное изображение еще во времена Нового царства начали понимать как «голову животного» и добавлять к этой голове ухо: (в словаре такая форма отнесена к позднему времени — Wb. IV 153). Изображение передней части лежащего животного в качестве определителя к слову *snj* доводит до полного завершения процесс искажения иероглифа «носковая часть лица» из-за непонимания его начертания.

Вообще же нужно отметить, что в гробнице *jnw-hrt-h'w* 2-го, несмотря на красивый почерк писца, довольно много странностей в надписях. Они наглядно показывают нам, что процесс искажения знаков, создания новых иероглифов из-за непонимания старых и появление новых значений уже известных и общеупотребительных знаков начался задолго до позднего времени — еще во времена Нового царства.

V. О двух детерминативах

1. До самых последних лет употребление определителя к мужскому имени в форме датировалось не ранее, чем XX династией.¹⁷ Я уже отмечал ошибочность таких датировок и показал, что этот знак встречается в текстах начала правления XIX династии.¹⁸ Следует добавить,

¹⁴ Bogoslovski E. S. Die Wortverbindung *sdmw 'š* in der ägyptischen Sprache während der XVIII. Dynastie. — ZÄS, 1974, 101, 2, S. 85—86.

¹⁵ Černý J. Ostraca hiératiques, I, n° 25671; Sauneron S., Yoyotte J. Le cynocéphale somme graphie du nom de Thot. — RdE, 1950, 7, p. 10.

¹⁶ Bruyère B. Rapport..., 1930, pl. III.

¹⁷ Tosi M., Roccati A. Stele..., p. 234.

¹⁸ См.: ВДИ, 1975, 2, с. 159.

что иероглифическая наборная передача этого иероглифа через посредство знака , т. е. через изображение бородатого мужчины, напоминающего обликом азиата, является ошибочной, вызывающей неверные представления о национальности названного в тексте человека.

2. Самым поздним пределом употребления детерминатива к мужскому имени в виде (следует обратить внимание на короткий сзади парик) считают конец XVIII династии, в крайнем случае — начало правления XIX династии.

В действительности же этот определитель употреблялся еще в последней четверти правления r^c-msw-sw II, т. е. в третьей четверти правления XIX династии. Он начертан в надписях гробницы 217 jr^wj; над гробницей 217 работали в 49—55 гг. правления названного фараона, судя по найденным в ней датированным острака.¹⁹ В текстах этот определитель соседствует с более поздними по времени возникновения детерминативами

, .²⁰

E. Bogoslovsky

PALAEOGRAPHICAL NOTICES

The author studies first appearance and the history of some egyptian hieroglyphs in the New Kingdom: the date, the shape, the meaning, the origin, the decipherment and history of several epithets and determinatives.

¹⁹ Davies N. de G. Two Ramesside tombs at Thebes. N. Y., 1927, pl. XIX.

²⁰ Ibid., pl. XXV, XXX, XXXVI.

РЕЦЕНЗИИ

Новая хроника из расулидского Йемена

Скудный список изданных источников по средневековой истории Йемена пополнился напечатанным в Токио текстом анонимной истории династии Расулидов (XIII—XV вв.).¹ Кратко освещая историю Сулайхидов Айюбидов и первых Расулидов, это сочинение подробно рассказывает о времени последних царей этой династии ал-Малике ал-Ашрафе, ал-Малике ан-Насире и ал-Малике аз-Захире Яхйе (XV в.).

Издатель текста — доктор Хикоити Ядзима — посетил ряд библиотек арабских стран и Европы и изучил рукописи, касающиеся вопросов арабской географии и торговли в Индийском океане в средние века. Его внимание привлек анонимный уник из собрания Национальной библиотеки в Париже, содержащийся в йеменском сборнике под шифром Arabe 4609. Его изданием и является рецензируемая книга.

Значение этой публикации велико, ибо источников по средневековой истории Йемена крайне мало, да и большинство из них до сих пор существует только в рукописях. Д-р Ядзима дает подробное описание сборника, содержащего, кроме 63 листов хроники, династийные и астрономические таблицы, гадательные и астрологические тексты. Описание Ядзими значительно подробнее, чем то, которое приводится в известном каталоге де Слэна.² Однако описание де Слэна почему-то прошло мимо внимания издателя, который его не упоминает. Приводимая де Слэном дата переписки — 845/1441 г. — описанием Ядзими не подтверждается. Исходя из содержания текста, он датирует написание хроники примерно 840—841 г. х., а позднейшая возможная дата переписки определяется заметками на полях, сделанными рукой йеменского историка 'Исы б. Лутфаллаха (968—1068 гг. х.). Возможно, что де Слэн принял за дату переписки хронологическую запись, восходящую к протографу.

Арабский текст издан ротапринтом с машинописной копии. Текст сопровождается комментарием, где даются некоторые исправления орфографии и ссылки на параллельные места в других йеменских исторических сочинениях соответствующего периода (как изданных, так и рукописных). Это сравнение подтверждает вывод издателя, что хроника самостоятельна, не имеет прямых заимствований, а для периода поздних Расулидов содержит уникальный материал. Издание снабжено именным, этно-топонимическим, предметно-терминологическим указателями. Последний указатель, весьма подробный, существенно облегчает знакомство с информацией, имеющейся в хронике.

Издание текста выполнено добросовестно, с привлечением большого материала. Можно высказать лишь некоторые мелкие замечания. Есть

¹ A Chronicle of the Rasulid Dynasty of Yemen. From the unique MS Paris No. Arabe 4609. Edited, Notes and Indices by Hikoichi Yajima. Tokyo, 1974. — Рецензент глубоко благодарен В. А. Вельгусу, предоставившему ему для работы единственный в Ленинграде собственный экземпляр этого издания.

² M. G. de Slane. Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque nationale. Paris, 1847—1851, n. 4609.

опечатки: с. 66 — الناصي вместо الناس; с. 69 — سلاح вместо سلاج; в указателе — انية البلور вместо انية البلوم. В предметном указателе есть некоторые пропуски, например, не указана с. 58 для термина سباط. В том же указателе в статье طنب приведена с. 67. На ней этого термина нет, но есть طبيب, отсутствующий в указателе. Для термина قطن ошибочно указана с. 114, его там нет. Трудно согласиться с выбором издателем в комментарии значения «горный хрусталь» для слова مہاج (с. 84). Основное словарное значение «антилопа» более уместно в списке подарков рядом со слоном и жирафом. Такую же антилопу потом дарят китайцам (с. 106).

Издатель предварил текст введением, где он частично обобщает выводы своих статей. Он справедливо подчеркивает, что торговые связи Индийского океана надо изучать не только как часть мировой транзитной торговли Востока и Запада, но и как выражение особого экономического и культурного единства, реально существовавшего в средние века в бассейне Индийского океана, особенно в западной его части. Действительно, было бы интересно проследить в широком хронологическом контексте, когда Южная Аравия была больше связана со странами Индийского океана, а когда — со Средиземноморьем. К сожалению, д-р Ядзима не развивает далее эту идею. Во введении дается краткий обзор истории южноаравийской торговли в мусульманское время, устанавливается хронология ее взлетов и падений.

По поводу автора этого сочинения Ядзима, основываясь на собственном анализе текста, заключает, что он — современный поздних Расулидов — был близок к канцелярии двора ал-Малика аз-Захира и имел доступ к султанским документам. Хроника эта особенно ценна сведениями о правлении последних султанов; она заполняет лауну между хроникой ал-Хазраджи, кончившего правлением ал-Малика ал-Ашрафа, и последующими тахиридскими историками (Ба Махрама, Ибн ад-Дайба⁴, ал-Ахдал). Расказано также о возвышении на севере зейдитских имамов, о мятежах арабских племен. Очень подробны сведения о смене и назначениях государственных чиновников. Обильны данные о торговых и дипломатических связях Йемена в XIV—XV вв., в частности уникальные сведения о прибытии в Аден джонок из Китая в 821/1418, 826/1425, 835/1432 гг.

Разнообразные сведения хроники складываются в насыщенную и характерную картину общества расулидского времени, во многом похожего на развитое средневековое общество Египта и Сирии XIII—XV вв. Наиболее специфичны, конечно, данные об организации торговли. Доходы от транзитной и иной торговли занимали важное место в экономической жизни государства. Собранная пошлина (*хизна*) ежегодно торжественно доставлялась султану из Адена. В 835 г. х. эта *хизна* составила 300 тыс. рупий, в 836 г. х. — 400 тыс. рупий только деньгами; там было еще на 100 тыс. динаров рабов, пряностей и всяких редкостей. К этим цифрам, разумеется, надо относиться с осторожностью, но они интересны и скорее всего достоверны. Государство получало также подарки от обычных купцов и купцов с определенными дипломатическими полномочиями. Делегации с дарами прибывали из Африки (Сомали, о. Дахлак), из Египта, Мекки, Индии (Канбая, Бенгалия, Дели), наконец — из Китая. Иногда подарки одних использовались для ответов на подарки других. Так, подарок одному из китайских посольств состоял, видимо, из подношений африканских и египетских купцов-послов.

В портах собирали десятину — *'ушр*, причем иногда купцов освобождали от нее полностью или частично, видимо, в противовес купцам *ал-муджабирун*, которые проплывали через Баб ал-Мандаб, минуя йеменские порты и таможни. Если такие суда терпели крушение, то султанские чиновники конфисковывали весь груз. Сбором пошлин и организацией торговли в городах занимались основные представители административной

власти — *валл* и *назйры*. К примеру, *назйр* Адена по приказу султана назначил пошлину для случайно зашедших в гавань судов. Среди торговцев различались категории: «капитаны» (*ан-навāхиз*), «начальники караванов (?)» (*арбāб ал-асфār*), сухопутные и морские купцы (*ат-туджжār*), мелкие торговцы (*ал-мутасаббибун*). Торговцы эти входили в какие-то объединения, упоминаются «шейхи торговцев», приходившие на аудиенцию к султану.

Сведений о повседневной торговле продуктами питания очень мало. Среди грузов и подарков называются обычно только предметы роскоши и диковинки. Особо можно отметить китайский фарфор (*сини*). Часто упоминаются ткани, которые различались по материалам (шелк, хлопчатобумажные, парча), по употреблению (занавеси, покрывала, тюрбанные ткани) и по происхождению (сирийские, иракские, египетские, александрийские, ширазские, йездские и т. д.).

Есть и другая информация экономического характера. Сообщается, что по султанскому приказу с 791/1388/89 г. в Вади Забид стали выращивать рис. Фраза «они отнимали у людей коров и одежды» свидетельствует о распространении в XV в. крупного рогатого скота, так как слово *бахар* употреблено в значении «скот вообще». Это помогает установить хронологические этапы в изменении характера скотоводства в Южной Аравии. Отмечаются падеж скота и повышение цен в 815 г. х., однако цифры не называются. В одном случае упомянуты личные земли султана, которые он передает в вакф.

Автор хроники был хорошо знаком с официальной жизнью двора, и его труд пестрит различными званиями и титулами, элементами сложной иерархической структуры развитого средневекового общества. Титулы те же, что и в других мусульманских странах: *устādāры*, *ғазнадāры*, *зимāмы*, *āмили*, *валл*, *назйры*, *мушидды*, писцы, исполнители (*мутасаррифун*). Среди военных должностей — *амйры*, *муқаддимы*, *нақйбы*. Их содержание текстом почти не раскрывается, приходится опираться исключительно на египетско-сирийские параллели, бывшие для Йемена образцами. Интересно, что должности *валл* и *назйра* могли совмещаться в одном лице (*валл* и *назйр* Адена).

Высокое место в иерархии (в списках — после *амйров*) занимали *муқта*, владельцы *икта* (наделов). Этот титул совмещался с административными должностями. Один персонаж был и *муқта* и *муқаддимом* одного и того же места, а другой — *муқта* и *муқаддимом* в разных. *Икта* выдавались за заслуги и по поводу разных радостных событий, но были дарением временным; их утверждали, продлевали, прекращали и возвращали как всякую государственную должность.

В списках верхушки общества, участвовавшей в церемониальных шествиях, часто упоминаются вожди племен — *машāих*, действующие лица многих политических событий. Кроме них, называются и другие категории племенной знати: *кабйры* и *шарйфы* (в отдельных случаях). Племя называется *қабилла*. Общее название «арабы» (*араб*) имеет в виду непокорные и воинственные племена гор, пустыни и побережья, как *ма'āзиба*, *вā'изāt*, *рамата*, *шафалит*, *йāфи*. Их главная сила — конница. Обычно о них рассказывается в связи с мятежами против центральной власти, хотя говорится и о «замиренных» арабах. Некоторые из них под несколькими терминами — *урбāн*³ — упоминаются в составе султанского войска рядом с *аскарами* и *шарйфами*.

Хроника часто упоминает мятежи, где вместо с арабами, а иногда и самостоятельно, действуют *абид* — рабы. Упоминаются дворцовые рабы, участвующие в придворных заговорах. Некие «оружейные рабы» (*абид*

³ Этот термин в Сирийской пустыне, например, означал соединение бедуинов из различных племен. См.: Musil A. The Manners and Customs of the Rwala Bedouins. New York, 1928, p. 44.

ас-силāх) имели над собой *нақибов*, иногда бунтовали, убегали, иногда возвращались. *Нақибам* приказывали собирать в случае нужды из 'абид мужчин с оружием, из чего можно заключить, что они жили со своими семьями. 'Абид участвовали и в конфликтах, не связанных с султанской политикой. Например, ради собственных интересов, а не по приказу правителя, они воевали с племенем *шафалит*. Многие 'абид жили в разных районах страны, в Ливе, Худже, ал-Хаззе. Видимо, это были беглецы, селившиеся среди непокорных властям арабов. 'Абид ал-Ханки, как кажется, были наиболее активными и многочисленными. Они жили деревнями, возглавлялись шейхом, владели лошадьми и имели отряды конницы.

Как видим, 'абид были особой категорией населения, не ограниченной просто домашними и султанскими рабами. Возможно, что это — переходная ступень от настоящих рабов к низшему сословию, «касте», 'абид, зафиксированной в социальной структуре Южной Аравии в XIX и XX вв.

Расулидский двор любил пышные церемонии. По поводу рождения сыновей, побед, подчинения иноземных правителей, закладки зданий и просто перемещений султана из одной резиденции в другую устраивались торжественные шествия с барабанным боем и вынесением днем зажженных свечей, с проходом по городу всех категорий знати. Раздавались подарки, устраивались пиры для верхушки и для простолюдинов, чеканились памятные монеты, произносились специальные хутбы.

Хроника отмечает и различные природные происшествия: сильные дождевые потоки, землетрясения (789, 816, 835 гг. х.), солнечное затмение (815 г. х.), кометы.

Д-р Хикоити Ядзима ввел в науку важный и интересный источник, который во многом продвигает вперед изучение средневекового Йемена, содержит сведения, важные не только для Южной Аравии, но и вообще для исследования проблем, связанных с характером средневекового общества на Арабском Востоке. Этот труд — хороший образец уровня и направлений сегодняшней японской арабистики, развивающейся стремительными темпами.

М. Пиотровский.

М. I. Mochiri. *Etudes de numismatique iranienne sous les Sassanides*, t. I. Téhéran, 1972.

Небольшая по объему работа представляет собой исследование автора, основной интерес которого принадлежит к другой отрасли знаний. Плодотворно занимаясь хирургической практикой, он одновременно в течение многих лет коллекционирует монеты парфянского и сасанидского времени, изучает работы европейских ученых, посвященные раннесредневековой истории Ирана. М. И. Мошири является обладателем коллекции сасанидских монет, среди которых есть уникальные экземпляры. Он хорошо знаком с литературой по иранской нумизматике. Цель его книги состоит в том, чтобы высказать собственное мнение по ряду проблем, касающихся как собственно нумизматики, так и истории Ирана, для понимания которой данные нумизматики имеют исключительное значение. Такую возможность высказаться автору дают результаты изучения палеографии монет. Его книга состоит из серии очерков, разделенных на две части — историческую и чисто нумизматическую.

В исторической автор анализирует редкую монету с портретным изображением шаханшаха Хормузда V и пехлевийской легендой 'ēlmykdwh̄t, воспроизводящей имя царицы Азармидухт. В таком необычном сочетании имени и изображения он видит подтверждение истории о взаимоотноше-

ниях царицы со сплахбедом Хорасана Фаррух Хормуздом и отождествляет последнего с Хормуздом V. Но если быть последовательным, то следует признать и гибель Хормузда по распоряжению Азармидухт. Между тем, известны монеты с именем Хормузда V первого,¹ второго и третьего года выпуска. Кроме того, сирийские источники называют Хормузда могущественным соперником Йездигерда III, уступившим трон только после кровопролитной борьбы.² Таким образом, остается только признать, что о всех перипетиях междоусобной войны в Иране до воцарения Йездигерда III известно очень мало, а интересная находка М. Мошири пока не дает ключа к разгадке тайны. А. Христесен был почти прав, когда писал о том, что о Хормузде V ничего не известно, кроме имени.

Второй очерк — это полемика с Р. Гёблем относительно того, что монеты с изображением юноши и именем Хосрой, выпускавшиеся в период междоусобицы, следует связывать с чеканом Хосрова III (как у Ж. Моргана), а не Хосрова V (как у Р. Гёбля). Действительно, не совсем ясно, чем руководствовался Р. Гёбль, отождествляя этого Хосрова с Хосровом V. В то же время письменные источники сообщают о двух лицах, носивших это имя и короткое время занимавших шаханшахский трон до того, как он достался Йездигерду III: а) Хосрова сына Михргушнаспа, происшедшего из потомков Ардашира Папакана в Ахвазе, который правил всего несколько дней и был убит (Хосров III?); б) Фаррухзада Хосрова (Хосров IV?), который был казнен Йездигердом. Кто из них успел выпустить монеты с собственным именем, сказать трудно. Может быть, оба? Но, как справедливо отметил автор, пока известны монеты только одного Хосрова, выпущенные в период междоусобицы. С другой стороны, нельзя ручаться за полноту известного нумизматического материала.

Вторая часть книги М. И. Мошири посвящена проблеме дешифровки монограмм (аббревиатур) монетных дворов. Автор предлагает свои варианты чтения тех аббревиатур, по поводу которых у нумизматов существуют разногласия. Каждой из них посвящается отдельный очерк. В первом (с. 21—25) он обращает внимание исследователей на те редкие случаи, когда название монетного двора в полной или сокращенной форме располагается не на своем обычном месте оборотной стороны, начинаясь слева от алтаря огня и продолжаясь по его основанию. Здесь не совсем ясно, почему ŠIRAÇ означает Шираджан в Кермане, а не Шираз в Парсе, ибо известны драхмы с монограммами KR и KRMAN.

Заключения автора по поводу отождествления той или иной монограммы всегда интересны, хотя одни из них аргументированы лучше, другие хуже. Очень удачным представляется выделение монограммы GD монетного двора Исфакана (Гайя), которую одни исследователи считали вариантом RD и отождествляли с Рейем, а другие хоть и выражали сомнения на этот счет, но собственного чтения не давали. Монограмму монетного двора Горгана автор устанавливает путем сравнения ее элементов на драхме с двумя начальными буквами полного названия (GWRGAN), воспроизведенного на булле. Но если сосредоточиться на палеографии, тогда стоит упомянуть, что монограмма полностью совпадает и с начальными знаками в передаче названия округа Гор (GWBR) на одной из официальных сасанидских печатей из Парса.³ Как бы предвидя возражения возможных оппонентов против такого рода доказательств, автор подкрепляет свою гипотезу упоминанием о большом количестве монет последних

¹ Одна такая монета хранится в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (инв. № 12417) с аббревиатурой монетного двора — NIHC.

² Chronique de Michel le Syrien Patriarche jacobite d'Antioche éditée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot, t. II, fasc. 3, p. 414, 418; Gregorii Barhebraei Chronicon syriacum edidit P. Bedjan. Parisii, 1890, p. 100.

³ Frye R. N. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings and Coins. Cambridge, 1973, D. 212.

сасанидских царей с той же монограммой в кладе Гонбаде Кавус из Гор-
гана. И именно это обстоятельство придает вес его рассуждению.

По поводу остальных очерков в книге М. И. Мошири хочется отметить
следующее:

а) попытка превратить не расшифрованную до сих пор монограмму
BN в GN и связать ее с монетным двором Гундишапура не выдерживает
критики из-за слабости аргументации;⁴

б) недостаточно убедительны и заключения о монетном дворе Балха;

в) желание видеть в монограмме NINC, которую исследователи счи-
тали аббревиатурой Нехавенда или Нахчавана, сокращение VISP для обо-
значения Виспшад-Хосрова, города, построенного Хосровом Ануширван-
ном, очень заманчиво, но форма соединения двух последних знаков не-
сколько необычна для образования лигатуры SP (и так во всех случаях,
когда эта монограмма встречается);

г) монетный двор с монограммой MI, вероятно, следует связывать
с Мешаном (Месеной), областью, расположенной в Нижнем Междуречье
и известной как по надписям раннесасанидского времени, так и по сирий-
ским и арабским источникам; с другой стороны, обилие монет с этой
монограммой в Двинском кладе⁵ позволяет допустить более северную
локализацию монетного двора;

д) монограмму NH, в которой Дж. Уокер и другие исследователи
видят указание на монетный двор Нехавенда, конечно, можно прочитать
как VH и отождествить с Вех-Ардаширом, но вряд ли стоит этот город
искать в Кермане; очевидно, Вех-Ардашир как часть (один из городов)
сасанидской столицы был не менее важен во всех отношениях;

е) обоснованным представляется предложение читать монограмму
ZR (?) как YZ и видеть в ней указание на монетный двор Йезда;

ж) после публикации сасанидских печатей попытка читать монограмму
APR как сокращение для Исфараина уже неубедительна; на печати из
коллекции Мохсена Форуги Исфараин упоминается как тасук Абар-
шахра, причем написание обоих названий отличается от того, что предла-
гает наш автор: APRŠTR, но ASPRAIN.⁶

В целом работа М. И. Мошири представляет ценность новым подходом
к изучению нумизматического материала времени поздних Сасанидов.
В части отождествления монетных дворов он не довольствуется установив-
шимся мнением специалистов, предлагает свои варианты чтения, и многие
его предложения могут быть учтены при изучении нумизматических
собраний, исследовании денежного хозяйства сасанидского Ирана.

К недостаткам книги следует отнести бедность справочного аппарата,
особенно когда речь идет о монетных кладах, найденных в различных
областях Ирана. В работе нет указаний ни на состав кладов, ни на место
их хранения, ни на существующую литературу. Хотелось бы надеяться,
что этот недостаток будет устранен в последующих выпусках.

А. И. Колесников.

⁴ Монетный двор с монограммой BN Гаубе склонен локализовать в провинции
Керман, см.: Gaube H. Arabosasanidische Numismatik. Braunschweig, 1973,
S. 90—91.

⁵ Мушегян Х. А. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным.
Ереван, 1962, с. 34, 125—133, табл. XIV—XV.

⁶ Frye R. N. Sasanian seals in the Collection of Mohsen Foroughi. — Corpus
inscriptionum iranicae, part III, vol. VI, Plates, Portfolio II. London, 1971,
pl. XXXI, 1.

D. Valbelle. *Catalogue des poids à inscriptions hiéroglyphiques de Deir el-Médineh.* Nos 5001—5423. Incluant un manuscrit de Jaroslav Černý. Préface de G. Posener, membre de l'Institut. (Paris), 1977 (=Publications de l'Institut français d'archéologie orientale. Documents de fouilles, t. XVI). 138 p., 47 pl.

В 1930—1932 гг. при археологических исследованиях поселка работников столичного некрополя (совр. Дёр эль-Медина), проводившегося экспедицией Французского института восточной археологии под руководством Б. Брюйера, была найдена целая серия древнеегипетских гирь с иератическими пояснительными надписями. Находки были изучены Я. Черны и в основном подготовлены им к печати (выполнено описание гирь, 137 копий и иероглифических транскрипций надписей), но рукопись осталась неизданной и хранилась среди прочих бумаг в его архиве в Оксфорде.

В 1973 г. Д. Вальбель, которой египтология обязана двумя крупными публикациями,¹ обнаружила рукопись Я. Черны и решила издать ее, дополнив материалами находок последующих лет (1932—1935 и 1949—1951 гг.), а также материалами Египетского музея в Турине и Ashmolean Museum (коллекция Э. Гардинера в Оксфорде). В результате возникла сводная публикация из 423 памятников с иератическими надписями, снабженная описаниями (с указанием точного веса гирь в их современном состоянии), факсимиле большей части иератических надписей (не приведены только многократно повторяющиеся элементарные записи веса гирь) и иероглифическими транскрипциями всех надписей. Собственно публикацию предваряет введение, посвященное систематизации и исследованию публикуемых источников. В состав введения включены таблицы способов написания слов f'j — «гиря (из камня)», jsj — «замена (орудия)», h' — «орудие»; таблица формул надписей на гирях; таблица датированных гирь; таблица изменения написания некоторых иератических знаков.

Д. Вальбель показывает, что публикуемые ею гири, судя по надписям на них, использовались не только как меры веса, но и как вкладыши-расписки на взятые для работы государственные орудия труда (гири использовались для определения количества утраченного в процессе труда металла — меди и бронзы),² и как материальные меры планового задания рыбакам, доставлявшим рыбу, в частности и по весу.³ По формулам надписей на гирях можно установить как собственника, так и пользователя орудий труда — h'w.

Число упоминаемых в надписях на гирях конкретных разновидностей орудий труда, к сожалению, очень невелико (nt — тесло мастера по дереву и резчика, md't — резец резчика рельефов, тесаки и ножи — wrj, sft, t' — k'), гораздо чаще орудия названы более общим словом h' — «орудие». Число разновидностей металлических сосудов больше, но практически все они, вернее, все обозначающие их слова, уже были учтены в «Wörterbuch der ägyptischen Sprache», как и обозначения видов и сортов рыбы, уже собранные и изученные И. Гамер-Валлерт.⁴

Количество датированных и поддающихся узкой датировке гирь Д. Вальбель определяет в 18 и перечисляет их. Однако это число можно было бы намного увеличить в соответствии с полной просопографией тек-

¹ Valbelle D. 1) La tombe de Hay à Deir el-Médineh, [№ 267]. Le Caire, 1975; 2) Ouchebtis de Deir el-Médineh. Le Caire, 1972.

² O. DM 109, 1—5. См. также: Černý J. A Community of workmen at Thebes in the Ramesside period. Cairô, 1973, p. 279, 337, n. 2.

³ Планировалось не только общее весовое количество рыбы, но и соотношение крупной и мелкой рыбы как 1:7. — см.: O. Petrie 85 vo 8—9. О нормах же поставок рыбы см.: Helck W. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches, V. Wiesbaden, 1965, S. 820—832.

⁴ G. G. Wallert I. Fische und Fischkulte im alten Ägypten. Wiesbaden, 1970.

стов из Дёр эль-Медина, которой Д. Вальбель, очевидно, не располагает. Приведу лишь несколько примеров.

Судя по упоминанию на гире 5101 резца — md't работника Нефрромпе, эта гиря относится ко второй-третьей четверти правления Рамесеса II, именно тогда в службе царского некрополя и работал резчик рельефов Нефрромпе.⁵ Другой резчик с таким именем из десятков тысяч текстов, дошедших от службы, неизвестен. Мастер rswt-ptj. f (гиря 5007) тоже известен только один: он жил и работал в конце правления Рамесеса III и при его первых преемниках.⁶ В годы царствования того же фараона жил и медник Птахпахати⁷ (на гире 5145 он назван по малому имени Птахи, о котором известно и из других источников⁸). По ряду датированных текстов второй четверти — середины правления XX династии известна женщина hms.tj-hr-(wj).st⁹ (гиря 5167).

Примеры можно было бы умножить, но в этом нет надобности, потому что все они подтверждают правильный общий вывод Д. Вальбель: комплекс гирь в целом относится к XIX — началу правления XXI династии, т. е. к XIII—XI вв. до н. э.

Однако самое существенное в публикации, конечно, сами тщательно взвешенные гири, на которых указан их вес в египетских мерах веса — «кольцах» (dbnw). Как ни странно, Д. Вальбель не сопоставила эти веса между собой для определения древнеегипетского эталона веса. Этот недостаток настолько бросается в глаза, что его необходимо восполнить.

Ряд гирь приходится сразу исключить из исследования — это гири, которые дошли до нас в неполном виде (таких немало), с неясным указанием древнеегипетского веса (5306, 5314, 5316, 5317, 5362, 5365, 5372, 5377, 5396) или вес которых заведомо не соответствует эталону, а именно — меньше эталона в несколько раз (5090, 5091, 5142, 5232). К счастью, надпись на гире 5396 объясняет причину последнего, казалось бы, странного явления: «Гирь (на) 15 орудий — h'w — 3 камня» (см. также 5167, 5188). Оказывается, определенный вес мог быть представлен не одной, а несколькими гирями. Иначе говоря, несколько гирь давали нужный суммарный вес, который записывали на одной гире комплекта. До нас дошли не все гири из таких комплектов, поэтому надписи на них и не соответствуют весу.

В соответствии с этими ограничениями сведем все бесспорные сведения о весе и древнеегипетском весе гирь в таблицу:

№ по каталогу	Вес гири (в граммах)	Вес гири (в dbnw)	Значение одного dbn (в граммах)	№ по каталогу	Вес гири (в граммах)	Вес гири (в dbnw)	Значение одного dbn (в граммах)
5084	360	4	90	5225	328	3	109.33
5093	545	5,5	99.09	5251	250	2	125
5107	226	2	113	5273	300	3	100
5129	1450	15	96.67	5277	700	7	100?
5131	980	12	81.67	5311	300	3	100
5154	2350	25	94	5318	180	2	90
5156	1885	19	99.21	5319	212	2	106

⁵ Černý J., Bruyère B., Clère J. J. Répertoire onomastique de Deir el-Médineh, I. Le Caire, 1949, p. 48; Bruyère B. Rapport sur les fouilles de Deir el-Médineh (1924—1925). Le Caire, 1926, p. 24, 81—86, 92, 96, 101, 103, 122, 124, fig. 54—56, 64, 84, 89; (1927); Le Caire, 1928, p. 64; (1935—1940), II, p. 140, n° 360, fig. 229; Ste. Torino 50046; Bass. BM 28; Stat. MMA. 86. 1. 29, etc.

⁶ P. Torino 1880 ro 2, 13, vo 6, 14; O. Gardiner 20 ro 4; 14 vo col. I 10; 113 ro 3; O. Petrie 50 ro 4, vo 10; O. CM 25365 col. I 10—11; 25531 ro 6; 25533 ro 10, vo 3, 5, 7—8; 25624 ro col. I 17; O. DM 32 ro 2; 33 ro 2; 34 ro 13; 38, 15; 40 ro 12; 41 ro 10; 42 ro 8; 43 ro 7; 44 ro 4; 45 ro 2 и многие другие источники.

⁷ O. Mich 5 ro 3; 19 ro 2; O. CM 25567, 2; O. DM 187 ro 3; 625, 1; O. Leipzig 1, 1—2.

⁸ O. DM 625, 4 (там же в строке 1 он назван и полным именем).

⁹ O. DM 134 ro I 10; 222 col. II 2 (22-й год царствования Рамесеса III).

№ по каталогу	Вес гири (в граммах)	Вес гири (в dbnw)	Значение одного dbn (в граммах)	№ по каталогу	Вес гири (в граммах)	Вес гири (в dbnw)	Значение одного dbn (в граммах)
5320	180	2	90	5361	140	1.5	93.33
5321	245	3	81.67	5363	178	2	89
5322	280	3	93.33	5364	180	2	90
5323	320	3	106.67	5366	160	2	80
5324	255	3	85	5367	190	2	95
5325	380	4	95	5368	200	2	100
5326	472	4	118	5369	178	2	89
5327	362	3	120.67	5370	220	2	110
5328	460	5	92	5371	245	2.5	98
5329	680	7	97.14	5373	270	3	90
5330	770	8	96.25	5374	300	3	100
5331	634	8	79.25	5375	290	3	96.67
5332	1310	13	100.77	5376	278	3	92.67
5333	1735	20	86.75	5379	400	4	100
5334	5158	56	92.11	5380	360	4	90
5336	95	1	95	5381	360	4	90
5337	103	1	103	5382	325	4	81.25
5338	96	1	96	5383	400	4	100
5339	85	1	85	5384	415	5	83
5340	100	1	100	5385	500	5	100
5341	100	1	100	5386	500	6	83.33
5342	100	1	100	5387	725	7	103.57
5343	90	1	90	5388	715	8	89.37
5344	100	1	100	5389	650	8	81.25
5345	100	1	100	5390	880	10	88
5346	95	1	95	5391	1140	12	95
5347	95	1	95	5395	1220	13	93.85
5348	100	1	100	5393	1235	15	82.33
5349	100	1	100	5394	1700	20	85
5350	95	1	95	5395	2216	24	92.33
5351	100	1	100	5416	100	1	100
5352	100	1	100	5417	150	1	150
5353	109	1	109	5418	200	2	100
5354	94	1	94	5419	480	5	96
5356	99	1	99	5420	580	6	96.67
5357	91	1	91	5421	600	6	100
5358	97	1	97	5422	1020	10	102
5359	140	1.5	93.33	5423	860	10	86
5360	160	1.5	106.67				

Таблица дает поразительную картину диапазона колебаний значений весовой единицы dbn (египтяне произносили в это время примерно «ти-бáн») — от 79.25 до 150 г.

Вывод из таблицы возможен только один: несмотря на несомненное существование эталона веса в Египте второй половины II тыс. до н. э., в практической жизни ему следовали весьма приблизительно. Диапазон колебаний почти в одну треть собственного веса эталона слишком велик, чтобы впредь можно было с уверенностью говорить о точном значении записей веса в деловых текстах — нам неизвестно, какой гирей измерен каждый конкретный вес. По-видимому, осторожнее всего было бы пояснять, что $1\text{dbn} \approx 100\text{ г}$, $1\text{qdt} \approx 10\text{ г}$.

Точное же среднее значение 1 dbn, которое можно высчитать на основании сведенных в таблицу данных, равно 96.4 г, $1\text{qdt} = 9.64\text{ г}$.¹⁰ Древне-египетские цены и веса, основанные на эталоне веса dbn в 91 г,¹¹ подлежат «девальвации» на 5%.¹²

Для времени от XVIII до XXII династии Фл. Питри отмечал колеба-

¹⁰ Все расчеты произведены с помощью компьютера Sheen Model 905.

¹¹ См.: Griffith F. Ll. Notes on egyptian weights and measures. — PSBA. 1892, XIV, p. 435.

¹² Наиболее существенным образом это касается работ: Janssen Jac. J. Commodity prices from the Ramessid period. An economic study of the village of Necropolis Workmen at Thebes. Leiden, 1975; Helck W. 1) Wirtschaftsgeschichte des alten Ägypten im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Leiden — Köln, 1975; 2) Materialien, I—VI.

ние веса qdt (одна десятая dbn) от 8.996 до 9.815 г., но он полагал, что в разные времена и в разных областях Египта были разные стандарты веса. Южный стандарт qdt в XVI в. до н. э. Фл. Питри принимал равным 9.8 г.¹³ Данные опубликованных Д. Вальбель источников показывают, что в одной и той же местности и в относительно узкий исторический период эти колебания наблюдаются даже в более широком диапазоне.¹⁴

Ни Фл. Питри, ни А. Вейголла практически не были известны гири XIII—XII вв. до н. э., поэтому их выводы в отношении стандарта веса для эпохи Нового царства и оказались такими уязвимыми. В сущности, Д. Вальбель впервые сделала общедоступными массовые древнеегипетские источники такого рода.

Стоит добавить, что такой разноречивой наблюдается не только в весе гирь. В Р. СМ 65739 (написан вскоре после 15-го года царствования Рамесеса II), например, неоднократно указано соотношение двух всеобщих эквивалентов — меди и серебра. В строках 8—9 это соотношение равно 108 : 1, в строке 9 это соотношение равно 93 : 1, в строках 10 и 12 — 100 : 1.¹⁵ Колебание, конечно, не так велико, как колебания значения весовой единицы, но все же оно является явным свидетельством того, что египтяне не стремились к точности в подобных расчетах.

Возможно, аналогичный случай отмечен в жалобе руководителей царского некрополя от 17-го года правления Рамесеса III на то, что мера — jpt, которой им отмеряют пайковое зерно, слишком мала. При проверке меры через посредство сосудов — hnw (0.48 л) оказалось, что она составляет 38 сосудов — hnw вместо эталонных 40.¹⁶ Правда, в этом случае не исключена возможность злоупотребления, но в такой же степени не исключена возможность и того, что египтяне пользовались своими мерами, далеко не всегда сверяя их с эталонами.

Надписи на гирях дают и ряд более частных сведений, ценность которых можно понять только в общем контексте росписи источников из Дёр эль-Медина.

Например, до сих пор не было известно, работали ли руководители подразделения царского некрополя рядом с подчиненными им мастерами или, как утверждал Я. Черны, являлись освобожденными администраторами.¹⁷

В зависимости от этого их следовало отнести к тому или другому социальному страту. Благодаря публикации Д. Вальбель становится ясно, что начальники подразделения и писцы участвовали в непосредственном производстве (гири 5019, 5132, 5134 го, 5155; возможно — 5137, 5143, 5245, 5273): в текстах названы выданные им медные орудия труда. Следовательно, как начальники подразделения, так и писцы принадлежали не к социальной категории srgw — «чиновников», а к социальной категории hmw — «мастеров».

Просто бесценным является каждый новый источник, подтверждающий, что египетские мастера работали теми орудиями труда, которые им выдавали от лица фараона, персонифицировавшего собою государство. Этих источников пока не очень много.¹⁸ Такой текст имеется и в публикации Д. Вальбель (надпись на гире 5008: «Гиря (на) 2 орудия — h'w фараона»); к числу подобных источников следует отнести и тексты, сообщающие, что орудия труда были прикреплены к определенному отряду работников

¹³ Petrie Fl. Ancient weights and measures, illustrated by the Egyptian collections in University College, London. London, 1926, p. 13—14.

¹⁴ Weigall A. E. P. Weights and balances. Le Caire, 1908, p. IX—XII.

¹⁵ Gardiner A. H. A lawsuit arising from the purchase of two slaves. — JEA, 1935, 21, p. 140—146, pl. XIII—XVI.

¹⁶ O. Leipzig 2 ro 3 — vo 4.

¹⁷ Černý J. A Community. ... p. 129—132.

¹⁸ O. DM 435 ro 1—2; O. CM 25515 vo col. IV 5; P. Salt 124 vo 1, 9; ro 2, 8—9; O. BM 5631 ro 1—8; O. Nash 2 ro 5—8, vo 5—8; P. Chester Beatty III vo 4, 10—11, etc.

(5053, 5079, 5080, 5088, 5105, 5131, 5264, 5265, 5397; возможно — 5254, 5309).

Очень интересным, но из других источников неизвестным, а в публикуемом Д. Вальбель тексте на гире 5081 непонятным является упоминание медного орудия — *h'*, находившегося у рисовальщика Нефр—. Может быть, этот рисовальщик, как и рисовальщик Аменнахт, работавший в первой половине правления Рамесеса III,¹⁹ владел профессией резчика рельефов? Совмещение этих специальностей до сих пор считается невозможным и, кроме рисовальщика Аменнахта, не наблюдается во всей истории Древнего Египта.

Введение в научный оборот новых многочисленных источников оригинального содержания сделало работу Д. Вальбель ценным вкладом в источниковедение и дало обширный материал для изучения хозяйства Древнего Египта эпохи Нового царства.

Е. Богословский

Л. П. Жуковская. *Текстология и язык древнейших славянских памятников.* М., 1976.

Фундаментальное исследование Л. П. Жуковской основано на привлечении огромного рукописного материала. Изучив его, автор избрал для анализа памятник, самый распространенный в XI—XIV вв. и представляющий все языковые области Древней Руси. Определив его (славянские евангелия) как памятник традиционного содержания и наиболее широкого хождения, Л. П. Жуковская сама выработала методику текстологического анализа источников такого типа. На первый план был выдвинут типологический принцип. Автором рецензируемой книги выработано и самое понятие типологического исследования как связанного с элементами структуры изучаемых списков одного и того же памятника. Имеются в виду прежде всего произведения, которые по-разному компоновались из отрывков одного и того же содержания, в чем и заключается природа памятников традиционного содержания.

Типология — часть текстологии. Л. П. Жуковская подходит к рассматриваемому вопросу с двух сторон. Она выясняет и значение лингвистических данных для текстологии, и значение текстологии для лингвистики. Для памятников, распространенных во многих списках, текстологический (типологический) анализ необходим, так как делает возможным изучение и отдельных списков и позволяет установить место изучаемого списка среди других списков определенного памятника. При текстологическом анализе становится более углубленным разрешение многих проблем истории литературного языка. Изучая, например, по родственным группам рукописи, написанные в XIII и XIV вв., до второго южнославянского влияния, и рукописи, написанные после этого периода, можно прояснить вопрос о том, пришли ли к нам со славянского юга сами книги, став эталоном для копиистов, или же были усвоены только определенные нормы письма и литературного языка.

Значение текстологии в книге Л. П. Жуковской показано разносторонне и убедительно (с. 9—121).

На основе типологического подхода к текстам евангелий исследовательницей проведено разделение по установленным группам свыше 500 рукописей X—XV вв. Классификация построена на общих чертах, выведенных при анализе разнообразнейшего материала. Нелегко даже поверить, что один человек, пусть и ценой многолетних усилий, смог внести порядок в этот хаос сходжений и различий в древнерусских евангельских текстах. Новый подход позволил вместе с тем углубленно охарактеризовать в раз-

¹⁹ Gr. 817 с. Коллация J. Černý (A Community... p. 340).

ных планах такие известные древнерусские рукописи, как Мстиславова евангелие 1115—1117 гг., Архангельское евангелие 1092 г., Юрьевское евангелие 1118—1128 гг.

Работы Г. А. Воскресенского, А. И. Соболевского, Вяч. Срезневского, И. В. Ягича, М. Н. Сперанского и других филологов и языковедов показали выдающуюся ценность изучаемых в рецензируемой книге источников для истории языка древнейшего периода. Со всей очевидностью это следует и из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

Разыскания автора рецензируемой книги обеспечили столь ценную для объективности выводов полноту материала. Помимо памятников XI—XIV вв., в книге дополнительно рассматриваются: а) датированные славянские евангелия XV в., б) рукописные евангелия XII—XV вв. в хранилищах Болгарии, в) изданные рукописи того же периода из собраний других стран, г) греческие евангелия из хранилищ Москвы и Ленинграда. Только после того, как была обеспечена неоспоримая основательность базы, Л. П. Жуковской осуществлена группировка евангелий по составу. Оказалось, что списки изучаемого памятника во многом отличаются друг от друга. Представляется крайне ценным, что исследовательницей вскрыты и типологические основания этих различий.

Немаловажным итогом проделанной работы является и следующее: в монографии определена и обоснована последовательность появления книг евангелия на славянской почве в IX—XI вв. Примечательно, что даже поздний тип полного апракоса (с чтением заутрень) был известен уже по крайней мере с начала XII в. Следовательно, перед нами древнейший памятник славянской письменности.

Для детального типологического изучения Л. П. Жуковской избрана русская редакция евангельского текста, к которой, как показал анализ, и относится полный апракос. В этом виде евангелие получило в Древней Руси XI—XIV вв. наиболее широкое распространение. При типологическом исследовании апракосов этой разновидности оказалось, что некоторые их циклы содержат и чтения кратких апракосов, видимо, восходящие к кирилловскому первому переводу евангелия на славянский язык (IX в.), а вместе с тем и безусловно более поздние по происхождению чтения. Легко себе представить, какие важные сведения, например о развитии лексики, дает простое сопоставление словарного состава тех и других, не говоря уже о составе значений древних слов, об обогащении словопроизводных гнезд и т. д.

Текстологический анализ всех известных полных апракосов позволил установить два их типа: тип Мстиславова евангелия и тип Мирославова евангелия. Особенно важен первый, к нему принадлежат сотни рукописей в наших рукописных отделах, и не оказалось ни одной в хранилищах Болгарии. По наличию или отсутствию дополнительных чтений, их последовательности и содержанию Мстиславовский тип делится в свою очередь на два класса, а каждый класс на несколько семей. Ближайшие родственные рукописи, входящие по типологическим данным в состав одной и той же семьи, в основном обладают общими языковыми особенностями, что приводит к выводу о том, что происхождение связано с единой территорией, а, возможно, и общим культурно-историческим центром (с. 264—316).

Чрезвычайно важны и интересны наблюдения над текстами кратких апракосов — все знаменитые книги: Саввина книга, Ассеманиево евангелие, Остромирово евангелие 1056—1057 гг. и Архангельское евангелие 1092 г. Из анализа сделан крайне ценный вывод: даже в XI в. на Руси краткие апракосы не восходили к какому-то единому старославянскому источнику, но, имея неодинаковый набор чтений, должны были, следовательно, восходить к разным источникам.

В результате исследования Л. П. Жуковской славянского евангелия изучение этого вопроса теперь оказалось в такой стадии, которая пре-

вышает мировые достижения. Работа такого рода не проведена учеными европейских стран и США даже по отношению к греческим евангелиям, наиболее изученным. Следует заметить, что монография Л. П. Жуковской ценна и во многих других отношениях. Среди них укажем на следующий аспект. При изучении древних славяно-русских евангельских текстов археографами, филологами широкого профиля, лингвистами и иными специалистами постоянно имелся в виду греческий оригинал этого переводного текста (начиная с А. Х. Востокова, который в своем издании Остромирова евангелия первым напечатал параллельный греческий текст). Автор рецензируемой книги возрождает традицию обращения к греческим источникам, прерванную почти на полвека. Исследовательница привлекла 54 греческих рукописи. Определив их состав, она по мере необходимости сравнивает тексты этих рукописей с текстами славяно-русских списков (см., например, с. 85—87, 284—285 и 342).

В книге Л. П. Жуковской содержатся ценные сведения о греческих лекционариях (по русской терминологии — апракосах), что весьма важно, так как текст последних на византийской почве все же изучен недостаточно, поэтому занимающиеся сходными проблемами авторы обычно ограничиваются исследованием только четвероевангелий.¹ Тем самым рецензируемая монография важна не только для славистов, но и для византистов, занимающихся средневековыми греческими рукописями.

Композиция книги Л. П. Жуковской отличается большой стройностью и очень удобна для наведения справок самого различного характера. Ср. и ценное приложение к книге: Список рукописей евангелий X—XIV вв. и некоторых XV в. по книгохранилищам и собраниям (с. 355—366), а также ряд таблиц, позволяющих яснее представить типологические группировки. К ней обратятся многие специалисты при разработке своих тем. Обширный и тщательно выверенный материал, почерпнутый из древнейших славянских памятников, окажется основательным подспорьем при решении кардинальных проблем славянской книжности на раннем периоде ее развития.

Е. Э. Гранстрем, Л. С. Ковтун.

The Temple Scroll. Edited by Yigael Yadin. Vol. I: Introduction. 20 + 308 p. Vol. II: Text and Commentary. 12 + 323 p. Vol. III: Plates and Text. 8 + VII p., 82 табл. факсимиле. Приложение к т. III — 40 табл. факсимиле. — The Israel Exploration Society. The Institute of Archaeology of the Hebrew University of Jerusalem. The Shrine of the Book. Jerusalem, 1977. (На евр. яз.).

Свиток, обязанный своим названием («Храмовый Свиток») основной теме содержащегося в нем сочинения, — самый пространный из всех, относящихся к библиотеке есеевской общины из Хирбет-Кумрана: он включает 66 столбцов текста, а длина его 8.5 м. В конце 1967 г. он был приобретен правительством Израиля и передан на изучение известному археологу и кумрановеду И. Ядину (Израиль), который сразу опубликовал две предварительные статьи о нем на английском и французском языках (BA, 1967, XXX, № 4, p. 135—139; CRAI, 1967, p. 607—616). Настоящее издание — результат десятилетней работы того же ученого. Текст представляет свод канонического права, касающегося в первую очередь устройства храма и организации храмовой службы, главным моментом которой является жертвоприношение. Текст возводит себя в разряд канонических книг, называя

¹ Cp.: Treu K. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. Berlin, 1966, S. 2 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 91), а также данные в работе Л. П. Жуковской на с. 7.

себя «торой» (Закон, Учение, название Пятикнижия в целом и законодательных его частей) и приводя требования Бога в 1-м лице, т. е. обращаясь к читателю (слушателю) от имени самого Йахве. Установка книги делает храм и все, с ним связанное, центром правильного общественного устройства. Сочинение не содержит сенсационных сообщений, переворачивающих наше представление об общине Хирбет-Кумрана и однородных с ней групп есеевской секты, но сильно расширяет и углубляет прежние сведения, способствует устранению ошибочных представлений об ее идеологии. Совершенно исчезает вопрос о том, отрицала ли организация кровавые жертвы. Теократическая организация общины прослеживается совершенно отчетливо. Самые интересные столбцы текста содержат уложение о царе и войске. Попутно законодатель касается важных вопросов семейного и гражданского права. Язык сочинения отличается простотой и правильностью и близок языку поздних книг Библии.

Издание построено по тому же принципу, что и публикация того же автора «Войны Сынов Света против Сынов Тьмы» (1QM. 2th. ed. Jerusalem, 1957). Подробное введение всесторонне изучает памятник, его содержание и реалии, в нем заключенные. Оно содержит 8 глав.: 1. Характеристика свитка, история знакомства с ним и приобретения и работы по его реставрации. Язык. Порядок сочинения 2. Торжественные дни. 3. Жертвоприношения и дары. 4. Святилище и служебные помещения. 5. Город святилища ('ir hamiqdaš); законы о ритуальной чистоте. 6. О царе и войске, о войне и воинской службе. Попутно с основной темой затрагиваются положения о браке. 7. Разные постановления. 8. Время возникновения сочинения и его место в кумранской литературе. Остальные два тома содержат текст, передаваемый в издании три раза: II том воспроизводит текст квадратным шрифтом с восстановлением лакун в прямых скобках и с подробным построчным текстологическим комментарием, приводящим параллели из Пятикнижия, книг Хроник, кн. Иезекииля («Утопия о храмовом государстве», Иез., 40—48), из Мишны и Гемары и других произведений раввинской литературы. III том содержит фототаблицы, показывающие процесс восстановления свитка и воспроизводящие текст факсимиле параллельно с передачей его квадратным шрифтом в точном соответствии с оригиналом.

По палеографическим признакам Йадин датирует список концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. Время сочинения он относит к царствованию Иоанна Гиркана (135/4—104 гг.) или Александра Йанная (103—76 гг.).

К. Б. Старкова.

Aurelio de Santos Otero. *Die handschriftlichen Überlieferung der altslavischen Apokryphen, Bd I.* Berlin—New York, 1978.

В серии «Патристические тексты и исследования», издаваемой «Патристической комиссией» при Академии наук ФРГ, вышел из печати I том труда А. де Сантоса Отеро «Рукописная традиция древнеславянских апокрифов». Вся работа, по замыслу ее автора, должна состоять из трех томов, причем 1-й и 2-й будут посвящены новозаветным апокрифам и связанной с ними литературе, а 3-й — ветхозаветным апокрифическим текстам. Книга включает обширное введение, основную часть, содержащую результат проделанной ученым работы, указатели — имен и шифров учтенных рукописей — и две иллюстрации, воспроизводящие севернорусские миниатюры широко известного Сильвестровского сборника XIV в. (собр. Моск. синод. типогр. № 53 — ЦГАДА). В предисловии А. де Сантос Отеро подробно говорит о задачах и цели своего исследования, которые он видит в том, чтобы дать по мере возможности полный перечень славянских ру-

копий, содержащих новозаветные и ветхозаветные апокрифические сочинения. В славистике были уже опыты подобной работы, и автор отдает должное своим предшественникам, отмечая важное значение исследований Э. Козака, Н. Бонвеца и А. И. Яцимирского. На этих книгах, вышедших в конце XIX — первой четверти XX в., до сих пор основываются все труды, рассматривающие славянскую апокрифическую литературу. Однако такое явление не только свидетельствует об исключительном значении книг этих ученых, но и о том, что в данной области с тех пор не появилось никаких справочных пособий, написанных с учетом всех новых достижений славистики. Необходимость в подобных изданиях особенно остро ощущается теперь, когда найдены и введены в научный оборот ранее неизвестные материалы — тексты Кумрана, рукописи Наг-Хаммади. В связи с этим заметно повысился интерес к апокрифическим сюжетам, возникла возможность по-новому подойти к их изучению. Между тем в вышедших недавно исследованиях А. Дэни «Введение в псевдоэпиграфы Ветхого завета»,¹ Д. Милика «Книга Еноха»², в которых затрагиваются, в частности, и вопросы, относящиеся к славянским изводам апокрифов, отсутствует не только обзор их рукописной традиции, но и указания на работы русских и советских ученых. К чести автора разбираемой книги надо отметить, что он не только постарался учесть с максимально возможной полнотой многочисленные славянские рукописи, содержащие тексты апокрифов, но и проявил свои знания того, что сделано за последнее время учеными социалистических стран в интересующей его области.

Во введении А. де Сантос Отеро касается широкого круга проблем, стоящих перед исследователями славянских апокрифических текстов. Он пишет кратко о весьма сложных и еще плохо изученных вопросах: об истории переводной апокрифической литературы у славян, об определении языка, с которого выполнен перевод, о древнеславянских рукописях и текстологической традиции памятников. Видно, что автору хорошо известны все опубликованные каталоги и описания рукописей, хранящихся в СССР, Югославии, Болгарии, Румынии. Особое внимание он уделяет обзору крупнейших советских собраний — ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, БАН, ГИМ, ЦГАДА, ИРЛИ (Пушкинского Дома). Автор классифицирует все древнеславянские апокрифы по языку на древнерусские, среднеболгарские, не выделяя в особую группу древнеболгарские, сербские, церковнославянские, а также по письму — на кириллические и глаголические. В этой классификации не хватает рукописей молдаво-валахского извода, списанных, как правило, с сербского или болгарского оригинала. А. де Сантос Отеро особо останавливается на вопросе, вызванном трудностью идентификации материалов. Апокрифы должны были быть выделены им из огромной массы сборников, содержащих канонические сочинения. В качестве источников для апокрифических текстов он называет такие типы древнеславянских книг, как Четьи-минеи, Прологи, Златоусты, Торжествовники, Палеи и Хроники.

В I том вошли сведения о славянских версиях апокрифических Деяний (Павла и Феклы, Петра, Андрея, Фомы и т. д.), Апокалипсисах (Павла, Петра, Иоанна), посланиях (Павла, царя Авгара), «Вопросах апостолов», а также о двух произведениях богородичного цикла — «Хождении Богородицы по мукам» и «Сне Богородицы» — всего 21 сюжет. Данные о них располагаются автором в следующем порядке: греческая версия апокрифа, ее издания, библиография к ней; славянская версия, время перевода, литература о славянском переводе. Затем идут сведения о славянских рукописях, содержащих сюжет: указывается место хранения каждой из них, шифр, дата, заглавие текста, если текст издан, дается ссылка на издание,

¹ Denis A. M. Introduction aux Pseudépigraphes d'Ancien Testament. Leiden, 1970.

² Milik J. T. The Books of Enoch. Oxford, 1976.

если — нет, то приводится ссылка на описание рукописи. Можно лишь высказать пожелание, чтобы в справочнике давались не только начало, но и конец обнаруженного в рукописи текста, так это сделано, к примеру, в приобретшем всемирное признание издании «Bibliotheca Hagiographica Graeca». Славянские списки часто вариативны, и даже столь небольшой отрывок текста во многом облегчит специалисту его поиски и всю последующую работу. Расположение материала кажется удобным, потому что впервые в такого рода справочнике делается попытка связать славянскую версию с ее оригиналом, при этом А. де Сантос Отеро исходит из того, что славянские апокрифы — это произведения переводной литературы, имеющие своим оригиналом греческие тексты. Действительно, славянские апокрифы новозаветного цикла восходят, как правило, к греческим памятникам. Сложнее обстоит дело с ветхозаветными апокрифическими текстами, некоторые из которых, как выясняется теперь, переведены с древнееврейского. К тому же следует иметь в виду, что древнеславянские переводы находятся в различной степени зависимости от своих оригиналов. Это хорошо видно, например, на двух древнерусских текстах, излагающих сюжет легенды об Авгаре. Первый представлен несколькими списками (Торжественник XVI в. — ГПБ, Сол. № 370 (1050); Минея XVI в. — ГПБ, Сол. № 804 (914) и др.), а второй — рукописью XIII в. (ГПБ, Ф. п. I. 39). Сопоставление двух текстов заставляет думать, что в их основе лежат два различных перевода какого-то несохранившегося греческого оригинала. Однако при этом видно также и то, что версия легенды по рукописи XIII в. была основательно обработана древнерусскими книжниками. Это не буквальный, дословный перевод, а свободная композиция на тему сказания. Связь с оригиналом здесь почти полностью утрачена. Для некоторых славянских апокрифических текстов, в частности для «Хождения Богородицы по мукам», оригинал до сих пор не обнаружен, так что не исключена возможность, что это исконно славянское сочинение. Ясно, что поиски оригинала и сравнение каждого славянского текста с его архетипом внесут много нового как в историю переводной литературы у славян, так и в историю их самобытной словесности.

В качестве дополнения к рукописной традиции апокрифических сочинений хотелось бы видеть обзор такого тесно связанного с ними памятника, как «Индекс книг истинных и ложных», который впервые встречается в Изборнике 1073 г. Можно высказать уверенность в том, что книга А. де Сантоса Отеро станет незаменимым пособием для всех специалистов по древнеславянским литературам. Она дает новый толчок к интенсивному изучению славянских апокрифов. В этой области предстоит еще многое сделать, и детальное исследование каждого сюжета, несомненно, внесет коррективы и дополнения в вышедший справочник.³

Е. Н. Мещерская.

Н. Kreissig. *Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich*. Berlin, 1978, 135 S.

Одной из важнейших проблем истории переднеазиатского эллинизма является проблема социально-экономической структуры Селевкидского государства, охватывавшего в течение III—II вв. до н. э. значительную территорию в Передней и Малой Азии. Ее разработка важна не только сама по себе, она позволяет уточнить наши представления о путях и закономерностях развития древних ближневосточных обществ. Не случайно по-

³ Ряд корректив предложен в обзоре книги де Сантоса Отеро, сделанном Ф. Томсоном (Thomson F. J. *Apocrypha Slavica*. — *Slavonic and East European Review*, 1980, p. 256—268).

этому к ней обращалось уже несколько поколений исследователей, однако многие проблемы остаются по сей день спорными, в том числе такие существенно важные, как положение отдельных групп непосредственных производителей, формы земельной собственности и т. д. Новое прочтение источников в такой ситуации представляется весьма желательным и своевременным, и именно эту задачу поставил перед собой известный немецкий (ГДР) историк эллинизма Х. Крейссиг.

Рецензируемая книга состоит из двух частей. В первой поставлен вопрос о формах собственности на средства производства. Как и следовало ожидать, автор выделяет царские, храмовые и полисные земли, а также земли, принадлежавшие племенам. Царская земля, «завоеванная копьем», представляется собственностью царя; право последнего — это в конечном счете право завоевателя (или преемника завоевателя). Домены царя представляли собой в каждом отдельном случае цельную территорию с деревней, дворцом, прилегающей к ним территорией и поселениями (ср. RC 18—20). Продажа царского землевладения (например, Лаодике, ставшей после ее развода с царем частным лицом) исключала его из комплекса царских земель. В передаче царской земли *ἐν δωρεᾷ* Х. Крейссиг видит узуфрукт, т. е., по его определению, переход земли во владение, но не в собственность других лиц. Такие пожалования могли подтверждаться, но по желанию царя и отбираться от получателя. Жалованными владениями могли быть деревни, клеры и другие земельные участки. Другую группу царских земель, переданных во владение других лиц, составляла *γῆ κληρονομική* — территория, выделявшаяся для солдатских поселений, а также для поселений ветеранов. Кроме этого, Х. Крейссиг выделяет пожалования храмам. Обзор ситуации, складывавшейся за пределами царских земель, автор начинает с характеристики земель, принадлежавших автономным храмам. Последние являлись собственниками принадлежавших им территорий. Главное свое внимание он уделяет, однако, полисным землям — *γῆ πολιτική*. Имея в виду зависимость полисов от царя, Х. Крейссиг считает, что полисной была земля, изъятая из царской и переданная городу как собственнику. Город осуществлял над этой территорией неограниченные правомочия собственника. На городских землях выделяются *κοινὸς τόπος* — то, что принадлежит городу как целому, а также отдельные участки, находящиеся в собственности или во владении (путем арендования) граждан и отдельных лиц. Из земель, принадлежавших полису как целому, в отдельных случаях выделялись земли новым гражданам, в свою очередь этот фонд пополнялся за счет завещаний, конфискаций земель, принадлежавших изгнанникам, и т. д.

Следует заметить, что в целом классификация отдельных составных элементов земельного фонда, принятая Х. Крейссигом, представляется наиболее близкой к реальности и более логически четкой, нежели широко распространенные классификации М. И. Ростовцева, Э. Бикермана, А. Б. Рановича. Сомнения вызывают лишь некоторые детали. В частности, известные формулы из надписей Лаодики (RG 20: καὶ χόρια ἔ[σ]ται προσφερομένη πρός πόλιν ἤν ἄν βούληται) и Аристодикуда (RG 10: οὐ οὖν σύνταξον... προσφίσει εἰς τὴν Ἰλιέων ἢ τὴν Σκηψίων) Х. Крейссиг истолковывает как отражение обязанности лиц, получающих царскую землю в собственность, присоединять ее к *χόρια* того или иного города. С нашей точки зрения, речь идет о привилегии, предоставленной Аристодикуду и Лаодике, причем последняя могла и не воспользоваться ею. Из сказанного вытекает, что на царских землях могло складываться частное землевладение, и Х. Крейссиг приводит материал, подтверждающий наличие частной собственности на землю за пределами полисных земель, т. е., с нашей точки зрения, на царских.

Характеризуя ремесло и торговлю, Х. Крейссиг указывает на распространение труда свободных ремесленников, справедливо выступая против

ходячих представлений о «капиталистических предприятиях» с массой свободных рабочих и рабов.

Вторая часть работы Х. Крейссига посвящена проблеме форм зависимости непосредственных производителей. Наиболее важны здесь его суждения о статусе *λαοί*, вызывающем до сих пор ожесточенные споры. *Λαοί*, служащие объектом купли-продажи, прикреплены, по мнению автора, к земле, что и объясняет их продажу вместе с деревней. Пишущий эти строки уже имел возможность изложить свою точку зрения по данному поводу (см.: Палестинский сборник, вып. 19 (82), 1969, с. 32-38), он не видит поэтому необходимости повторяться.

В целом книга Х. Крейссига, в которой собран весь относящийся к теме материал ¹ и подведены итоги многолетних исследований как самого автора, так и его предшественников, представляет значительный научный интерес. Предлагаемая им характеристика государства Селевкидов как «древневосточного» нуждается в дальнейшей разработке, однако уже сейчас она может быть принята, если иметь в виду, что государство Селевкидов было преемником Ассирийского, Нововавилонского и Персидского царств и само представляло один из этапов развития древнего Ближнего Востока. То, что Х. Крейссиг подчеркивает именно это обстоятельство, делает его книгу особенно ценной и важной.

И. Ш. Шифман.

¹ Вызывает досаду отсутствие среди источников, использованных Х. Крейссигом, папируса SB 8008. Хотя этот папирус и относится к государству Птолемея, речь в нем идет о сирийских владениях Птолемея. Обращение к папирусу SB 8008 дало бы дополнительные материалы для решения проблемы *λαοί*.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. М. П р и м а к о в. Проблема Палестины в XX в.: истоки, эволюция, перспективы	3
А. Г. Л у н д и н. Список жрецов 'Амма	23
И. Ш. Ш и ф м а н. Царская власть и государственность	40
А. И. К о л е с н и к о в. О термине «марзбан» в Сасанидском Иране	49
К. Б. С т а р к о в а. Фрагменты «Плача» из 4-й пещеры Хирбет-Кумрана (4Q 179)	57
А. А. А л е к с е е в. «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала	63
А. В. П а й к о в а. Отражение некоторых гностических представлений в памятниках сирийской повествовательной литературы	80
Е. Э. Г р а н с т р е м. К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (Неизвестный сборник греческих врачевальных молитв)	86
Е. Н. М е щ е р с к а я. Сирийские заклинательные сборники из Матенадара	93
С. Б. Ч е р н е ц о в. Из фольклора эфиопских книжников (одно неопубликованное двустишие Гондарского периода)	106
Л. Х. В и л ь с к е р. Самаритянская надпись на ткани (Сам. XII. 3). (Из собрания Фирковича Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)	109
В. Н. З а л е с с к а я. Об одной группе коптских бронзовых изделий VI—VII вв.	114
А. И. Е л а н с к а я. Определения с Ꝁ- и ꝁ- в коптском языке и их союзная связь	119
А. С. Ч е т в е р у х и н. Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса	127
Е. С. Б о г о с л о в с к и й. Палеографические заметки, I—V	134
Р е ц е н з и и	140

CONTENTS

	Page
E. Primakov. The Problem of Palestine in the XX Century: the Sources, the Evolution, the Perspectives	3
A. Loundin. The List of Priests of 'Amm	23
I. Schiffmann. The Kings Power and Statehood	40
A. Kolesnikov. The Meaning of the Term «marzban» in Sasanian Iran	49
K. Starkova. Two Fragments of the «Lamentations» from Khirbet-Qumran (4Q. 179)	57
A. Alekseev. Canticum Canticorum in Russian Mps. from the XVIth Century	63
A. Paykova. The Reflection of some gnostic Idies in the Syriac Literature	80
E. Granström. To the History of Greek Charms and Apocryphal Prayers in Byzantine Literature	86
E. Mescherskaya. The Syrian Manuscripts of Protection in Matenadaran	93
S. Tchernetsov. On the Folklore of Ethiopian Literati	106
L. Vilsker. A Samaritan Inscription on Silk	109
V. Zaleskaya. A Group of Coptic Bronze Objects from the VI th—VII th Centuries	114
A. Elanskaya. Attributes introduced by Ꝁ- and ꝀꝀ- in Coptic and their Coordination	119
A. Chetverukhin. Nominal Sentence in the System of Old Egyptian Syntax	127
E. Bogoslovsky. Palaeographical notices, I—V.	134
Reviews	140

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК,

Вып. 27 (90)

История и филология

Утверждено к печати

Российским палестинским обществом

АН СССР

Редактор издательства Р. К. Паэгле

Технический редактор М. Н. Кондратьева

Корректоры О. И. Буркова и Н. П. Кизим

ИБ № 8636

Сдано в набор 23.05.80. Подписано к печати 29.01.81.
М-22944. Формат $70 \times 108^{1/16}$. Бумага типографская
№ 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ.
л. 10,00=14,00 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 14,67. Тираж
1700. Изд. № 6992. Тип. зак. № 1467. Цена 2 р. 30 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

2 р. 30 к.

«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ